



Авторы книги с главой издательства «ЛУМ» Марией Мироновой

Эта книга является третьей совместной публикацией Президента Флорентийского Общества, члена Совета Междисциплинарного Центра философии права Петра Баренбойма и Вице-президента Флорентийского Общества, Председателя Попечительского Совета Московско-Петербургского философского клуба Александра Захарова. Книга подготовлена по итогам десятилетия деятельности Флорентийского Общества, а также в связи с началом работы Междисциплинарного Центра философии права, созданного Институтом философии РАН, Институтом государства и права РАН, Московско-Петербургским философским клубом, судьями Конституционного суда РФ.

Авторы анализируют концепцию швейцарского историка Якоба Буркхардта (1818-1897) о Государстве как произведении искусства на примере Флоренции периода Ренессанса. Отдельные главы посвящены Данте, семье Медичи, Макиавелли, Пакту Рериха. Идеи государства как произведения искусства, то есть государства, живущего ради культуры, были развиты в России юристом и знаменитым художником Николаем Рерихом.

ISBN 978-5-9903067-3-8



9 785990 306738

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УТОПИЯ: ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА



Петр Баренбойм,
Александр Захаров

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УТОПИЯ: ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА



PIANTA DELLA CITTÀ
DI FIRENZE

Presso Molini



Scala di Pesi 600-centesimi













ФЛОРЕНТИЙСКАЯ
УТОПИЯ



ГОСУДАРСТВО
КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИСКУССТВА



La Società Fiorentina
Il Centro interdisciplinare della Filosofia del Diritto
Il Club Filosofico Mosca-Pietroburgo



Petr Barenboim, Aleksandr Zakharov

L'UTOPIA FIORENTINA:

STATO COME OPERA D'ARTE

Mosca
LOOOM
2012



Флорентийское Общество
Междисциплинарный Центр Философии Права
Московско-Петербургский философский клуб



Петр Баренбойм, Александр Захаров

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УТОПИЯ:

ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Москва
ЛУМ
2012



*Посвящается памяти
и 75-летию со дня рождения
нашего друга и инициатора идеи
Флорентийского Общества
академика Олега Емельяновича Кутафина
(1937–2008)*

*В государствах того времени впервые
проявляется дух современного европейского
государства, поглощенного собственными
интересами, демонстрирующего свой ужасный
и ничем не ограниченный эгоизм, ставящего себя
выше права и подавляющего в зародыше любое
здоровое начинание. Но там, где эта тенденция
преодолевается или как-то уравнивается,
на исторической сцене появляется нечто новое:
государство как рассчитанное и продуманное
творение, государство как произведение
искусства.*

Якоб Буркхардт,
*Культура Возрождения в Италии.
Опыт исследования*

*Помни, что прошлому не уложиться без
остатка в памяти, что ему необходимо будущее.*

Иосиф Бродский

УДК [76+73] (450)(084)
ББК 85.103(3)з6
Б 24

П. Баренбойм, А. Захаров

Б 24 Флорентийская утопия: государство как произведение искусства /
Философско-правовые эссе – М.: Издательство ЛУМ, 2012. – 288 с.: ил.
ISBN 978-5-9903067-3-8

Эта книга является третьей совместной публикацией Президента Флорентийского Общества, члена Совета Междисциплинарного Центра Философии права Петра Баренбойма и Вице-президента Флорентийского Общества, Председателя Попечительского Совета Московско-Петербургского философского клуба Александра Захарова. Книга подготовлена по итогам десятилетия деятельности Флорентийского Общества, а также в связи с началом работы Междисциплинарного Центра философии права. Авторы анализируют концепцию швейцарского историка Якоба Буркхардта (1818–1897) о Государстве как произведении искусства на примере Флоренции периода Ренессанса. Отдельные главы посвящены Данте, семье Медичи, Макиавелли, Пакту Рериха. Идеи Государства как произведения искусства, то есть государства, живущего ради культуры, были развиты в России юристом и знаменитым художником Николаем Рерихом.

P. Barenboim, A. Zakharov

L'Utopia Fiorentina: Stato come opera d'arte

Il presente libro è la terza pubblicazione congiunta del Presidente della Società Fiorentina, membro del Consiglio Interdisciplinare del Centro della Filosofia del Diritto Petr Barenboim e del Vice Presidente della Società Fiorentina, Presidente del Consiglio Tutorio del Club filosofico di Mosca e Pietroburgo Aleksandr Zakharov. Il libro è stato preparato in occasione del decimo anniversario dell'attività della Società Fiorentina nonché in occasione dell'inizio del lavoro del Centro Interdisciplinare della filosofia del diritto. Gli Autori analizzano il concetto dello storico svizzero Jacob Burckhardt (1818–1897) sullo Stato come opera d'arte sull'esempio della Firenze rinascimentale. Singoli capitoli sono dedicate a Dante, alla famiglia dei Medici, a Machiavelli, alla Convenzione sul Patrimonio dell'Umanità (Patto Roerich). Le idee sullo Stato come opera d'arte, cioè su uno Stato che vive per la cultura, sono state sviluppate in Russia dal giurista e pittore famoso Nikolaj Roerich.

P. Barenboim, A. Zakharov

Florentine Utopia: State as a Work of Art

This is the third publication co-authored by Petr Barenboim, President of the Moscow Florentine Society and member of the Council of the Interdisciplinary Center for Philosophy of Law, and Alexander Zakharov, Vice-President of the Moscow Florentine Society and Chairman of the Board of Trustees of the Moscow-Petersburg Philosophical Club. This book has been prepared based on the results of a decade-long activity of the Moscow Florentine Society and in connection with the establishment of the Interdisciplinary Center for Philosophy of Law. Taking the Renaissance Florence as an example, the authors analyze the "State as a Work of Art" (Der Staat als Kunstwerk) concept, formulated by the Swiss historian Jacob Burckhardt (1818–1897). Some chapters of the book are devoted to Dante, the Medici family, Machiavelli, and the Roerich Pact. The ideas of the "State as a Work of Art" – i. e. the state for which culture is the highest priority – were adopted and developed in Russia by the lawyer and famous artist Nicholas Roerich.

Текст © Петр Давидович Баренбойм, Александр Владимирович Захаров
Иллюстрации в тексте: © Wikimedia Commons, Лолита Тимофеева, Сергей Шиян
Перевод основной части итальянского текста – Габриэлла Тоззетти
Оформление © ЛУМ/LOOOM, 2012

ISBN 978-5-9903067-3-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Осуществленная утопия Флоренции	23
Данте	46
Ранние Медичи	68
Макиавелли	86
Ренессансный утопический реализм Николая Рериха	124
Петр Баренбойм. Послесловие «Флоренция в России»	148
Приложение	
Отрывки из стенограмм заседаний Флорентийского Общества	176
Материалы совместного заседания Московско-Петербургского Философского Клуба и Флорентийского Общества 14 апреля 2010 года на тему «Государство как произведение искусства»	221
Pietro Barenboim. Firenze a Mosca	244



ПРЕДИСЛОВИЕ

*А если утро не настанет
И снег не стает с наших век?
Но Санта-Кроче, как Титаник,
Вплывает в двадцать первый век.*

Ян Бруштейн

Стихи современного поэта Яна Бруштейна из эпиграфа как нельзя лучше отражают наше настроение, когда через несколько дней после 11 сентября 2001 года мы учреждали Флорентийское Общество. Мы сделали это, чтобы внести хоть какую-то лепту в уже становящуюся утопической надежду спасения «Титаника» культуры от затопления айсбергом невежества, жестокости и глупости, в том числе и государственной.

Тема, за которую мы взялись в этой книге, восходит к временам, когда не только античное искусство, но и античная, в первую очередь греческая, государственность привлекли к себе по прошествии двух – полутора тысяч лет самое пристальное внимание. Это время, названное Ренессансом и прямо связанное с Флоренцией. Несмотря на огромное количество публикаций об итальянских государствах того времени и, особенно, о городе-республике Флоренции, феномену ренессансной государственности уделено не так много внимания, что позволяет нам претендовать на попытку раскрытия одной из самых загадочных философско-правовых тем, где утопия и реальность, мечта и действительность, сойдясь воедино, произвели вулканический выброс гениев, открытий, идей, фантазий, гипотез, творений культуры. Тогда все могло быть произведением искусства, даже тирания, когда диктатор города Урбино бился на площади с горсткой сторонников против сотен врагов и, получив 17 ран, вскочил на лошадь и вместе со своим братом, явившимся в одиночку верхом в золоченых доспехах, вместе обратили превосходящего противника в бегство, а видевший все зачарованный двенадцатилетний мальчик Рафаэль потом воспел в своих гениальных творениях образы уже святых воителей, навеянные этим детским воспоминанием. Коллекции греческих рукописей тщательно собира-

лись по всем монастырям Европы, где их уже не могли прочесть из-за забывания греческого языка, и не просто расценивались флорентийскими купцами и банкирами как инвестиции, а с затратой больших средств отправлялись в перевод, переписывались и переплетались (печатный станок пришел сюда ближе к концу XV столетия), обсуждались с привлечением лучших умов, сохранялись для будущих поколений.

Так был сохранен и прочитан Платон – автор идеалистической доктрины государственности, философ, верящий, что власти можно придать смысл и дать ее в руки мудрейшим. За всю европейскую историю так читались и обсуждались только Библия и Данте. Поэт Рильке нашел образ для этого чтения:

*А вот как будто ночь по всем приметам.
Деревья жмутся по краям дорог,
И люди собираются в кружок
И тихо рассуждают, каждый слог
Дороже золота ценя при этом.*

Из-за трактовки строки Данте поссорились на площади Синьории во Флоренции гении Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонарроти. Последний неоднократно в своем творчестве обращался к Богу «на Ты», изображая его в полуприличном виде сзади на потолке Сикстинской капеллы, всегда пытаясь создать и создавая (!) божественные творения, украшающие сейчас храмы Италии и фламандского города Брюгге, музеи Италии, Парижа, Лондона, Петербурга. Самый флорентийский поэт мира (после Данте и Микеланджело, конечно) австриец Райнер Мария Рильке очень точно по прошествии веков передал суть ренессансного флорентийского духа: вызов небу, ради победы над собой, для непрерывной проверки собственных сил и уровня поставленных целей и решаемых задач.

*Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас.
Когда б мы поддались напору
Стихии, ищущей простора,
Мы выросли бы во сто раз.
Все, что мы побеждаем, – малость,
Нас унижает наш успех.
Необычайность, небывалость
Зовет бойцов совсем не тех...
Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,*

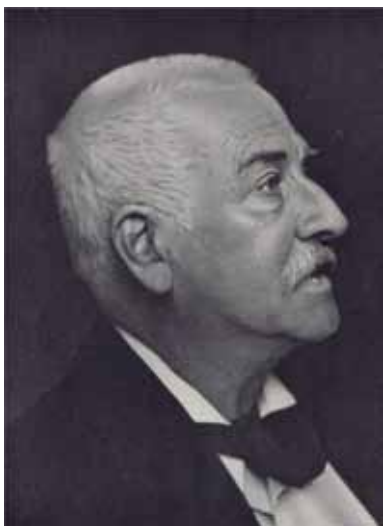
*Выходит из такого боя
В сознание и рассвете сил.
Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб высшее начало
Его все чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ.*

Все флорентийское и ренессансное привлекает пристальное внимание в западной культуре последние, как минимум, два столетия. В исследованиях когда-то лидировали немцы и французы, но со второй половины XX века первенство прочно перешло к англоязычным авторам. В России блестящая ренессансная вспышка Серебряного века начала прошлого столетия уже больше не повторялась, и, отчасти из стремления возродить ее, мы совместно с несколькими единомышленниками почти 10 лет назад и воплотили в жизнь идею, пришедшую в голову Олегу Кутафину за стоящим под открытым небом столиком ресторана «Давид» на площади Синьории. Мы создали Флорентийское Общество, о десятилетней деятельности которого с весны 2011 года подробнее можно прочитать на нашем сайте, просто набрав «Флорентийское Общество» в любой из основных поисковых систем. За первый год его посетило свыше 30 тысяч человек.

Возможно, участие в создании Флорентийского Общества дает нам определенное моральное право писать на обозначенную в названии книги тему.

Кроме того, нам кажется, что мы впервые, по крайней мере, в России, дали философско-правовой и конституционный анализ концепции эстетической государственности Николая Рериха, базирующейся на предложенной Якобом Буркхардтом 150 лет назад интерпретации стихийно развитой в XV веке ренессансной концепции Государства как произведения искусства.

В периоды валютных потрясений швейцарский франк всегда оставался оплотом стабильности. На самой крупной банкноте в тысячу франков изображен портрет Якоба Буркхардта (1818–1897). Так Республика Швейцария оценила своего выдающегося гражданина, как будто знала слова нашего поэта Осипа Мандельштама, писавшего в 30-е годы прошлого столетия, что «ценности гуманизма ныне стали редки, как бы изъяты из употребления и подспудны... ушли, спрятались, как золотая валюта, но, как золотой запас, они обеспечивают все идейное обращение современной Европы и подспудно управляют им тем более властно. Переход на золотую валюту дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей – бумажных выпусков – золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные фло-



Якоб Буркхардт (нем. *Jacob Christoph Burckhardt*, 1818–1897)

рины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок».

Действительно, Буркхардт ненавидел национализм и милитаризм и предсказывал, что следующее, двадцатое, столетие будет заполнено катаклизмами, а главную роль будут играть «ужасающие упрощенцы». Скажем, что он не ошибся, и надеемся, что его прогноз не распространяется и на XXI век. Но чтобы это не случилось, нужно вернуться к его идеям о значении культуры для оценки деятельности любой государственной машины.

150 лет назад в 1860 году швейцарским мыслителем Якобом Буркхардтом была выпущена в свет книга «Die Kultur der Renaissance in Italien» – «Культура Ренессанса в Италии», в которой впервые была

высказана в форме названия главы книги великая концепция-гипотеза: Государство как произведение искусства. При этом он не «придумал» ее, а как бы «нашел» в идеях и практике итальянских государств. В первых словах предисловия, которое структурно входит в состав этой главы, Буркхардт назвал и книгу, и, соответственно, главу Versuch, что по-немецки и тогда и сейчас означало «попытка», и еще подчеркнул, что это слово нужно понимать «в его строжайшем смысле». Перевод на английский и, видимо, другие языки как «эссе» исказил объяснение Буркхардта и способствовал неполному пониманию в течение прошедших полутора веков. Отчасти то же можно сказать о переводе на английский немецкого Kultur как «цивилизация» (civilization), хотя по-немецки это будет Kulturepoch. Поэтому объяснения Буркхардта и его скромность не были поняты в нужной степени. На русский язык, к счастью, Kultur правильно перевели как «культура».

Буркхардт принадлежал к одной из старейших немецкоязычных семей Базеля и, вероятно, впитал неприязнь этой давно республиканской и нейтральной страны к раздиравшим Европу монархическим войнам и насилию. Свободно знал кроме родного немецкого еще итальянский, французский и английский, хотя для трехязычной Швейцарии это всегда было распространенным явлением. Он родился в том же году, что и Карл Маркс, с которым он одновременно учился в Берлинском университете, и на три года позже Бетховена, также выходца из Базеля. Он уже в 15 лет писал стихи и заочно любил Италию, называя себя «Джакомо Буркардо». Впервые

в 20 лет он пешком перешел Альпы и навсегда отдал южной соседней стране свое сердце.

В 37 лет, после трех продолжительных визитов в Италию, он написал культурный путеводитель, остающийся, возможно, одним из лучших до настоящего времени.

В возрасте 42 лет, в 1860 году, он опубликовал книгу «Культура Ренессанса в Италии», первая глава которой носила название «Государство как произведение искусства». Идея написания книги родилась у него тремя годами раньше в Риме, о котором Буркхардт писал, что никогда не будет счастлив вдали от Вечного города. Первые 200 экземпляров книги расходились довольно долго, и только через девять лет вышло второе издание. Настоящую популярность книга завоевала, как водится, после смерти автора, особенно когда были добавлены свыше 400 иллюстраций. При жизни автора книгу перевели на французский и английский, а в начале XX века – на польский и итальянский, затем на десятки других языков.

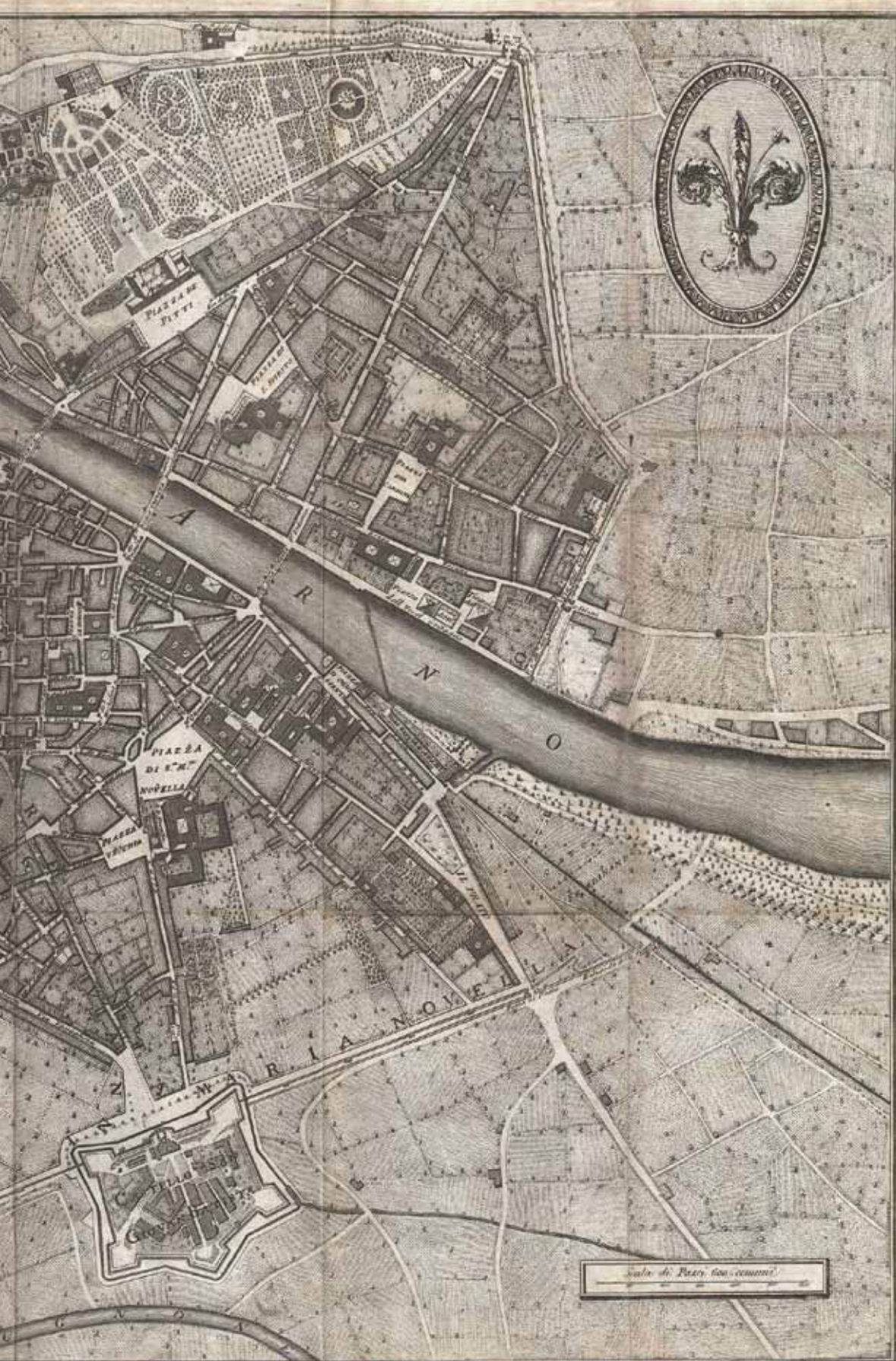
После 1860 года Буркхардт много писал, мало печатал и сосредоточился на преподавании в Базельском университете, ведя уединенную холостяцкую жизнь в двухкомнатной квартире на втором этаже прямо над булочной. Его запечатлели на портрете, идущего по одному и тому же маршруту в университет с большой папкой для иллюстраций под мышкой. В какой-то мере он стал базельским Кантом, хотя, в отличие от последнего, гулял не один, а иногда и с молодым профессором того же университета Фридрихом Ницше. При этом не признававший никого Ницше посещал лекции Буркхардта и писал, что впервые в жизни получил удовольствие от лекции.

Новые мысли о взаимосвязи истории и культуры, записанные Буркхардтом, после издания «Культуры Ренессанса», были опубликованы после его смерти, и в них также затронута тема Государства как произведения искусства. Впрочем, и сама «Культура Ренессанса в Италии» содержит богатейший материал для рассмотрения этой темы, которая до 2010 года не привлекала внимания отечественных историков, юристов, философов, политологов. Неизвестны нам и специально посвященные проблеме иностранные исследования.

На русский впервые книга была переведена так себе в 1876 году, но вопрос, были ли знакомы знаменитые русские исследователи Возрождения Серебряного века с этим произведением, для нас остается открытым. Языки они знали хорошо, но влияния Буркхардта не чувствуется в произведениях, например, Павла Муратова, Бориса Зайцева и Михаила Осоргина, особенно если сравнить с англичанами Патером (Пейтером) или Беренсоном, которых они по традиции того времени активно использовали, хотя при этом нечасто цитировали. Нам кажется, что наши «флорентийцы-

PIANTA DELLA CITTÀ
DI FIRENZE
Presso Molini





возрожденцы» того времени просмотрели эстетическую концепцию государственности, основанную на взаимосвязи государства и культуры, которая пронизывает не только первую главу, но всю книгу Буркхардта. В любом случае ее не «просмотрел» Рерих, который (мы уверены) должен был хорошо знать работу Буркхардта. Потому что концепция Государства как произведения искусства рождена самим периодом Ренессанса, а не Буркхардтом, который выступил ее первооткрывателем и успешным интерпретатором. Хотя Буркхардт считал, что философия истории не существует, поскольку в ней отсутствует система («любая система неисторична»), и говорил о Гегеле, что не понимает соответствующих идей последнего. Сам он стремился выявить в деятельности государств периода Ренессанса «плодотворную политическую концепцию», о которой «проговорился» в первой главе.

Сторонников идеи эстетической концепции государственности, а значит, и сторонников Буркхардта и Рериха, можно заподозрить в какой-то пристрастности, поэтому процитируем уважаемого английского профессора из Кембриджского университета, написавшего в предисловии к новому и сейчас уже неоднократно переизданному английскому изданию «Цивилизации Ренессанса в Италии» 1990 года, что первая глава «Государства как произведения искусства» является одной из центральных в книге и иллюстрирует «влияние культуры на политику». А наиболее значительным и знаменитым во всей книге утверждением Буркхардта он считает следующее: «В Средние века человек воспринимал себя только как члена расы, нации, партии, семьи или корпорации – только через эти общие категории. В Италии впервые этот покров был разорван в клочья, и объективный подход к государству и всему остальному в мире стал возможным. В это же время субъективный подход претерпел соответствующие изменения, и человек стал духовным индивидом и осознал себя таковым». По мнению Берке, работы Макиавелли поддерживали «объективность Ренессанса и (!) идею государства как произведения искусства», в то время, как автобиографии папы Пия Второго, Бенвенуто Челлини и стихи Петрарки иллюстрировали «субъективную сторону того периода»¹.

Берке не вдается в правовые вопросы и детали, не обсуждает саму концепцию первой главы и, конечно, не избегает почти обязательной психоаналитики, когда вдается в рассуждения одного из своих коллег о том, что скромный в жизни Буркхардт искал в итальянских городах-республиках гармонию, которую еще помнил со времен своего детского восприятия старого Базеля, утратившего часть самоуправления, стены которого почти

¹ Peter Burke, Introduction, Jakob Burckhardt . The Civilisation of the Renaissance in Italy, London, 2004, P. 5

символично начали сносить как раз за год до выхода книги, а также иногда описывал детально жестокости деспотий из-за скрытого интереса к насилию. Тем не менее Берке очень удачно сопоставляет книгу 1860 года с посмертно опубликованными записями лекций автора периода 1868-1871 годов, где Буркхардт утверждает, что существуют три главные власти: государство, культура и религия, находящиеся в постоянном взаимодействии. В лекциях он говорил, что «существуют первичные политические и религиозные эпохи и завершающие эпохи, которые живут для великих целей культуры. Древние Египет, Мексика и Перу представляют примеры «культуры, определяемой государством», исламские страны показывают примеры «культуры, определяемой религией», а городские полисы Древней Греции демонстрировали «государство, определяемое культурой».

Поэтому мы можем сформулировать интерпретацию Буркхардта рассмотренной им в первой главе ренессансной концепции, используя его же слова, следующим образом: «Государство как произведение искусства – это государство, определяемое культурой».

Понятно, что Ренессанс для него был после полисов античной Греции еще одной из эпох, которая жила «для великих целей культуры». Эта глава концентрируется, по мнению Берке, на «подъеме новой самодостаточной концепции государства», которая иллюстрируется флорентийскими и венецианскими осуществленными в жизнь республиканскими идеями, составляющими суть новой концепции, названной Буркхардтом «Государство как произведение искусства» (*Der Staat als Kunstwerk*). Здесь следует обратить внимание, что в своих лекциях по философии истории Гегель за несколько десятилетий до выхода книги Буркхардта говорил о политической системе античной Греции как о «политическом произведении искусства» (*Das politische Kunstwerk*), что может свидетельствовать о влиянии на Буркхардта, по крайней мере, на формулировку названия концепции.

Еще на прогулках с Ницше он называл Шопенгауэра «нашим философом». Поэтому объясним слова Буркхардта, что он не философ истории, учитывая его скромность, а кроме того, говоря о целях нашего исследования, мы скорее назвали бы его философом права.

Его открытие и представление 150 лет назад ренессансной концепции Государства как произведения искусства, как нам кажется, прошло мимо внимания и юристов, и философов права. Для нас эта дата важна по нескольким причинам.

Во-первых, всем уже должно быть понятно, что если не будут остановлены безумно-бессмысленные (по-другому никак не скажешь) поиск, создание и накапливание новых сверхразрушительных вооружений, у человечества может не быть шанса выжить уже в XXI веке. Еще не взорвавшись, они почти до основания разрушают государственные финансы,

отсекают от общенародных ресурсов большую часть наиболее уязвимого населения: молодежь, стариков, людей умственного труда. Нужно повернуть ресурсы для преодоления разрыва между бедными и богатыми странами, нужно создать новую цивилизацию, которой будет чуждо милитаристское сознание, нужно привлечь всю мощь накопленных за тысячелетия и столетия достижений культуры, чтобы уравновесить, а затем и преодолеть саму возможность пусть даже локального применения мощи уже созданного и накопленного за последние десятилетия оружия. Повторимся: речь идет о борьбе, войне, если хотите, за сознание людей, за уменьшение его агрессивности.

Современное государство за немногими исключениями сохранило вкус к войнам, военным угрозам, демонстрации силовых мускулов. Враждующие стороны в гражданской войне в европейской Югославии продемонстрировали такие взаимные зверства, которые удовлетворили бы самых кровожадных участников какой-нибудь «Аль-Каиды». Что-то не хочется переходить к более близким примерам, но и так понятно, что современное государство не соответствует нарастающим вызовам XXI века, предвещающим еще более грозные вызовы третьего тысячелетия. И вызовы эти не только военного характера: уничтожающее очеловечивание природы и разрушительное одичание человеческого сознания.

Государство либо станет распространителем просвещения, культуры, толерантности, меценатом знания и искусства, проводником объединительных и умиротворяющих идей, либо останется непонятно что делающей машиной, кого-то подавляющей, кого-то поощряющей, не имеющей стратегии развития и мыслящей в пределах от выборов к выборам. Теперь еще и от олимпиады до чемпионата по футболу.

Цитадель демократии вдруг без паузы узаконивает средневековые пытки в Гуантанаме и других тюрьмах, и гладкие юристы в хороших костюмах, только недавно назидательно что-то объяснявшие о правах человека, как-то даже не особо стесняясь «не замечают» прямых вопросов на эту тему. Один из авторов, как участник ряда заседаний в рамках развернутого в последние годы Американской Ассоциацией Юристов и Международной Ассоциацией Юристов (Лондон) движения за верховенство права, неоднократно в 2005–2007 годах предлагал заняться не слишком разработанной проблемой психологической пытки и ни разу не встретил поддержки и понимания. О России вообще говорить не приходится, поскольку система издевательств над людьми в рамках деятельности правоохранительной системы сохранилась с царских и сталинских времен.

Может быть, государство нельзя изменить вообще? И как его можно практически изменить? На это есть ответ, сформулированный в концентрированном виде примерно 75 лет назад и через 75 лет после выхода



Франческо Граначчи (1469–1543)
Вхождение войска Карла VIII во Флоренцию

книги Буркхардта. Величайшим собственным, а не скопированным с западных образцов достижением российской правовой мысли, возможно, за всю ее историю, является концепция взаимосвязи государства и культуры, которую мы назвали концепцией эстетической государственности Николая Рериха. Она не только важна для построения в XXI веке в России правового государства, к чему обязывает статья 1 Конституции РФ, но и требует осмысления ее корней и истоков, из которых важнейшими являются идеи швейцарского мыслителя XIX века Якоба Буркхардта, который умер в Базеле в 1897 году, а на следующий год Рерих закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (а заодно и Академию художеств). Более подробно о концепции Рериха мы написали в книге «Пакт Рериха в 21 веке» (Летний сад, М., 2010).

Почти в те же времена, что и публикация Буркхардта, близкая мысль была (кстати, во Флоренции) выражена Достоевским в поэтической формуле: «Красота спасет мир». Кроме того, в числе наших «заслуг» перед утопическим движением следует указать, что одному из авторов по счастливой случайности удалось обнаружить мощи покровителя политиков святого Томаса Мора (шейные позвонки, перерубленные топором палача в 1535 году), не известные ни Ватикану, ни многочисленным церквям его имени и исследовательскому центру Мора в Далмации (США)².

² П. Баренбойм. Похвала Утопии // Время новостей, 9 августа 2009 года.
Peter Barenboim, The Praise of Utopia, Herald of Europe, № 7, 2010

Иосиф Бродский говорил, что есть Древняя Греция английская и есть французская, и т. д., поскольку «у каждой эпохи, каждой культуры есть своя версия прошлого». Русской Древней Греции нет как соответствующего культурного движения, зато русская Флоренция существует в книгах, записках, дневниках и стихотворениях и отличается от других французских, немецких, американских, английских «Флоренций», поскольку со времен первого «нашествия» туда русских путешественников, описанного еще Стендалем, мы ищем там то, что ближе и важнее России.

Подражая великолепному Рильке, мы стремились, как могли, доказывать свои мысли ренессансным стилем, почерпнутым им из флорентийской культуры, характеризующимся (как этот стиль определил Борис Пастернак) «настоятельностью сказанного, безусловностью, нешуточностью, прямым назначением речи». Бесспорно, нам это удалось в цитатах из Рильке и других именитых авторов.

Книга состоит из отдельных эссе, связанных между собой заданной в названии книги темой. Хотели бы заметить, что такая структура воспринята нами из целого ряда книг по флорентийской и ренессансной проблематике. Также такой подход показывает, что мы не претендуем на полноту раскрытия темы, а отмечаем ее наиболее, по нашему мнению, существенные моменты, оставляя другим заинтересованным исследователям, опять же вспоминая Пастернака, «по живому следу пройти весь путь за пядью пядь».

Кроме того, такая структура книги оправдывает некоторые повторы, связанные с возможностью для читателя начинать с любой из глав, независимо от ее места в оглавлении. Тем самым мы не навязываем порядок чтения и рассмотрения вопросов, затронутых в книге, с пониманием, что по ним может быть одновременно несколько активных или нейтральных суждений, как экспертных, так и любительских. Таким образом, каждый может составить свое мнение, знакомясь с материалом в удобном для него режиме, даже если такой порядок чтения выбран им интуитивно. Тогда для каждого эта книга может стать своей. Мы здесь следуем методу сербского писателя Милорада Павича (1929–2009), считавшего, что способ чтения, который практиковался в течение тысячелетий, устарел, и автору нужно уступить часть своей работы читателю, предоставив тому возможность самому прокладывать себе путь в книге, тем самым делая читателя равноправным участником ее создания.

Вышеуказанный способ чтения скорее характерен для молодого читателя. Что ж, здесь существует некоторое несовпадение подходов авторов этой книги. Один из них считает, что она имеет шанс достигнуть сознания только молодого читателя, каковыми он полагает граждан современной России, вступивших в сознательную жизнь в этой географически новой

стране под действием реальной Конституции 1993 года и не отягощенных даже пионерскими клятвами Ленину и КПСС. В то же время другой автор, наоборот, думает, что старшее поколение, воспитывавшееся в уважении к утопическим учениям и по-настоящему способное оценить попытку прорыва к Флоренции и Ренессансу, сможет сыграть важную роль в распространении идей Возрождения среди молодежи.

Возможно, оба правы или оба неправы. Павич справедливо написал, что человеческие мысли не линейны, «они роятся, разветвляются в разные стороны, они существуют одновременно и благодаря этому проникают в жизнь и наполняются жизнью в большей степени, чем какая бы то ни было фраза».



ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ УТОПИЯ ФЛОРЕНЦИИ

*Карта Мира, где не изображена Утопия,
не заслуживает даже беглого взгляда.*

Левис Мумфорд

«Итак, в самых началах мысли греческой философии, в частности у Платона, уже было фантастическое сознание, которое выразилось в удивительных фразах (они прекрасны и в литературном отношении и отличаются от того уродливого языка, на котором я с вами разговариваю, поскольку я талантом Платона, великого поэта, писателя и мифолога, не обладаю). Эти фразы прекрасны и по форме, и по своей отвлеченной мысли, если ее понимаешь. Например, он говорит (вы знаете, что Платон – автор первой утопии, его учение есть так называемая утопия идеального государства): «Мое идеальное государство есть единственная и подлинная трагедия». Фраза эта была сказана в связи с тем, что в его идеальном государстве существовала особого рода иерархия, которая распространялась и на поэтов, причем настолько, что возникал вопрос у самого Платона и у читателя: допустимы ли в таком случае поэты вообще (а для греков поэт – это трагик, автор пьес, трагедий). И в его «Государстве» есть такая воображаемая сцена, когда некий человек из другой страны спрашивает у граждан, которые сочиняют для себя эту самую утопию: «А в ваше идеальное государство будете ли вы допускать людей, которые называются поэтами и которые приходили бы к вам и ставили для вас трагедии?» На что следует очень интересный ответ: «Да нет, мы не будем их допускать, потому что наше идеальное государство и есть подлинная, единственная трагедия». Имеется в виду, что та трагедия, которая разыгрывается на сцене, обладает обманчивым эффектом спектакля, разыгрываемого для зрителя, который потребляет этот спектакль – пришел, посмотрел, культурно провел время и пошел домой. И поэт, следовательно, – это тот человек, который профессионально занят созданием для нас того, что мы можем потреблять в часы досуга. Платон же имеет в виду, что идеальное государство есть такое государство,

в котором граждане не являются зрителями, а сами являются актерами реальной трагедии, участниками тех самых апорий, о которых я говорил, так как то, что может случиться в идеальном государстве, то искомое социальное состояние, соразмерное идеалам человека, может случиться только героически».

Мераб Мамардашвили

Очень длинный эпиграф из записи последних тбилисских лекций замечательного философа Мамардашвили (1930–1990) нам понадобился для того, чтобы подчеркнуть: артистичность государственной и общественной жизни, ее одухотворенность, литературность, поэтичность наконец (хотя «поэты» у Платона – это, по-нашему, драматурги, авторы сценария, а «трагедия» – просто любая пьеса, без обязательного кровавого конца) были реальными атрибутами осуществленных утопий древних Афин и ренессансной Флорентийской республики. Во Флоренции XV века идеологией была вновь открытая философия Платона, а умение сочинять отличные стихи было такой же важной составляющей имиджа Лоренцо Медичи, как и умелое ведение политических дел и победы (благодаря не знающей равной физической силе) на рыцарских турнирах на площади перед собором Санта-Кроче. Все это послужило поводом для присвоения ему уже при жизни неофициального титула «Великолепный», который теперь отчеканен в бронзе прошедшими пятью веками придирчивой истории.

Имя Лоренцо Великолепного неразрывно связано с идеей ренессансного государства как произведения искусства. Но прежде нужно определить значение и смысл слова и понятия «Ренессанс». Крупнейший немецкий филолог Конрад Бурдах посвятил много лет исследованию происхождения Ренессанса, что дало ему возможность утверждать, что образ «возрождения» происходит не из наблюдения за действительностью, а скорее из мира фантазии, мифа, религиозного созерцания. Ренессанс развивался постепенно, и корни его заложены еще в период предшествующих Средних веков. Исследование Ренессанса не является проблемой истории искусства, он отнюдь не тождественен развитию изобразительного искусства и не коренится в нем, поскольку для его понимания открытие и возрождение античного искусства, античной науки играют лишь вторичную или эпизодическую роль¹.

Далее К. Бурдах подчеркивает, что историю понятия «Возрождение, Ренессанс» лучше вести не от Вазари, как это было принято, а от Маки-

¹ К. Бурдах. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004, с. 9, 16.

авелли, а еще лучше от лозунгов восстания Риенцо в Риме в 1347 году, в результате которого в течение 7 месяцев ранее никому не известный римский юрист Риенцо (Николо ди Лоренцо) правил городом Римом и вел прямую переписку с Папой, королями, правительствами итальянских городов-республик. Риенцо и сформировал в своих выступлениях и письмах необходимость возрождения религиозного духа на базе античности и ее древних мистических верований и на этой основе возродить Рим, Италию, весь мир².

Риенцо пишет немецкому королю: «И так как сегодня более чем когда-либо в стареющем и седеющем от греха мире остыло тепло, как дух жизни в больном, нам тем необходимее новое возгорание духовного огня и духовное обновление, наподобие озарения во тьме»³.

К. Бурдах увязывает Ренессанс с всеобщим разочарованием и ожиданием, обострившимся к XIII–XV векам. «Сознание, что из древних, вечных, загложших источников жизни, из исконной глубины человечества, из которой люди изгнаны, должно прийти некое великое новое, переоценка, изменение, сознание, что оно близко, готовится и совершается, – в этом корень культурных движений, называемых нами Ренессансом и Реформацией. Безграничное ожидание в душах людей – основная черта XIV века»⁴.

Но разве эти черты – ожидания «нового великого, переоценка, изменение» – не характерны и для начала века XXI? Разве не те же чувства обуревают всех нас сейчас? Разве сейчас не обращены с многих сторон взгляды, например, на религию для получения новых ответов и разрешения новых сомнений?

По мнению К. Бурдаха, истинный Ренессанс начался с Данте и закончился на Микеланджело. Он пишет: «Гуманизм и Ренессанс... искали не ответвления мертвой культуры, а новой жизни своего настоящего и будущего»⁵. Главная эстетическая идея сильного конституционного строя – обеспечение максимально возможной для своего времени счастливой жизни граждан на фоне расцвета искусства – практически осуществилась в течение нескольких десятилетий в Республике Флоренция XV века.

Стендаль в 1816 году тонко почувствовал утопичность флорентийской государственности, отстаивавшей одновременно красоту и свободу одинокой республики, окруженной полчищами кровожадных вояк. Он писал, что на площади перед Синьорией (Палаццо Веккьо) «Флоренция раз

² К. Бурдах. Там же. С. 18-25.

³ К. Бурдах. Там же. С. 28.

⁴ К. Бурдах. Там же. С. 23.

⁵ К. Бурдах. Там же. С. 17.

двадцать пыталась обрести свободу, и кровь лилась во имя Конституции, которую невозможно было осуществить на деле»⁶.

Как удачно отметила Евгения Герцык, «вся Флоренция – дерзновение творчества, создания не бывшего». Думаем, город-республика также проявил «дерзновение творчества» и сумел создать в политике нечто еще «не бывшее», что закрепилось в веках и творениях его величайших мастеров, в свою очередь, создавших еще «не бывшее» в искусстве. Герцык вспоминает, что в Италии в 1913 году Бердяев говорил ей о неудаче Ренессанса, что «величайший в истории творческий порыв рухнул, не удался, потому что задача всякого творчества – мир пересоздать, а здесь остались только фрески, фронтоны, барельефы – каменный хлам! А где новый мир?»⁷ Представляется, ближе к истине Павел Муратов, написавший, что квинтэссенция флорентийского Ренессанса XV века – кватроченто – это «жизнь в мире». Впрочем, после революции и гражданской войны чудом избежавший гибели, Бердяев мог изменить свои взгляды на понятие «новый мир».

В своей работе «Смысл творчества» Бердяев пытался обосновать «неудачу» Возрождения, когда писал: «В Возрождении был небывалый подъем человеческого творчества, проблема творчества восстает с небывалой остротой... Тайна Возрождения – в том, что оно не удалось. Никогда еще не было послано в мир таких творческих сил, и никогда еще не была так обнаружена трагедия творчества, несоответствие между заданием и достижением»⁸.

А ведь фактически флорентийцы XV века создали «новый мир», то есть создали такой конституционный строй, который продержался почти все XV столетие, завершившись вершинами творчества одних (Брунеллески, Донателло, Филиппо Липпи, Боттичелли и т.д.) и формированием творческого потенциала других (Леонардо да Винчи, Микеланджело, Макиавелли и т. д.). Мирно, весело и довольно счастливо прожило эти годы большинство граждан города.

Муратов пишет: «Искусство кажется главным занятием Флоренции XV века... Кватроченто сделало искусством все – любовь, просвещение, торговлю, даже политику, даже войну... Нигде, даже в военном лагере, даже около окруженного лесами собора, даже в товарных складах Колималы, мы не увидим человека, униженного до положения обитателя улья или муравейника»⁹.

⁶ Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция. Собр. соч. Т. 9. С. 130.

⁷ Хождения во Флоренцию / Под ред. Екатерины Гениевой и Петра Баренбойма. М.: Рудомино, 2003. С. 322. – Далее: Хождения.

⁸ Хождения. С. 318.

⁹ Хождения. С. 236–237.



Франческо Салвиати (1510–1563)

Triumph of Furius Camillus

Государственный строй Флоренции времен Ренессанса можно оценивать по его результатам: высокая духовность, тяга к художественным ценностям, атмосфера благоприятствования для развития искусства, которая позволяла художникам творить и завершать свои творения. Поэтому и модель разделения властей Флорентийской республики заслуживает выделения именно из-за ее результативности.

Смешение представителей умственного и физического труда давало городскому правительству особую устойчивость при решении самых каверзных политических вопросов. Корпоративное и профессиональное мышление напряженно искало лучшие пути развития экономики города, который стоял далеко от моря, в отличие от Генуи и Венеции, и не располагался безопасно на вершине гор, как Сиена. Торговые пути к морю могли быть отрезаны, город, лежащий в долине, казался легко доступным для врага.





Выбор флорентийцев в пользу наемных войск намного предвосхитил современную концепцию отказа от насильственного призыва в армию. В результате, во-первых, в течение длительного времени в XIV–XV столетиях город, находящийся в центре Италии на всех возможных военных дорогах, ни разу не был захвачен иностранными войсками, хотя пару-тройку раз в него по согласию входили союзнические армии. Во-вторых, флорентийцы спасли свое молодое поколение от участия в кровопролитии или, что еще бессмысленней, в подготовке к нему, а вместо этого создали в городе условия, когда любой профессиональный и особенно художественный талант мог быть развит до предела своих возможностей. В-третьих, не имея в числе своих граждан и, соответственно, избирателей, военных, флорентийцы исключили возможность как военных переворотов, так и претензий военачальников на повышенное политическое влияние. Флорентийцы не развивали свои военные таланты, что не помешало им быть грозной силой как на полях сражений, так и в уличных схватках. Когда во время заговора Пацци отборные папские солдаты попытались взять штурмом дворец Синьории, практически безоружные клерки сменили гусиные перья на все, что попало под руку, и отбили нападение.

Приглашение подесты – то есть городского судьи, из числа признанных юристов, всегда граждан других городов, также сыграло в те столетия важную роль в становлении независимого правосудия. Подесте в 1255 году построили мощный дворец – Palazzo del Podesta, но во избежание постороннего влияния запретили даже ужинать за пределами дворца, а частные встречи с гражданами свели к минимуму.

Флорентийская республика XV века занимает особое место среди городов-государств Европы. Первенство Флоренции перед другими городами Европы в области искусства и архитектуры за все прошедшие два тысячелетия нашей эры является бесспорным. Флорентийцы того времени и их последователи сумели отстроить и расписать сам великий Рим и половину Европы.

Флорентийцы вошли в число титанов Возрождения не только в науке, живописи, скульптуре, архитектуре, ювелирном деле, но и в политике, и в развитии конституционных идей. Особенностью флорентийской демократии является тот факт, что она основывалась на довольно развитом и образованном гражданском обществе. Все сколько-нибудь влиятельные граждане республики, как минимум, входили в состав какой-либо гильдии, которые были основой избирательной, а значит, и политической системы Флоренции. Кроме того, существовало немало и других общественных и религиозных объединений. Флорентийские литераторы, художники, скульпторы и архитекторы не отсиживались в «башнях из слоновой кости» и не изображали из себя богему. Активная политическая позиция Данте, Ми-

келанджело, Бенвенуто Челлини хорошо иллюстрирует высокий уровень гражданственности и политической активности столпов Флорентийского Возрождения.

Само общепринятое название «город-коммуна» будит как историческое воспоминание о Парижской коммуне и советских коммунах (не говоря о том, что слово «коммуна» дало жизнь слову «коммунистический»), так и весьма позитивное ощущение понятия некоего братства, единства душ, духовной и материальной взаимозависимости людей.

Идеологией правящего класса Флоренции XV века была официально утвержденная и неизменная, за исключением отдельных довольно кратких периодов, установка на создание самых совершенных в художественном отношении творений архитектуры, живописи и скульптуры. Каковы причины? «Воздух флорентийского интеллектуализма», о котором писал П. П. Муратов, тут явно нельзя понимать буквально. Микеланджело объяснял в старости свое длительное отсутствие во Флоренции тем, что «резкий и редкий» местный воздух был ему вреден, а вот Брунеллески плохо себя чувствовал без флорентийского воздуха¹⁰.

Скульптор Донато не мог оставаться в Падуе, «хотя на него там и смотрели как на чудо и он был восхваляем всеми знающими людьми, он решил вернуться во Флоренцию, говоря, что, если он дольше останется, он забудет все, что знал, ибо слишком уж все его восхваляют, и что поэтому он охотно возвращается в свое отечество, чтобы его там постоянно осуждали, но что осуждение это толкает его на работу, а следовательно, и приносит ему еще большую славу»¹¹. Как и местные художники, флорентийские политики не могли жить вне атмосферы постоянной напряженной конкуренции, что и сказалось на государственном строе республики. Ради того, чтобы не остаться вне политики, дворяне отказывались от титулов, а изгнание из города даже в свой близлежащий замок или поместье было для них хуже сибирской каторги.

Интересно было прочитать, что Силиконовую долину в современной Калифорнии, где на территории, сравнимой с Флоренцией, сосредоточились десятки тысяч творцов современных компьютерных технологий, сравнивают именно с Флоренцией периода Ренессанса. Здесь в начале XXI века вместо художников и скульпторов живут и работают люди, которые «воодушевляются интегральными схемами не меньше, чем Микеланджело мрамором»¹².

¹⁰ П. П. Муратов. Образы Италии. Т. 1. М., 1993. С. 82, 372.

¹¹ Там же. С. 113.

¹² Newman C. Silicon Valley. Inside the dream incubator. National Geographic, December 2001. P. 37.

В только что процитированной статье рассказывается, что правительство и крупнейшие банкиры Франции попытались создать проект подобной Силиконовой долины в своей стране. Это понятно, поскольку благодаря интеллектуальной мощи обитателей Силиконовой долины, расположенной под Сан-Франциско между знаменитыми университетами Беркли и Стэнфорд, Соединенные Штаты за пару десятков лет превзошли весь мир в передовых электронных технологиях.

Однако французы не смогли воссоздать ту атмосферу свободы, дерзости, раскованности и уважения к таланту, сделавшую Силиконовую долину «инкубатором мечты». Здесь знаменитый компьютерщик Билл Хьюлетт не бросил трубку, когда ему звонил двенадцатилетний мальчик, просивший недостающие детали для своей электронной схемы, а взял этого мальчика под опеку. А через десяток лет мальчик стал создателем знаменитого компьютера Apple. Так же когда-то и Лоренцо Медичи заметил двенадцатилетнего Микеланджело и дал ему возможность обучаться ваянию. Чтобы добиться успеха в Силиконовой долине, «нужно иметь желание прислушаться к мнению людей, средний возраст которых 27 лет»¹³. Да, в таком возрасте все флорентийские гении уже себя проявили.

«Воздух интеллектуализма» Силиконовой долины дает современное представление об унесенном ветром истории «воздухе интеллектуализма» Флоренции XV века. Процитируем строки Байрона о гробницах великих людей во флорентийском соборе Санта-Кроче:

*И пусть ничто в веках не сохранится
От мощи, обреченной на распад,
Они его бессмертье отстоят.
Там звездный Галилей в одном приделе,
В другом же, рядом с Альфиере, спят
Буонарроти и Макиавелли,
Отдав свой прах земле, им давшей колыбели.
Они бы, как стихии, вчетвером
Весь мир создать могли. Промчатся годы,
И может рухнуть царственный твой дом,
Италия! Но волею Природы
Гигантов равных не дали народы.*

Флорентийская модель государственности предусматривала такое раздробление государственных функций среди различных государственных органов, которое создавало сдержки и противовесы любому стремлению

¹³ Newman C. Op. cit. P. 61.

к установлению тирании в этом городе. Конституционный порядок более или менее менялся с точки зрения структуры и функций различных госорганов почти каждые пять лет. К флорентийскому государству вполне можно отнести слова Гегеля о его античном предшественнике: «В Афинах существовала живая свобода и живое равенство в быту и духовном развитии, и если было неизбежно имущественное неравенство, то оно не доходило до крайностей... Таким образом, Афины являлись государством, по существу жившим для прекрасного, вполне сознательно относившимся к серьезным общественным делам и к интересам человеческого духа и жизни и соединившим с этим мужество и практически действенный смысл»¹⁴.

Флорентийская система разделения властей стала основой, на которой базировалась эта осуществленная утопия. Прошедшие почти пять столетий позволяют дать высшую оценку флорентийской государственности, которая обеспечила ведущим гражданам, самому городу и его конституционной системе заслуженное бессмертие и историческое влияние.

Томас Мор был самым юным участником кружка лондонских неоплатонистов, подражавших Платоновской академии во Флоренции. Он перевел биографию Пико дела Мирандолы, активного участника академии. При этом не случайность, что два старших члена этого кружка ранее слушали во Флоренции лекции Пико дела Мирандолы. По мнению внука Томаса Мора, образ Пико дела Мирандолы поразил Мора и стал для него образцом. Мор писал работы в защиту идей Платона об идеальном государстве, которые были возвращены к жизни именно во Флоренции. Особое влияние на развитие Мора оказал Джон Колет, который путешествовал во Флоренцию и встречался с членами Академии. Его рассказы о Флоренции решающим образом повлияли на создание «Утопии». Хотя эти лавры чаще отдают Эразму Роттердамскому, все же нельзя не согласиться с биографом Томаса Мора, считающим, что «Колет продвинулся намного ближе к неоплатонизму Флоренции, чем Эразм»¹⁵. Это в письме Колету молодой Мор писал, как трудно ему жить в Лондоне среди ложных друзей и врагов, среди высоких домов, заслоняющих небеса¹⁶. Не случайно главные страницы «Утопии» были почти залпом написаны Мором, когда он находился в городе Брюгге, который за сочетание фламандских и итальянских черт иногда называют «Северной Флоренцией».

Флоренция в качестве города-республики XV века оказала большое влияние на Томаса Мора, который сам никогда не был в Италии, что сделало его восприятие еще более идеалистичным. Не случайно П. П. Муратов

¹⁴ Гегель Г. Философия истории. СПб., 1993. С. 185–186.

¹⁵ Ackroyd P. The Life of Thomas More. N. Y., 1999. P. 85.

¹⁶ Ackroyd P. Op. cit. P. 110–111.

назвал Флоренцию «мечтой и счастьем всего человечества»¹⁷. Прежде чем представить некоторые доказательства влияния Флоренции на создание книги «Утопия», позвольте привести исторические примеры внедрения в жизнь идей этой книги после ее издания, что поможет подойти к идее осуществленной утопии во Флоренции XV века.

Если взглянуть не только на Флоренцию, но и на Брюгге примерно того же периода, то мы видим, как два передовых торговых и финансовых центра Европы XV века не только обеспечили расцвет искусства, но и влияли друг на друга. Томас Мор никогда не был в Италии, но свою «Утопию» написал в Брюгге, при этом идеализируя Флоренцию на расстоянии. Платоновская академия времен Лоренцо Великолепного привлекала Мора, так как воплощала в себе наиболее современную для того периода концентрацию древнегреческой философии.

Почти в одно время с написанием «Утопии» Мор дал жесткую отповедь руководству Оксфордского университета за подавление в нем изучения греческого языка и древнегреческой мысли. Ему было обидно, что его альма-матер не похожа на флорентийскую Платоновскую академию, и, более того, движется в противоположном направлении. Он писал, что ни философию, ни теологию нельзя понять без изучения греческой мысли и языка, так как на латынь было переведено менее половины главных произведений древнегреческих мыслителей¹⁸.

Влияние идеализированного имиджа Флоренции на Томаса Мора обязательно должно приниматься во внимание при изучении его творчества. Он пишет в «Утопии»: «Государственные органы не заставляют граждан заниматься излишней работой, поскольку республика всегда стремится, чтобы все граждане тратили как можно больше времени на занятия культурой. В этом, как они думают, заключается счастье жизни»¹⁹.

Можно попытаться поправить известного специалиста по Возрождению Бурдаха, уточнив его же мысль, что Ренессанс развивался не только в искусстве, но и государственных институтах, и что этот «конституционный Ренессанс», начавшийся с правовых идей Данте, завершился в начале XVI века с Макиавелли в распадающейся и слабеющей Италии, а также с Томасом Мором в крепнущей Англии. Флорентийская утопия – это институционализация, точнее, конституционализация культуры, возведенной в число высших ценностей государства.

Когда американский профессор Покок пишет в своей книге «Момент Макиавелли», что создание США в конце XVIII века стало последним

¹⁷ П. П. Муратов. Образы Италии. Т. 1. М., 1993. С. 163.

¹⁸ Thomas More, *Utopia and other writings*, selected and edited by James Greene and John Dolan, New-York, 1984. Pp. 104–108.

¹⁹ Ibid. P. 60.



*Портрет Томаса Мора кисти Ганса Гольбейна Младшего (фрагмент)
и карта страны Утопии из книги «Утопия»*

актом европейского Возрождения, его мысль может быть понятна только в связи с признанием Томаса Мора в качестве важнейшей фигуры Ренессанса, черпавшего вдохновение в городах – Брюгге и Флоренции – с одной стороны, и в оптимистических сообщениях из только что открытой Америки – с другой. Он ведь и географически расположил Утопию у берегов Америки.

Имеется немало примеров осуществляемых на какой-то период времени утопических государственных идей. Флорентийская республика времен первых Медичи, иезуитская республика Гуарани, с определенными оговорками Соединенные Штаты Америки, наконец, Советский Союз – огромная государственная система, провозгласившая своей непосредственной целью построение утопического коммунистического общества. Нет, видимо, нужды доказывать, что изучение осуществленных в жизни утопий значительно интереснее и познавательней утопических идей, которые существовали только на бумаге.

Традиционно к конституционным утопиям относят идеалистические описания совершенного (в представлении автора) государственного строя, который обеспечивает наивысший уровень счастья и благосостояния для ее граждан. Таковы, например, «Республика» Платона, «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Утопия» Т. Мора и т. д.

Причинная связь и взаимозависимость между осуществленными и книжными утопическими идеями является одним из важнейших вопросов в понимании утопизма как важнейшего движения конституционной и общественно-политической мысли в течение последних трех тысячелетий. Сразу бы хотелось отделить «утопизм» от «утопического социализма», который, несомненно, является одной из форм утопизма, но четко отделен от него своим настойчивым, если не сказать воинствующим, атеизмом, что сразу расходится с жизненной позицией, например, Томаса Мора. Как известно, целый ряд утопий был в свое время осуществлен. Мы имеем в виду государственные утопии Древнего Израиля, Флоренции XV века, иезуитской республики Гуарани и связующих их книжных утопических учений Моисея, Платона, Томаса Мора, и, следовательно, один из равноценных вариантов перевода слова «утопия» с древнегреческого – «место, которого нет», к ним по определению не подходит и остается точным только второй – а именно, «благословенная страна».

Однако именно первый вариант переключался из древнегреческого в латынь и поэтому доминирует в большинстве толковых словарей мира, мешая понять истинный смысл утопизма и отвлекая от понимания роли и значения исторически осуществленных утопий. Следует особо отметить, что поначалу Томас Мор хотел назвать свою книгу «Место, которого нет», но затем, по совету близкого друга и вдохновителя этой книги Эразма Роттердамского, назвал «Утопия». Поскольку и Мор, и Эразм прекрасно знали древнегреческий, мы бы хотели трактовать эту замену как приближение ко второму древнегреческому смыслу: «благословенная страна».

Кроме того, полное название книги – «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове «Утопия» мужа известнейшего и красноречивейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона». Как видно из названия, речь идет «о наилучшем устройстве государства», то есть, в первую очередь, о конституционных идеях, что также необходимо для понимания смысла и значения слова «утопия».

Связь книжной утопии Томаса Мора с исторически осуществленной утопией можно проследить, если говорить о событиях последующих. Томас Мор был обезглавлен 6 июля 1535 года, а уже через 18 дней, 24 июля, член королевского присутствия судья Баско де Кирога отправил из завоеванной испанцами Мексики свое повторное послание в королевский Совет Испании, в котором напомнил, что ранее (5 июля 1532 года, то есть за 3 года до смерти Томаса Мора!) он представил в королевский Совет проект организации власти в Мексике, подготовленный на основе идей, изложенных в книге «Утопия». Он написал, что книга Томаса Мора, «обладающего умом почти сверхчеловеческим, книга о наилучшем состоянии государства

послужила для меня образцом при написании моего плана»²⁰. И еще одна цитата из того же источника. Мексиканский исследователь Сильвио Савала отмечал: «Для Кироги «Утопия» имела реальное значение, не была пустой мечтой, а представляла нечто такое, что могло быть использовано»²¹.

При этом Баско де Кирога в своих письмах того времени нередко ссыался на книгу античного писателя Лукиана, которого с греческого на латинский перевел также Томас Мор. В этой книге он особо отмечал несколько гротескно описанную легенду о «золотом веке», когда «все рождалось несейанное, невспаханное и не то что колосья, а были готовыми и печеный хлеб и мясо, когда вино текло реками, а ручьи бежали медом и молоком, люди были добрые, золотые люди»²².

Кирога начал осуществлять утопические идеи на свои средства, основав еще в 1532 году на принципах и правилах, описанных в «Утопии» Томаса Мора, два поселения индейцев. «Правила и распоряжения», которые являлись уставом этих поселений, были написаны самим Кирогой, учредили порядок, который, как написал в 1766 году испанец Морено, существовал «во времена в первоначальной церкви и о котором мечтали Солон, Ликург и Платон»²³. Мексиканский историк Сильвио Сабола писал в своей вышедшей в 1937 году книге «Утопия Томаса Мора в Новой Испании», что «Баско де Кирога своей деятельностью дал гуманистической идее неожиданное американское решение и облагородил на время отношения между европейцами и аборигенами, благодаря доктрине, основные положения которой были заимствованы из «Утопии», рожденной в далекой Англии»²⁴.

Кирога, имевший немалую власть как судья, в 1538 году стал епископом территории, где находились его поселения, и добился для них освобождения от налогов и королевской защиты. Индейцев учили не только в школах, но и в духовной семинарии, которую под руководством Кироги закончил сын последнего короля местных индейцев со свободным знанием древнееврейского, греческого и латинского языков, ставший впоследствии губернатором территории по указу испанского короля. Утопические поселения ненадолго пережили своего покровителя Баско де Кирогу, который скончался в 1565 году в апостольском возрасте 95 лет.

Однако история его поселений с их самоуправлением, всеобщей грамотностью, шестичасовым рабочим днем, неумолкающими песнями

²⁰ Б. Ф. Мордвинцева. Баско де Кирога и «Утопия» Томаса Мора//Томас Мор (1478–1978). М.: Наука, С. 172.

²¹ Там же. С. 176.

²² Там же. С. 174.

²³ Там же. С. 179.

²⁴ Там же.

и музыкой не могла не стать достоянием уже активного к этому времени ордена иезуитов. Бесспорно, высокообразованные иезуиты знали и глубоко уважали Томаса Мора – первого британского святого, отказавшегося отречься от католичества и признать любвеобильного короля Генриха Восьмого главой английской церкви. Читали они и «Утопию». Поэтому когда столетием позже иезуиты основали еще одну осуществленную утопию – республику Гуарани в Парагвае, они являлись последователями идей Томаса Мора и практики поселений Баско де Кироги²⁵.

Иезуиты в рамках католической религии провозглашали равенство в обладании необходимым, отрицали жажду к накоплению собственности, поддерживали всеобщее право (и обязанность) в получении образования. Эти идеи, корни которых восходят к общинам первых христиан, иезуиты в XVIII столетии попытались поначалу довольно успешно в чистом виде осуществить в рамках идеального государства – республики Гуарани, которая располагалась в Латинской Америке примерно на территории нынешнего Парагвая.

Французский мыслитель Шарль Монтескье, который знаменит вкладом в доктрину разделения властей, сравнивал авторов законодательства республики Гуарани с Ликургом и Платоном. Он написал о том, что иезуиты управляли людьми с целью сделать их счастливыми и что эта «модель республики» реализовала мечты об утопии. Энциклопедист Дени Дидро с уважением писал о трудах иезуитов в Южной Америке, называя их «спартапцами в черных сутанах». Вольтер попробовал посмеяться над иезуитскими поселениями в Парагвае в книге «Кандид», но в своих более поздних эссе назвал их «триумфом человечества». Можно уверенно сказать, что иезуиты сделали идеалистическую утопию частью реальной истории.

Иезуитские поселения существовали между 1610 и 1767 годами. Всего было основано 38 поселений на территории около 150 тысяч квадратных километров (половина территории Техаса). Эта территория охватывала часть современной Аргентины, Парагвая и Бразилии. В республике Гуарани ближе к концу ее полуторавековой истории проживали около 150 тысяч индейцев и чуть больше 200 иезуитов.

В поселении, где проживали от 2 до 8 тысяч человек, вставали по удару колокола, совместно молились и завтракали. После этого дети старше семи лет отправлялись в школу, а остальной народ с песнями (чем не сны Веры Павловны у Чернышевского!) работал на коллективном поле. С 11 утра был часовой перерыв на обед, после которого до 5 часов вечера обрабатывали семейные участки земли. Коллективное пение сопровождало

²⁵ П. Баренбойм. Сны Веры Павловны. Парагвай, 17–18 век. Конституционная утопия иезуитов // Русская мысль, 2000.

все работы. В полночь удар колокола напоминал мужчинам о необходимости исполнять супружеские обязанности.

Архитектурой иезуитских поселений вдохновлялся в XX веке знаменитый бразильский архитектор Лусиу Коста при планировке новой столицы Бразилии. Итальянского иезуита архитектора Джузеппе Бразанелли в 1696 году называли «маленьким Микеланджело» за постройку одного из поселений в республике Гуарани. Поселения были хорошо защищены на случай набегов португальских рабовладельцев и имели вооруженную милицию. Там не использовались деньги. Среди наказаний за преступления не было смертной казни.

Иезуиты создали и письменный язык гуарани. Один из современников назвал иезуитов республики Гуарани «сторонниками идеи разумного государства», что, вероятно, является справедливым.

Свою государственную утопию иезуиты сумели осуществить и поддержать в течение многих десятилетий настолько успешно, что этот пример начал беспокоить большинство ведущих монархий Европы. Иезуитам было предложено покинуть территорию Парагвая и закрыть там все свои миссии. Они ответили отказом, и война против португальских и испанских войск продолжалась около девяти лет.

Реакция западных монархий и папы Римского на передовые для того времени конституционно-правовые идеи и непослушание была резкой. Деятельность ордена иезуитов была повсеместно запрещена. Читателю будет интересно узнать, что приют иезуиты нашли в России, с помощью которой орден существовал на протяжении всех 43 лет своего запрета.

Екатерина Великая писала папе Пию VI, что, предоставляя убежище ордену иезуитов, она исходила из здравого смысла и чувства справедливости, а также надежды, что «с помощью Провидения» иезуиты могут оказаться полезны для объединения православной и католической церквей.

Иезуиты пребывали в России до смерти Екатерины в 1796 году, а затем при императорах Павле I и Александре I. Иезуит Габриэль Грубер был воспитателем Павла. По требованию этого императора Папа Пий VII в марте 1801 года восстановил право деятельности ордена иезуитов, но... только на территории России. Через несколько дней Павел был убит заговорщиками, но его наследник император Александр продолжал поддерживать орден и в 1802 году разрешил открыть иезуитскую школу для детей аристократов в Санкт-Петербурге. Идеи конституции витали в воздухе России после войны 1812–1814 годов. Официально действовал польский сейм, на открытии которого Александр I заявил, что ждет, когда вся Россия будет готова к введению «законно-свободных учреждений». Влиятельный декабрист Лунин под влиянием знакомого по Санкт-Петербургу иезуита Гривеля перешел в католичество. Он находился под сильным воздействием идей

иезуитов²⁶. В 1814 году, благодаря, помимо всего прочего, появлению у России решающего слова в европейских делах, деятельность ордена иезуитов была восстановлена по всей Европе. Это обозначало и поворот в положении иезуитов в Санкт-Петербурге, где влияние их школы на умы молодых аристократов многие стали рассматривать как чрезмерное.

В 1815 году они были высланы из Санкт-Петербурга, а в 1820 году – из России. Однако влияние конституционных идей иезуитов времен республики Гуарани отчетливо прослеживается в проектах утопических конституций декабристов, что не может не быть связано с длительным пребыванием иезуитов в высшем обществе Санкт-Петербурга и возможностью распространения их первоначальных гуманистических правовых идей через воспитанников их школы.

По иронии судьбы отрицательное суждение Ф. Энгельса о том, что гуманизм XV и XVI веков в своем дальнейшем развитии превратился в «католический иезуитизм»²⁷, случайно оказалось правильным в отношении прогрессивного развития иезуитами XVII–XVIII веков идей Томаса Мора, изложенных в «Утопии».

Не случайно одна из первых биографий Мора была написана и опубликована испанским иезуитом Педро де Ривандейрой в 1589 году – через 6 лет после того, как «Утопия» была включена в Испании в список запрещенных инквизицией книг. Ривандейру этот факт не смутил, так как со времен своего основателя Игнатия Лойолы орден нередко находился в трениях с инквизицией, однако из осторожности он в своей книге о Море не упоминает «Утопию»²⁸.

Особый интерес к Томасу Морю и его «Утопии» был продемонстрирован во Флоренции. После первого издания книги в 1517 году она уже в 1519 году была переиздана во Флоренции на латинском языке и получила широкое распространение по всей Италии. На итальянском языке «Утопия» была издана в Венеции флорентийцем А. Дони в 1548 году. Интересно, что название книги по-итальянски было не «Утопия», а «Евтопия», что по-итальянски означает «счастливая страна», то есть отражает прямое значение этого слова в древнегреческом языке – «благословенная страна», о чем мы уже писали выше. Первая же книга о Томасе Море появилась во Флоренции в 1556 году на итальянском языке, хотя и была написана внучатым племянником Мора англичанином Э. Хейвудом, который ранее покинул Англию и вступил в орден иезуитов.

²⁶ Н. Я. Эйдельман. Обреченный отряд. М.: Советский писатель, 1987. С. 76–77.

²⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд, т. 22, С. 21.

²⁸ З. И. Плавнин. Томас Мор в Испании // Томас Мор. С. 195, 205.

Флорентиец Ф. Сансовино издал в 1561 году книгу, пропагандирующую идеи «Утопии» и переиздававшуюся пять раз²⁹. С легкой руки вышеуказанных флорентийцев в Италии XVI–XVII веков наличие «Утопии» в библиотеке стало модным. Мы так подробно остановились на развитии идей, изложенных в книге «Утопия», чтобы можно было более уверенно вернуться к ее флорентийским истокам.

Не так уже часто сочинения по политике и конституционному праву сравнивают с произведениями художников. Тем не менее, француз С. Сорбьер в 1643 году написал об «Утопии» следующее: «Труд Мора напоминает шедевры живописи...»³⁰. Ему вторит наш известный исследователь В.И.Рутенбург, когда пишет, что труды Макиавелли «близки к «Страшному суду» Микеланджело»³¹.

Произведение мысли политической и правовой, сам текст этого произведения, если он отмечен высотой и глубиной электрической и магнетизирующей мысли таких гигантов Возрождения, как Томас Мор и Никколо Макиавелли, сравним с произведением живописи по силе воздействия на человека. Как писал глубокий знаток Ренессанса философ М. К. Мамардашвили, «под языком мы должны понимать какую-то материальную массу, обладающую определенной динамикой... Сам язык или сам текст обладает какой-то производящей силой... То, что можно назвать словом, некий элемент стихии, являющейся материей тех самых предметов, от которых мы это постигаем и от которых можем получить какие-то чувства... Не существует до языка готовой и ясной для себя мысли или состояния ощущения, чувства»³². Философ А. Ф. Лосев говорит о Ренессансе как о времени «титанического возвеличивания человека в окружении по преимуществу эстетически понимаемого бытия... И поэтому когда Леонардо утверждает, что философия и мудрость – это только живопись, в нем говорит не просто капризная увлеченность художника, но подает голос вполне точная наука»³³. Лосев обоснованно говорит о том, что в те времена «совершилось нечто сказочное». Главная эстетическая идея любого конституционного строя – обеспечение счастливой жизни граждан на фоне расцвета искусства – практически осуществилась в течение нескольких десятилетий в республике Флоренция XV века. «Флорентийский неоплатонизм является меньше всего какой-нибудь теорией... Флорентийский неоплатонизм – это прежде всего определенного типа жизнь, какое-то своеобразное братство людей,

²⁹ Л. С. Чиколони. «Утопия» Томаса Мора в Италии // Там же. С. 206, 211–212, 221, 226.

³⁰ Г. С. Кучеренко. Мор и Франция // Томас Мор. С. 249.

³¹ В. М. Рутенбург. Жизнь и творчество Макиавелли // Н. Макиавелли. История Флоренции. Л.: Наука, 1987. С. 360.

³² К. М. Мамардашвили. Язык осуществившейся утопии // Искусство кино. 1993. № 27.

³³ А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 45, 57.

у которых было общее все, включая мелочи жизни, включая все занятия и решительно всю обстановку жизни... Этот неоплатонизм, как бы он ни был религиозен, мифологичен, символичен и даже мистичен, переживался во Флоренции весьма легко и непринужденно, а большей частью даже празднично и торжественно. Флорентийский неоплатонизм был необычайно человечен, он отличался сердечностью, интимностью, оправдывая и обосновывая собой как раз эти легкие, большей частью лирические, но никогда не приторные, глубочайшие дружественные и почти, можно сказать, романтические людские отношения. Вот почему это было Ренессансом в подлинном смысле слова»³⁴.

А теперь предоставим слово современнику XV века Марсилио Фичино: «Если мы говорим о золотом веке, то это, конечно, век, который производит золотые умы. И что наш век именно таков, в этом не может сомневаться никто, рассмотрев его удивительные изобретения: наше время, наш золотой век привел к расцвету свободные искусства, которые почти было погибли, грамматику, поэзию, риторику, живопись, архитектуру и древнее пение лиры Орфея. И это – во Флоренции»³⁵.

Флорентийская республика XIV–XV веков занимает особое место среди городов-государств Европы и сравнима, пожалуй, только с Афинами до нашей эры. Флорентийский период развития государственности и практического применения разделения властей отмечен неизгладимым отпечатком индивидуальности гигантов, живших в то время, – художников, поэтов, скульпторов, архитекторов, богословов, политиков, политологов. Это Рафаэль, Леонардо да Винчи, Данте, Микеланджело, Савонарола, Галилей, Боттичелли, Брунеллески, Лоренцо Медичи, наконец, Никколо Макиавелли. Эти люди жили «в суровом и разреженном воздухе флорентийского интеллектуализма», возможность для появления которого была создана периодом спокойной и безопасной жизни, обеспеченным государственным строем и мудростью политиков. «Только при этих условиях, только в этом спокойном, чистом и немного холодном воздухе могло высоко подняться вверх голубое пламя флорентийского интеллектуализма... Явной ошибкой кажется теперь обычное сопоставление интеллектуализма кватроченто (Возрождение XV в.) с рационализмом XVIII века или с современным позитивизмом. При этом теряется из виду самое ценное, что было во флорентийском интеллектуализме, его высокая напряженность, которая никогда более уже не повторялась», – писал П. Муратов.

Ремесленники, купцы и банкиры Флоренции сумели создать и поддержать такой баланс властей, который, несмотря на все издержки того

³⁴ А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 45, 57.

³⁵ Там же. С. 321.

времени, связанные с суевериями, всеобщей вооруженностью и хорошо знакомой нам коррупцией, обеспечил первенство этого небольшого города во всей европейской истории нашего времени. Известный историк и художник середины XVI века Джорджо Вазари писал об этом: «Искусства всегда процветали во Флоренции настолько, что, как я полагаю, и это можно сказать без обиды для других городов, собственным главным гнездом и убежищем для искусства и была Флоренция, как для наук раньше были Афины». Конституционно-правовые элементы разделения властей стали гарантией художественного расцвета города, новым этапом развития государства, которое во многом стало осуществленной утопией.

Скажем словами П. Муратова: «Этот город, такой обыкновенный в своих лавках, новых домах, новых улицах, где-то хранит для каждого целый клад еще незнакомых чувств, еще неизведанных по тонкости впечатлений. Но даже обыкновенное скоро перестает здесь быть таковым, по мере того как жизнь путешественника обращается в поклонение, и сам он из простого любопытного становится пилигримом... Камни Флоренции, так кажется, легче, чем камни, из которых сложены другие города... Дело гения и работа целого народа ремесленников одинаково возможны лишь при наличии колоссального накопления энергии. В одном случае она сжигается в ослепительной молнии, в другом сгорает на тихом огне бесчисленных очагов... Содержание кватроченто исчерпывается таким простым понятием, как жизнь в мире. Исполнение этого простейшего из всех назначений человека привело к полному и быстрому расцвету искусства, которое представляется чудом для нас, верных иной заповеди, обреченных на жизнь в себе и отдельных от мира...

Окинуть взглядом лежащий вокруг мир, услышать зов его вещей и протянуть к ним руку, отдать им свое сердце, ничего не утаивая из дарованных ему сил, – в такую минуту человек перестает быть гостем на земле и бросает в нее полновесное зерно будущего. Для того чтобы флорентинец кватроченто мог окинуть взглядом свои владения, они не должны быть безмерны. Отечество – это Флоренция, она – новый Рим и новые Афины, она – храм, мастерская, место, хранимое Богом. Все в ней должно быть понятно, все освещено историей и украшено искусством».



A DANTE ALIGHIERI
L' ITALIA

ДАНТЕ

*Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.*

Анна Ахматова

Нашему поколению кажется, что Данте всегда был общемировым классиком, например, как Шекспир. Однако это не совсем так. Например, в США первый перевод «Божественной комедии» знаменитого поэта Генри Лонгфелло вышел в 1867 году не без сопротивления руководства Гарвардского университета. К этой истории привлек внимание в своем романе «Дантов клуб» современный американский литератор Мэтью Перл, в предисловии к книге которого, в частности, написано со ссылкой на Т. С. Элиота: «Данте и Шекспир поделили между собой современный мир, причем Дантова половина увеличивается с каждым годом»¹.

Если отбросить детективную фабулу романа (которая, правда, сделала его самым знаменитым романом 2003 года, переведенным на 30 языков), то важно отметить, что автор цитирует и адаптирует отрывки из эссе, писем и дневников участников первого, основанного в Бостоне в 1865 году клуба переводчиков Данте, который в 1881 году преобразовался в Американское общество Данте. Предшествовавшие их работе переводы на английский, сделанные в Британии, члены клуба расценивали как «жалкие и ничтожные».

Влиятельный член клуба переводчиков Лоуэлл говорил, что Данте в своих скитаниях и мыслях возвысился до общечеловеческих проблем и писал, как бы пророчествуя в будущее, для последующих поколений всех стран. Лоуэлл говорит в романе: «Итальянцы вечно дергают Данте за полы одежды, принуждая встать на их сторону в политике и образе мысли. Ограничить поэта Флоренцией либо Италией означает отнять его у человечества»².

¹ М. Перл. Дантов клуб. М., 2005. С. 10.

И далее он говорит студентам того времени, что Данте вовлекает своего читателя в путешествие, в котором читатель должен смотреть в лицо своему внутреннему аду, своим грехам с той же прямотой, с которой это делает Данте.

Американский литератор того времени иронично писал в письме, что члены клуба Данте подхватили «тосканскую лихорадку». Интересно, что итальянец Баки в диалоге с Лоуэллом говорит, что перевод на английский не сделает Данте американцем, так как тот чересчур могуч и «не дастся в руки никому»³.

В романе Лоуэлл говорит о Данте: «С каждым днем я ценю его все более – как человека, поэта и учителя. Он дает надежду в самые темные наши часы – надежду на вторую попытку»⁴.

Трудности перевода слова и мысли Данте очень образно показаны в романе. Например: «...contrapasso – слово не имеет ни точного перевода, ни удовлетворительного толкования, ибо толкует самое себя... Тема влекла за собой слог, тот разрастался, точно море в прилив, и поток уносил читателя... временами Данте становился дерзок, и замысел бежал от слов, от самого языка»⁵.

И еще несколько ярких цитат из романа: «Данте – первый парусник, что осмелился выйти в открытое море людской мысли... Последствия гражданских войн во Флоренции как раз породили в Данте картину Ада и побудили мечтать об искуплении... Выходит, Сатану сотворила война. Ад сотворила война: Guerra. Ни единое слово у Данте не случайно...»⁶

Подтвердился ли в XX веке тезис Т.С.Элиота о возрастании роли Данте по отношению к Шекспиру? У нас есть для ответа более чем достоверные социологические данные. Они имеются в сборнике «Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001»⁷.

Шекспир упомянут в Нобелевских лекциях шести лауреатов, из них два англоязычных. Данте отмечен в лекциях пяти лауреатов. Из них два итальянца, один поляк, один русский (Бродский) и один китаец. Не пытаясь сделать из этого многозначительных выводов, мы посчитали интересным отметить такого рода «статистику». Эти Нобелевские лекции дают более чем компетентные точки зрения на значение Данте для современной культуры.

Лауреат 1959 года итальянский поэт Сальваторе Квазимодо сказал, что поэзия Данте вызывает у эстетов подозрение именно своим величием,

² М. Перл. Там же. С. 101.

³ М. Перл. Там же. С. 225.

⁴ М. Перл. Там же. С. 207.

⁵ М. Перл. Там же. С. 267, 301.

⁶ М. Перл. Там же. С. 316, 351.

⁷ Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001. СПб., 2003.

а «ложный культ его памяти, даже в наши дни не более чем риторика, – столь невелика аудитория у его «Комедии»⁸.

Итальянский поэт, флорентинец и лауреат 1975 года Эудженио Монтале размышляет о том, что массовое искусство, обслуживающее «психофизическим массажем», ведет к абсолютной пустоте. Он также отмечает, «что воздействие поэтического языка на прозаический подобно удару хлыста в решающий момент», и удивляется, почему поэтическое творчество Данте не вызвало равного по творческой силе взлета прозы, и это случилось только через несколько веков⁹.

Поэт из Польши и лауреат 1980 года Чеслав Милош сказал: «Покровитель всех поэтов в изгнании, посещающих родные места лишь в воспоминаниях, – конечно же, Данте. Но как возросло с того времени число Флоренций!»¹⁰

Милош говорит не только о внешнем, но и о внутреннем изгнании. «В зале, где все присутствующие единодушно поддерживают заговор молчания, одно слово правды звучит, как пистолетный выстрел... Вот почему поэт предпочитает изгнание – внешнее или внутреннее».

Здесь, пожалуй, высказана в явной форме одна из важнейших психологических причин тяготения, если не к самому творчеству, то к личности Данте. У нас в стране, как мы думаем, внутренняя эмиграция в течение многих десятилетий даже количественно превосходила эмиграцию внешнюю.

Первая нобелевская лекция XXI века в речи лауреата 2000 года китайца Гао Синцзянь отозвалась тем же мотивом. Он сказал: «Чтобы избежать самоубийства, а также не попасть в список запрещенных, писатель, если он хочет, чтобы его голос услышали, должен удалиться в изгнание. Оглядываясь на историю как Востока, так и Запада, мы можем увидеть, что так было всегда. Примеров тому много: древний китайский поэт Цюй Юань, Данте, Джойс, Томас Манн, Солженицын и многие китайские интеллектуалы, отправившиеся в изгнание после бойни на площади Тяньаньмынь в 1989 году. Такая судьба неизбежно постигает поэта или писателя, желающего отстоять свой собственный голос»¹¹.

Поэт-эмигрант и лауреат 1987 года Иосиф Бродский пишет, что «язык обладает колоссальной центробежной энергией». Потенциал культурного развития, определяемый языком, по его мнению, определяется «не столько количественным составом нации», сколько качеством

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Там же. С. 227.

¹⁰ Там же. С. 253.

¹¹ Там же. С. 397.

поэзии, которая пишется на этом языке. В качестве примера Бродский приводит Данте¹².

Однако нельзя исключить, что лично для Бродского фигура Данте (а точнее его ахматовский образ) имела гораздо большее значение. «Он и после смерти не вернулся... Этот, уходя, не оглянулся...» Может быть, и поэтому он так упорно не хотел возвращаться в свой любимый город, даже когда это было уже можно и его там ждал неизбежный триумфальный прием.

Россия наших дней с ее ежегодно уменьшающимся на полмиллиона населением может спастись и остаться на тысячелетия в мировой истории и культуре с помощью языка и его носителей: писателей и поэтов. Вот почему, вероятно, такой интерес и к Данте, и к Ренессансу.

Данте и Россия. Надрыв Мережковского, писавшего в 1937 году: «Только ли случай, или нечто большее, – то, что именно в эти, страшные для всего человечества, дни, может быть, канун последней борьбы его за свою живую душу, – свободу, – русский человек пишет о Данте, нищий – о нищем, презренный всеми – о презренном, изгнанный – об изгнанном, осужденный на смерть – об осужденном?»¹³

Валерий Брюсов, всерьез занимавшийся переводом «Божественной комедии», очень точно отметил ненависть Данте к войнам всякого рода и стремление к миропорядку, обеспечивающему всеобщий мир.

*Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей.
Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...
О Данте! О, отверженец великий, –
Воистину ты долго жил – в аду!*¹⁴

«Для всех людей, которых верховная природа призвала любить истину, видимо, наиболее важно, чтобы они позаботились о потомках и чтобы потомство получало от них нечто в дар, подобно тому, как и они сами получали нечто в дар от трудов древних своих предков. Ведь тот, кто, располагая наставлениями в области права, не проявляет старания, чтобы принести какую-нибудь пользу государству, без сомнения, окажется далек от исполнения своего долга, ибо он не «древо, которое во благовремени плодотворит течение водное», а скорее гибельный водоворот, всегда бурлящий и никог-

¹² Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001. СПб., 2003. С. 306.

¹³ Хождения. С. 44.

¹⁴ Хождения. С. 52.

да не возвращающий поглощенное. Итак, поразмыслив об этом не раз наедине с собою, дабы не заслужить когда-либо обвинения в сокрытии таланта, я возымел желание не столько копить сокровища, сколько принести полезный плод обществу, открыв ему истины, не исследованные другими... А так как среди прочих сокровенных и полезных истин понятие о светской Монархии является полезнейшим и оно особенно скрыто, не будучи доступно всем, поскольку не имеет оно непосредственного отношения к житейской выгоде, я ставлю своей задачей извлечь его из тайников, как для того, чтобы без устали трудиться на пользу мира, так и для того, чтобы первому стяжать пальму победы в столь великом



*Рафаэль Санти (1483–1520)
Данте, фреска в Сикстинской капелле
(фрагмент)*

состязании, к вящей своей славе. Спору нет, я приступаю к делу трудному и превышающему мои возможности, доверяясь не столько собственным своим силам, сколько свету того Подателя щедрот, «который всем подает в изобилии, никого не упрекая».

Приведенная цитата принадлежит великому Данте Алигьери. Документальные свидетельства о нем и его родителях весьма обрывочны, но биографы чаще всего предполагают, что отец Данте был юристом¹⁵. В цитате, открывающей книгу «Монархия», Данте относит себя к тем, кто получил «наставления в области права», то есть к юристам. Это автобиографическое указание самого Данте на полученное им образование, вероятно, должно восприниматься как решающее его биографами.

Известно, что Данте начал писать «Монархию» в 1312 году, на 48-м году жизни. К этому времени ему довелось уже неоднократно исполнять функции серьезного должностного лица Флорентийской республики. В период изгнания из Флоренции он периодически исполнял правительственные поручения в тех городах-республиках Италии, где временно проживал.

¹⁵ И. Н. Голенищев-Кутузов. Жизнь Данте // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 422.





Данте заболел и умер в 56 лет, когда исполнял обязанность посла Равенны для мирных переговоров в Венеции.

Конечно, он мог знакомиться с правом в период своей государственной деятельности как политик. Любой политик знает основы права, но «наставления в области права» – это все-таки из сферы учебного процесса.

Во Флоренции не было своего университета до 1321 года – года смерти Данте. Но зато существовала школа права, где преподавал один из его родственников. Боккаччо утверждал, что Данте учился праву в Болонском университете, а некоторые исследователи предполагают, что он учился и в Парижском университете.

Школа правоведения Болонского университета в те времена была самой передовой в Италии и во всей Европе. Профессора этой школы осуществили рецепцию норм римского права, приспособив их к современным им экономическим отношениям, чем весьма способствовали развитию рыночного хозяйства и торговли. Двум профессорам Болонского университета возведен мавзолей. Другой мавзолей-часовня возведен в Равенне для захоронения Данте Алигьери – предположительно бывшего студента Болонской правовой школы.

Существование в Европе высших учебных заведений за много веков до появления в России первого университета является историческим свидетельством нашей отсталости во многих гуманитарных науках, которая в области права еще, как нам кажется, далеко не преодолена.

Одним из свидетельств этого является политически конъюнктурная и очень неуклюжая попытка дать правовой анализ проекта указа Петра Первого о создании Академии наук в Санкт-Петербурге и «приурочить» к 1724 году создание первого университета в России. При этом предлагается некая «русская национальная идея», что был создан первый в мире гибридный академии наук и университета, поскольку при Академии наук была открыта и гимназия.

На самом деле слово «университет» поначалу использовалось исключительно для обозначения корпорации преподавателей и студентов (*Universitas magistrorum et scholarium*). Затем слово *universitas* уступило место названию *stadium*, к которому стали присоединять определение *generale* (правда, долгое время оно применялось только к Парижскому, Болонскому и Оксфордскому университетам), чтобы подчеркнуть универсальный характер обучения: преподавались не только гуманитарные, но и точные науки.

Первое время и преподаватели, и студенты университетов были лицами духовного звания. Позднее, во времена Данте, произошли глубокие перемены: преподавание приобрело светский характер. Полноценный

университет включал в себя четыре факультета (свободных искусств, гражданского и канонического права, медицинский и богословский) во главе с деканами¹⁶.

Таким требованиям соответствовал только первый в России Московский университет, учрежденный в 1755 году и недавно отметивший свое 250-летие. В отношении вымышленного университетского первенства Санкт-Петербурга заметим, что в подробнейшей хронике «История Санкт-Петербурга. 1703–1782 год» (сочинение П. Н. Петрова, изданное в 1885 г.) нет ни малейшего упоминания о функционировании Санкт-Петербургского университета.

Любопытно, что среди наиболее выдающихся выпускников старейшего в России юридического факультета Московского университета представители разных видов искусств явно доминируют над собственно юристами (Фет, Собинов, Немирович-Данченко, Грибоедов). Из всех лауреатов Нобелевской премии по литературе юристы составляют около 15 процентов. Не таков Данте. Он стал не только великим поэтом, но и великим юристом. Весь трактат «Монархия» проникнут правовым подходом и юридической логикой.

Повторим за известным исследователем И. Н. Голенищевым-Кутузовым цитату из «Божественной комедии» о конституционном строе Флоренции:

*Тончайшие уставы мастера,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.
За краткий срок ты столько раз меняла
Законы, деньги, весь уклад и чин
И собственное тело обновляла.*

Следует отметить, что и через семь веков эта цитата остается актуальной, например, для оценки конституционных и законодательных процессов в современной России.

В наше не слишком красноречивое время поражает интенсивность мысли, характерная для итальянского Ренессанса и его величайшего предтечи – Данте. Сам он подчеркивает, что ранее проблемы, поднятые им в трактате «Монархия», не были исследованы. Действительно, нам неизвестны более ранние конституционные и международно-правовые тракта-

¹⁶ П. Антонетти. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М., 2004. С. 229, 230.

ты, которые рассматривали бы правильное государственное устройство в масштабе всех известных в мире государств и народов.

Данте пишет о необходимости светской, отделенной от церкви монархии, так как знание об этом «является полезнейшим и особенно скрыто». Автор сразу говорит, что готов оспорить все главные сомнения в необходимости светской монархии, правящей миром. Для него основополагающим является тезис, что «род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем невозмутимого мира, обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело, почти божественное».

Далее он пишет: «Всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано для нашего блаженства... Все наши дела сообразуются со всей последней целью – всеобщий мир, полагаемый в качестве всех последующих рассуждений».

Данте ставит задачу найти «правильное государственное устройство», которое обеспечивает покой и мир. Он пишет также «об универсальной цели гражданственности человеческого рода» и о том, что государство является единством непохожих людей (перефраз знаменитого изречения Аристотеля, любовно и уважительно называемого им в трактате Философом с большой буквы). Сейчас на многих станциях московского метро можно видеть плакаты с разными цветами и фразой Аристотеля: «Город – единство непохожих».

Творчество Данте (не только поэтическое, но и конституционно-правовое) обозначило начало Ренессанса и всего современного периода истории. Не случайно Московское правительство в XXI веке, как и Данте в XIV-м, обращается к аристотелевской идее «единства непохожих». Как и тогда, мы живем в атмосфере нетерпимости, религиозного и национального противостояния, больших и малых войн, террора и бессмысленного кровопролития.

Если Томас Мор изобразил свою Утопию как остров, где в стороне от общемировой дикости и невежества можно построить маленькое идеальное государство, то Данте сразу отбросил мысль, что можно построить счастливую и мирную жизнь на отдельно взятой территории, если не будет гармонического правопорядка между всеми без исключения государствами.

На фреске не слишком известного флорентийского художника Доменико Микелино, написанной во второй половине XV века, во весь рост изображен Данте со своей «Божественной комедией» в руках, смотрящий в сторону Флоренции и показывающий рукой на изображение ада и чистилища. Фреска называется «Данте и райский город». Поскольку рай на ней не изображен (видны только его врата), то слова о «райском городе» следует отнести к самой Флоренции. Так художник примирил в своем произ-



Доменико Микелино (1417–1491)
Данте и райский город, фреска

ведении величайшего поэта Италии, некогда изгнанного из Флорентийской республики, с современной ему республикой под руководством Лоренцо Медичи Великолепного, период правления которого называют «золотым веком» города-коммуны.

«Свет любви Данте, божественный, как все, что связано с этим человеком, навсегда остался над Флоренцией, подобно прекрасной немеркнущей заре. Благодаря этому, может быть, Флоренция стала местом веры и радости. Она заставляет верить каждого, что ее Дантова заря обещает и для него новый день... Флоренция внушила ему любовь к миру и к иным мгновениям короткой жизни, ради которых можно забыть даже о пути к блаженству... Есть общее в том, как воспринимается Флоренция, с впечатлением от чтения «Божественной комедии». В обеих та же стройность – стройность великолепного дерева, – та же отчетливость и завершенность, та же гениальная легкость в великом...»

Таково восприятие только что процитированного Павла Муратова, таково восприятие Доменико Микелино, таково, наверное, было восприятие и самого Данте. Не следует забывать, что Данте был политическим изгнанником, отвергавшим некоторые базисные конституционные идеи Флорентийской республики, в первую очередь, недопущение к власти родовой аристократии, правление через представительные органы, подчеркнутая независимость от иностранного влияния.

В «Божественной комедии» Данте грустит о прежних временах, «когда государство верно держало всему счет и во всем знало меру». П. П. Муратов пишет по этому поводу следующее: «Данте обращался мыслями к прошлому, потому что оно воплощало для него мечту о добром правлении. Но вот пришло время, когда его век сам сделался прошлым – прекрасным и сияющим, как утренняя звезда. Для нас неважно, что «черные» гвельфы дурно управляли Флоренцией и что много достойнейших граждан было изгнано ими вместе с Данте и вместе с ним обречено на «горький хлеб и крутые лестницы» чужих домов. История не помнит такого зла, век политической страсти недолог»¹⁷.

Однако конституционный анализ не совпадает с искусствоведческим, и поэтому мы должны уделить внимание конституционным взглядам Данте, который был не только поэтом, но и крупным политическим деятелем, занимавшим до изгнания ведущие позиции в управлении города. Когда однажды ему хотели поручить ведение важных дипломатических переговоров за рубежом, он довольно самонадеянно заявил, что в его отсутствие город останется без управления. Этот эпизод описан Джиноззо Манетти в его опубликованной в XV веке сравнительной биографии Данте, Петрарки и Боккаччо¹⁸.

Создатель современного итальянского языка и великий поэт Данте Алигьери был прямым потомком римских поселенцев времен Суллы, человеком беззаветной храбрости, сражавшимся в первых рядах флорентийской кавалерии, книжником, читавшим на улицах среди карнавалов, песен и танцев. Но главное для нас, что он был убежденным сторонником конституционной утопии монархического толка, которую пытался претворить в жизнь, поддерживая вторжение иностранного монарха Генриха VII в Италию. Данте написал книгу «Монархия», которая пропагандировала идею всемирной монархии, с юрисдикцией, ограниченной только океаном. Управлять миром должен был император-философ (почти как у Платона), который являлся бы также верховным судьей империи. Данте особенно

¹⁷ П. П. Муратов. *Образы Италии*. М., 1999. С. 101

¹⁸ Manetti G. *Lives of the Illustrious Florentine Poets Dante, Petrarch and Boccaccio // Images of Quattrocento Florence*. New Haven. London, 2000. P. 95.

останавливается на обосновании того, что высшая исполнительная власть должна быть слита с судебной, так как только в этом случае можно привести в исполнение судебное решение по спору между местными правителями, вытекающему из противоречия местных законов¹⁹. Одновременно монарх является «слугой для всех», так как работает в интересах всего человечества. Таким образом, Данте был убежденным и активным противником складывающейся флорентийской демократии, которая была основана на идее республиканского патриотизма и доктрине разделения властей и сдержек и противовесов: отделении судебных функций, создании множественности органов государственного управления совпадающей компетенции и категорическим неприятием юридически оформленного единоличного правления. Императора Генриха VII Данте приветствовал как «титана, нового Моисея, второго Гектора», в то самое время, когда флорентийцы были активной частью сил, противодействующих вторжению этого иностранного монарха в Италию.

Флоренция во времена Данте была разделена на партии «черных» и «белых». Свое имя партия «белых» получила в честь жены одного из лидеров города по имени Бьянка. Сам Данте принадлежал к «белым», к которым были более привержены аристократы и сторонники императора. В рядах «черных» было больше буржуа и сторонников папы, который противодействовал распространению власти императора на Италию. Поражение «белых» привело к изгнанию Данте и разрушению его дома. Крах Данте в качестве политика и монархического конституционного утописта открыл дорогу к осуществлению республиканской конституционной утопии города-коммуны Флоренции в последующем XV веке. Кстати говоря, по свидетельству Макиавелли запрет на возвращение Данте во Флоренцию был персонально оговорен в законе в отличие от большинства других изгнанников. Интересно также, что превозносимый им император Генрих, захватив всю северную Италию и Рим, в течение 50 дней простоял лагерем рядом с Флоренцией в ожидании просьбы о мире и ключей от города, но так и не решился на штурм.

Великая республика смогла встать на ноги и достигнуть в XV веке своего (и общемирового для того времени) пика развития благодаря тому, что она имела великих друзей-врагов, каковым и был Данте. Флорентийские республиканцы отстаивали свои конституционные идеалы любой ценой, а Данте до конца жизни не отказался от своих монархических пристрастий. Он так и не вернулся в родной город – через многие столетия после его смерти приготовленная для захоронения гробница в соборе Санта-Кроче

¹⁹ A. Black. Political Thought in Europe 1250–1450. Cambridge, 1993. P. 97, 98.

по-прежнему пуста. Уже сложилась традиция – мэр Флоренции ежегодно приезжает к мэру Равенны просить вернуть прах Данте на родину.

Счастье и трагедия жизни Данте в том, что, участвуя в политической борьбе, он руководствовался не сиюминутными и зачастую корыстными политическими интересами (как подавляющее большинство политиков последних семи веков), а принципиальным юридическим подходом. Он был убежден, что его любимая город-республика Флоренция не выживет, если не будет поддерживать власть императора Священной Римской империи, объединившей тогда Европу в некое квазиконфедеративное правовое единство. За отстаивание этого принципа Данте был изгнан и дважды заочно приговорен к смертной казни (сожжению на костре).

«Жизнь Данте была несчастливой, горькой, исполнена опасностей и потрясений; его знание правильного строя вещей и воля к осуществлению последнего столкнулись с господствующими силами времени и вынуждены были уступить, но никоим образом не были сломлены изнутри», – пишет немецкий исследователь Э. Ауэрбах²⁰. Далее он продолжает, что Данте был реакционным средневековым политиком, который не уловил роль и значение городов-коммун, представлявшим в Италии того и последующего времени наиболее прогрессивную форму развития экономики и государственности. Ауэрбах пишет:

«Он был несчастлив, так как и не должен был быть успешным и счастливым: не потому, что не видел направления развития городов-государств и вообще не умел использовать шансы в политической игре, за что его мог бы упрекнуть современный историк (задним числом комбинирующий многое, что тогда было не под силу увидеть никому), а потому, что развитие городов-государств ему казалось не главным или даже заслуживающим осуждения, а также потому, что по своему образу мыслей он был выше любых расчетов... Для него «история» и «прогресс» не имели никакой самостоятельной ценности; он искал признаки, которые могли бы придать смысл происходящим событиям, но находил лишь хаос, противозаконные притязания отдельных людей, а потому смуту и бедствия. В его глазах мерилом истории служила не сама история, а совершенный божественный миропорядок – статичный и трансцендентный принцип, который, однако, вовсе не становится от этого абстрактным и мертвым»²¹.

Нам трудно согласиться с Ауэрбахом, отрицающим право Данте на создание концепции своего утопического миропорядка. Все великие флорентийцы периода Возрождения – утописты, чего, конечно, не скажешь об их нынешних исследователях. Здесь лежит одна из основных причин того,

²⁰ Э. Ауэрбах. Данте – поэт земного мира. М., 2004. С. 91.

²¹ Там же. С. 69.



Гробница Данте в соборе Санта-Кроче

что ушедшая в детали и полная скептицизма, а также ложного чувства превосходства современная наука не уделила достаточного внимания ценности флорентийского утопизма для человечества времен начала третьего тысячелетия.

Примерно через столетие после смерти Данте конституционно-правовой строй города-республики Флоренция позволил ей почти на полвека построить государственную утопию, благодаря чему расцвели большинство гениев Ренессанса. Обособленность от соседей и неподчинение императорам и папам были в какой-то мере факторами успеха Флоренции. Однако после смерти Лоренцо Медичи Великолепного в 1492 году

ренессансная Флоренция постепенно была смята превосходящими внешними силами.

Обособленность как фактор экономического и государственного прогресса рано или поздно, но всегда неизбежно сталкивается с проблемой отсутствия правопорядка и гармонии в межгосударственных отношениях.

Мы наблюдаем в современной Европе процессы распада государств (СССР, Югославия) и одновременно тяготение к межгосударственным квазиконфедеративным отношениям. Мы видим борьбу по вопросам принятия Европейской Конституции. Поразительно, что Данте уже в те годы предвидел и отстаивал идеалы европейского единства. Причем готов был за это пойти на изгнание и подвергнуть опасности свою жизнь.

Данте пишет, что так же как одно государство является единством непохожих, так и сообщество государств является единством непохожих и имеет в своей организации ту же цель: мир и покой. А далее: «Считать, что существует цель того или иного государства, но не существует единой цели для всех них, – глупо... Весь человеческий род упорядочивается во что-то единое, следовательно, должно быть что-то одно упорядочивающее или правящее, и это одно должно называться монархом или императором».

Данте пытается вести правовой анализ в тех сферах, в которых до него, так же как в «Раю», «Аду» и «Чистилище», никто еще не бывал. Он пишет: «Самые королевства должны быть упорядочены в соответствии с одним правителем или правлением, т. е. с монархом или монархией. Шире говоря, человечество есть и некое целое, состоящее из частей, и некая часть относительно целого. В самом деле, оно есть некое целое по отношению к отдельным королевствам и народам, как это показано было выше; оно есть и некая часть по отношению ко всей вселенной». Эта «космическая конституционность» не была известна до Данте, неизвестна она и сейчас.

Мир и покой на Земле по Данте обеспечиваются из единого центра, регулирующего множественность государств и народов. Обязанности этого центра распространяются как на само человечество, так и за его пределы. Заметим, до рождения Коперника, Бруно и Галилея оставалось еще почти два века...

Задолго до осознания человечеством необходимости координации деятельности всех стран, например для предотвращения распространения ядерного оружия, экологических бедствий, отражения возможных космических угроз, – задолго до всего этого Данте с интуицией гения возводит в ранг основного правового критерия необходимость объединения всех государств мира в «единство непохожих» с единым регулирующим центром. Он пишет: «Род человеческий наиболее уподобляется Богу, когда он наиболее

един... Но род человеческий тогда наиболее един, когда весь он объединяется в одном, а это может быть не иначе, как тогда, когда он всецело подчинен единому правителю, что очевидно само собою. Следовательно, род человеческий, подчиненный единому правителю, в наибольшей степени уподобляется Богу, а потому в наибольшей степени отвечает божественному намерению, – чтобы все было хорошо и превосходно».

Конечно, конституционная интуиция Данте имеет свои пределы. Человечество он сводит к известному ему европейско-средиземноморскому миру, а возможную форму объединения государств и народов – к аналогу Римской империи.

Мысли о разделении властей также не знакомы Данте, когда он в этом новом вселенском миропорядке решает вопросы судебной власти. Он пишет: «Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд, иначе несовершенное существовало бы без того, что придает ему совершенство, а это невозможно, коль скоро Бог и природа всегда даруют необходимое. Между любыми двумя правителями, из которых один вовсе не подчинен другому, может вспыхнуть раздор, и они или их подчиненные могут быть виновными, что само собой очевидно. Следовательно, их должен рассудить суд. И так как один не ведает другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в пределах своего права. И он или будет монархом, или нет. Если да, мы имеем то, что требовалось доказать; если же нет, у него, в свою очередь, будет равный ему вне пределов его правоспособности, а тогда вновь будет необходим кто-то третий. И так получалось бы до бесконечности, чего быть не может; следовательно, нужно дойти до первого и высшего судьи, чье суждение прекращает все раздоры либо косвенно, либо непосредственно, и это будет монарх или император. Следовательно, монархия необходима миру».

Мысли Данте о сути предлагаемой им мировой монархии не имеют ничего общего с господствовавшей в его времена концепцией правителя-монарха и его подданных-слуг. Он довольно неожиданно обосновывает свою идею совершенно противоположным подходом.

Данте пишет: «Человеческий род оказывается в наилучшем состоянии, когда он совершенно свободен. Это станет очевидным, если уяснить начало свободы. Для этого следует знать, что первое начало нашей свободы есть свобода решения, которая у многих на устах, но у немногих в голове...

Убедившись в этом, можно также понять, что эта свобода, или это начало нашей свободы, есть, как мы уже сказали, величайший дар, заложенный Богом в человеческую природу, ибо посредством него мы здесь

облетаем блаженство как люди и посредством него же мы там облетаем блаженство как боги.

Если это так, кто не признает, что человечество находится в наилучшем состоянии, имея возможность пользоваться этим началом в наивысшей степени? Но живущий под властью монарха наиболее свободен. Для понимания этого нужно знать, что свободен тот, кто существует ради себя самого, а не ради другого, с чем согласен и Философ в книгах «Метафизики». Ведь существующее ради другого обязательно определяется тем, ради чего оно существует, так, путь определяется с необходимостью его концом.

Человеческий род под властью единого монарха существует ради себя, а не ради другого; ведь только тогда выправляются извращенные государственные системы, т. е. демократии, олигархии и тирании, порабощающие род человеческий, как явствует при последовательном разборе их всех, и только тогда занимаются должным государственным устройством короли, аристократы, именуемые оптиматами, и ревнители свободы народа. Ведь так как монарх наиболее расположен к людям, в соответствии со сказанным ранее, он хочет, чтобы все люди стали хорошими, что невозможно при извращенном государственном строе. Оттого-то Философ и говорит в своей «Политике»: «В извращенном государственном строе хороший человек есть плохой гражданин, а в правильном строе понятия хорошего человека и хорошего гражданина совпадают». И такого рода правильные государственные устройства имеют целью свободу, т. е. имеют целью, чтобы люди существовали ради самих себя. Ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь так же, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними, как полагает и Философ в книгах, которые он оставил о трактуемой здесь материи. Отсюда явствует также, что хотя консул или король, если говорить о них, имея в виду движение к цели, являются господами над прочими, то с точки зрения самой цели они являются слугами, в особенности же монарх, которого, без сомнения, надлежит считать слугою всех».

Важно, что фигура монарха у Данте ассоциируется с человеком, «наиболее способным к управлению». Поскольку нигде в трактате Данте мы не найдем ни слова о переходе власти мирового монарха по наследству, вполне можно предположить, что он говорит о выборной монархии, что максимально сближает его идеи уже не со старой Римской империей, а скорее, с ООН и Европейским союзом.

Трактат «Монархия» демонстрирует, что мысли Данте Алигьери были обращены в будущее и по-настоящему могут быть поняты только в наше время.

Это тонко почувствовал Осип Мандельштам, который писал «о всеобщей слепоте к Данту... величайшему дирижеру европейского искусства, опередившему на многие столетия формирование оркестра».

Мандельштам пишет о том, что ясно и отчетливо мыслящий Данте «все более и более становился не по плечу и публике следующих поколений», что в результате пышно развернулся сластолюбиво-невежественный «культ дантовской мистики», основанный на «закрытом и недочитанном Данте».

С блестящей иронией он продолжает: «Появился «таинственный» Дант французских гравюр, состоящий из капюшона, орлиного носа и чем-то промышляющий на скалах».

К выводу Мандельштама нельзя не присоединиться: «Необходимо создать новый комментарий к Данте, обращенный лицом в будущее...»²²

Сталинские чекисты убили лагерем нашего поэта, который ближе всех подошел к пониманию другого всечеловеческого поэта и мыслителя. Мандельштам не успел создать новый комментарий к Данте и, вероятно, заранее знал и тосковал об этом:

*Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.*

Поэт Волошин в своих путевых заметках сделал тонкое замечание, что поэзия Данте является «голосом десяти предшествующих молчащих веков». Он пишет: «В Италию готика перекинулась слабым ростком... Истинная итальянская готика воплотилась не в камне, а в слове. Самый великолепный готический собор Италии – это «Божественная комедия».

По мнению же крупнейшего немецкого специалиста по Ренессансу Конрада Бурдаха, Данте стал творцом Возрождения, его историческим началом. При этом Данте воспринимает, описывает и предвидит на уровне, который и до, и после него никогда не был превзойден (исключая разве что крупнейших библейских пророков). Поэтому его произведения силой, страстностью, а главное – глубиной мысли относятся к тому же ряду, что и творчество виднейших библейских святых.

²² Хождения. С. 336, 337, 338.

К. Бурдах пишет: «Поэт хочет указать человечеству путь к внутреннему преображению и к достижению блаженства... Блаженство, доступ к которому хочет указать Данте, есть... идеальное состояние мира в свободе и справедливости, восхваляемое и ожидаемое Данте в его работе *De monarchia*... Он хочет силой своих слов очистить, возвысить, омолодить, обновить христианскую религию своего времени, его этику, его церковь, его государство, его искусство, его науку в возрождении подлинной человечности»²³.

Без понимания «Монархии» и ее идей нельзя осмыслить в полной мере и остальное творчество Данте Алигьери, как нельзя понять и поворотный пункт его судьбы – изгнание, а главное – невозвращение в родную Флоренцию. Об этом писал сам Данте:

*Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой!*

Об этом блестяще написала Анна Ахматова:

*Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянувшись,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, –
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...*

Борис Зайцев, знаменитый русский исследователь и переводчик Данте, написал очень верные строки: «Так ли, иначе, над всей сумятицей, над муравейником человеческим, веками стоит облик непререкаемый. Выше его только Евангелие и Библия. Пусть в грозности средневековой иногда жуток он, но дух величия, надмирности, спускавшейся и в мир, оста-

²³ К. Бурдах. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004. С. 58, 59.

ющей, однако, выше мира, это некий маяк. Жизнь наша идет, все мы проходим и уходим, он же непоколебим»²⁴.

И тот же Б. Зайцев уже в конце своего долгого жизненного пути дает удивительный пример недопонимания Данте. Здесь необходима пространная цитата: «Говоря по правде, этого трактата о монархии никогда я не читал и не собираюсь читать – дело, конечно, в «Божественной комедии» и ранних лирических стихах (*Vita nuova* – стихи и проза, поклонение Беатриче)... *De Monarchia* в свое время имела большой смысл. Италия вся разодрана была на мелкие государства – республики, тирании, все равно. Вечные войны. И внутренние (гражданские – одна половина населения выгоняла другую), и внешние, «государства» эти дрались между собою непрерывно. Жизнь, разумеется, ни на что не похожая. Отсюда стремление у очень многих – если не у большинства: пусть Некто, Властелин, кто угодно, только объединил бы все это, успокоил, кончились бы войны. Данте, позже Петрарка мечтали об этом – вот где корни *De Monarchia*. Ждать пришлось долго. Только Гарибальди, революционер и воин, через шесть веков добился Виктора Эммануила, Кавура и объединения Италии. Вот тогда-то и появились по всем почти городам Италии памятники Данте: великий поэт и символ Единой Италии»²⁵.

Если бы Б. Зайцев прочитал «Монархию», то, скорее всего, понял бы глубже и судьбу Данте, и его творчество, а также то, что конституционные идеи Данте актуальны не только для XIX (время объединения Италии), но и для нашего XXI и последующих веков. Ведь он призывал к такому порядку европейского и мирового устройства, который действительно обеспечил бы мир, а значит, повсеместную гармонию жизни. До этой цели, поставленной Данте, человечеству еще очень далеко.

Через много столетий на здании, где будет размещаться руководство организации, значительно более серьезной и сильной, чем нынешняя ООН, скорее всего, будут высечены слова из трактата «Монархия», например: «Род человеческий наиболее уподобляется Богу, когда он наиболее един».

²⁴ Хождения. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. М.: Рудомино, 2003. С. 206.

²⁵ Там же. С. 205.



РАННИЕ МЕДИЧИ

От Джованни до Лоренцо - необычайный ряд гениальных личностей. Флоренция гордилась ими перед всей Италией, и надо сказать правду - они царственно покровительствовали искусствам и науке. Можно сказать, что материальные интересы и гордость, более высшая, соединились, чтобы сделать Медичи дорогими для Флоренции».

Тимофей Грановский

Понятие «эффект Медичи» ввел в научный оборот американский публицист Франс Йоханссон, который объяснил его в 2004 году следующим образом: «Медичи были банковской семьей во Флоренции и спонсировали таланты в широком спектре различных занятий. Благодаря этой семье и немногим другим подобным ей, скульпторы, ученые, поэты, философы, финансисты, художники и архитекторы концентрировались во Флоренции. Здесь они находили друг друга и учились друг у друга, разрушая барьеры между разными дисциплинами и культурами. Совместно они создали новый мир, базирующийся на новых идеях, который назвали Ренессансом. В результате город стал эпицентром вулканического творческого извержения, одного из наиболее инновационных периодов истории. Эффект семьи Медичи продолжает ощущаться и сегодня. Мы тоже можем создать «эффект Медичи»... Мы можем все создать «эффект Медичи», потому что мы все можем достичь взаимодействия между дисциплинами и культурами, реализуя преимущество людей с открытым умом и стремлением выйти за пределы сферы только своей экспертизы»¹.

Мысль Йоханссона можно и нужно применить к сфере государства. В российской научной литературе многократно обсуждались вопросы флорентийской государственности. Несмотря на то, что авторы использовали юридические термины, зачастую реальный конституционно-правовой анализ там почти не проводился, и их публикации, в основном, носили чисто описательный характер. В принципе, эта работа была весьма полезной, так

¹ F. Jonansson. The Medici Effect. Harvard Businaess School Press, Boston, 2004. Pp. 3, 189.

как позволяла распространять знания, доступные прежде только специалистам, владеющим итальянским языком и работающим с соответствующими источниками.

Хотя, порой, фразы типа: «Как известно, политика дело грязное!» или: «В действиях во имя республиканского единства содержался значительный элемент игры», – странно читать в статьях известных исследователей флорентийской политической мысли.

Как правило, российские исследования флорентийского государственного феномена периода XV – начала XVI века не задаются крайне важным вопросом: какое значение ренессансная Флоренция имеет для современной России?

В этом смысле гораздо созидательней западное «флорентиеведение», часто увязывающее стремление к идеалистическим утопическим формам государства, проявившееся, например, в процессе создания США, с попыткой копирования идеализированных древних Афин и ренессансной Флоренции. Эти авторы анализируют флорентийские государственные идеи как продолженные и отчасти осуществленные в последующей истории ведущих западных государств и тем самым как бы «оправдывают» свои исследования, представляя их не как архивно-исторические, а, наоборот, современно-актуальные. Нам такой подход намного ближе.

Поэтому, например, книгу о Макиавелли, вышедшую под общей редакцией одного из ее авторов, не случайно назвали «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века»². Высказанная в ней простая и, кажется, довольно очевидная мысль, что мы продолжаем все еще жить во «время Макиавелли», вызвала неожиданную критику одного из признанных российских исследователей этого ренессансного автора.

Нам пора осознать, что идеи Ренессанса, в том числе и политико-правовые, продолжают быть важной составляющей современной мировой культуры, а ведь не прошло еще и 500 лет со времени выхода знаменитых и крайне актуальных для нас работ Макиавелли. Редкого китайца удивит мысль об актуальности в настоящем времени идей Конфуция или Лао-Дзы, высказанных две с половиной тысячи лет назад. Нам кажется, что признание объекта своего исследования такого рода «современником» отторгается некоторыми историками из-за того, что они сразу теряют чувство «старшинства», а значит, и скрытого превосходства, и оказываются перед необходимостью соответствовать тому уровню размышления, к которому они просто не готовы. Россия не проходила своего Возрождения, поэтому все «воспоминания» о Ренессансе для нее – воспоминания о будущем. Пока не появится мыслитель, превзошедший Макиавелли в политической

² М. Рудомино, 2001.

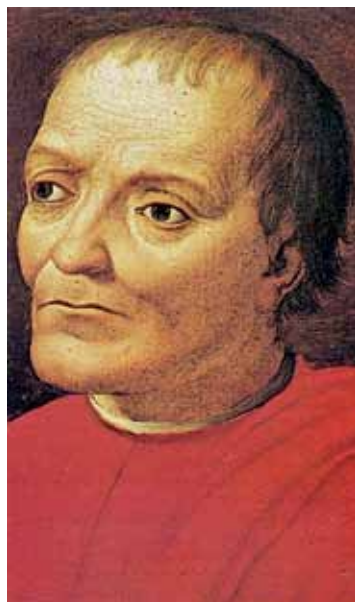
науке, или скульптор, превзошедший Микеланджело в скульптуре, мы будем продолжать жить в их времена.

Флорентийский период развития и практического применения разделения властей отмечается неизгладимым отпечатком индивидуальности гигантов, живших в то время. Главная эстетическая идея сильного конституционного строя – обеспечение максимально возможной для своего времени счастливой жизни граждан на фоне расцвета искусства – практически осуществилась в течение нескольких десятилетий в Республике Флоренция XV века.

Русский корифей флорентийских исследований Алексей Дживелегов писал примерно 80 лет назад: «Государственный строй надежно защищал купеческие капиталы. Ощущение спокойного довольства накладывало свою печать на общее мироощущение буржуазии... В течение благополучного, свободного от серьезных потрясений столетия между восстанием чомпи (1378) и заговором Пацци (1478) промышленность, торговля и банковское дело во Флоренции процветали, как никогда... Удача сопровождала всюду красную флорентийскую лилию»³.

Патриарх знаменитой ветви семьи Медичи Джованни ди Бичи Медичи родился в 1360 году. В течение 59 лет своей жизни он создал тот фундамент, на котором его сын Козимо и правнук Лоренцо построили как могущество и славу имени Медичи, так и расцвет флорентийского Ренессанса. При этом свою первую государственную должность он занял в 1402 году только на 42 году жизни и, в соответствии с флорентийской конституцией, только на два месяца.

Человек он был очень скромный, держался в тени и редко подчеркивал свое влияние. Тем не менее, можно признать, что именно ему семья Медичи обязана больше всего, поскольку он «сформулировал» политическую доктрину семьи и Флорентийской республики XV века: баланс интересов богатых и бедных слоев населения с помощью учета наиболее насущных нужд народных масс.



*Агноло Бронзино (1503–1572)
Портрет Джованни ди Бичи
Медичи (фрагмент)*

³ А. К. Дживелегов. Творцы Итальянского Возрождения. Кн. 2. М., 1998. С. 32, 33.

В 28 лет Джованни стал очевидцем восстания чомпи, когда часть пролетариата и ремесленников потребовала своего участия в системе торговых и ремесленных гильдий, которые имели избирательные права и власть в городе. На стороне восставших оказался дальний родственник Джованни из семьи Медичи, который в момент восстания занимал высшую государственную должность гондоланьера. Разумеется, по флорентийским законам только на два месяца.

Джованни в тот момент, видимо, осознал опасность социальных потрясений, как для каждой обеспеченной семьи, так и для государства в целом. Его «доктрина» социального компромисса эффективно послужила на благо Флоренции и дала ей возможность построить в XV веке уникальный конституционный и политический строй.

В 1426 году Джованни сыграл решающую роль в составлении кадастра, на основании которого резко возросли налоги на богатых (включая, конечно, самих Медичи). В 1427 году, когда в Синьории была предпринята попытка сократить количество гильдий и, соответственно, уменьшить число избирателей и претендентов на выборные государственные должности за счет беднейших ремесленников, Джованни Медичи решительно воспротивился этому. Тогда же с его активным участием была отвергнута последняя попытка пересмотреть конституционное правило, гласящее, что аристократы не вправе претендовать во Флоренции на право избрания на государственные посты. Это правило было одним из принципов флорентийской государственности и вынуждало аристократов, желающих участвовать в политической жизни, отречься от своих титулов. Этим во многом обеспечивался демократизм конституционного строя Флоренции. Во времена этих ответственных политических сражений рядом с Джованни уже стоял его сын Козимо, которому тогда было не более 35 лет.

В эти годы сформировались основы правления Медичи в XV веке. В первую очередь, борьба за поддержку значительной части избирателей (в условиях Флоренции того времени – мелких ремесленников и торговцев), во-вторых, укрепление финансовых и политических, а иногда и семейных связей с семьями крупных товаропроизводителей, купцов и банкиров. Вышеуказанного было достаточно, чтобы даже без занятия государственной должности обеспечивать контрольный пакет голосов в обновляющихся каждые два месяца государственных органах республики. Более всего это похоже на политическую партию, с той, однако, разницей, что нужно было постоянно поддерживать баланс внутренних интересов, не всегда совпадающих как у богатых и бедных членов партии, так и представителей разных ремесел (гильдий).

Джованни Медичи открыл филиалы своего банка в Риме, Венеции и Неаполе. Интересно, что первую свою государственную должность он за-



Филиппо Липпи (1406–1469)
Поклонение младенцу

нял для того, чтобы иметь возможность вступить за своих друзей и деловых партнеров, высланных из Флоренции. Его лозунгом в политической деятельности всегда был компромисс, но интересы средних и мелких собственников и ремесленников он отстаивал очень твердо. Он извлек много материальных выгод из обслуживания финансов папы Иоанна XXIII, но не задумался истратить в 1418 году свыше трехсот тысяч дукатов на освобождение этого папы из плена, когда тот обнищал и ослаб.

Политический консенсус, установленный Джованни как принцип внутренней политики Флорентийской республики, хорошо работал в XV веке, пока не был грубо нарушен Пьеро Медичи в 1494 году, что и привело к его изгнанию.

Джованни Медичи установил также семейную традицию поддержки выдающихся деятелей искусства. В частности, именно он поддерживал юного Брунеллески, оставившего неизгладимый отпечаток на



*Портрет Козимо Медичи Старшего
Флоренция, галерея Уффици*

архитектурном облике Флоренции.

Скромность Джованни во многом была унаследована его сыном Козимо и, хотя и в меньшей степени, оставалась характерной для последующих поколений ранних Медичи, которые правили Флоренцией фактически через руководство правящей и опирающейся на большинство голосующего населения «политической партией» до смерти Лоренцо Великолепного в 1492 году. Лоренцо никогда не был «князем», как его иногда называют в художественной или даже научной литературе.

Последующие Медичи, правившие Флоренцией в XVI и XVII веках, использо-

вали совершенно иные политические традиции и подходы и в этом смысле не могут быть признаны наследниками Джованни Медичи.

Некоторые флорентийские политики дали образцы классического правления с точки зрения обеспечения безопасности граждан города, развития культуры, яркости и многосторонности собственной индивидуальности, создания непропорционально значительного влияния маленького города-государства на всю европейскую политику своего времени. Таковыми и были Лоренцо Медичи Великолепный (1449–1492), а также его дед Козимо Медичи (1389–1464), который в числе прочих громких дел, включающих возврат европейской культуре Платона и основание первой в Европе публичной библиотеки, еще и потратил два года жизни на последнюю в истории серьезную попытку объединения католической и православной церквей.

Во Флоренции тех лет имелась и государственная идеология – неоплатонизм, утвержденный в умах образованной части флорентийского общества как сообществом передовых мыслителей из знаменитой Платоновской академии, так и политическими лидерами флорентийского обще-

ства и государства – Козимо и Лоренцо Медичи в период с 1434 по 1492 год. Греческий философ Платон создал в IV веке до н. э. признанный образец книжной конституционной утопии. Во главе утопической республики Платона стояли философы, каковыми старались быть (и были!) Козимо и Лоренцо. Оба верили, что идеи Платона можно претворить в практическую жизнь. Оба всерьез стремились к платоновской гармонии в государстве и по сложившейся до них флорентийской традиции считали произведения искусства «эмблемой» государства, его лицом, обращенным к остальному миру. Гегель назвал это явление единства высокоэстетичной государственной идеологии и практики ее осуществления «государством, жившим для прекрасного». Суть государственного неоплатонизма XV века можно свести к следующему: искусство и гуманизм являются высшими гражданскими ценностями. «В эпоху Ренессанса мы, прежде всего, наталкиваемся на замечательное явление не только в истории итальянской культуры, но и вообще в истории европейской культуры, которое носит название Флорентийской академии... Нигде имя Платона не превозносится так, как во Флоренции второй половины XV века. Почитание Платона было здесь превращено почти в религиозный культ. Перед его бюстом ставились лампы... Платоновская академия, или, как ее называли, «платоновская семья» (*Platonica familia*), во Флоренции имела свою краткую, но блестящую историю. Этому немало способствовало покровительство Лоренцо Медичи, который утверждал, что без платоновской дисциплины никто не может с легкостью стать ни хорошим гражданином, ни опытным в христианском учении»⁴.

Первой фигурой в организации этого процесса стал Козимо Медичи Старший. Конечно, интерес Флоренции к Платону и иному древнегреческому наследию был замечен и до Козимо, а сохранение Византии было важным условием эффективности флорентийской внешней торговли, определявшей экономическое благополучие республики. Конечно, привлечение в свои стены католическо-православного собора усилило международную репутацию Флоренции, а значит, укрепило позиции ее купцов и банкиров за рубежом, а также лично позиции банкира Козимо Медичи. Разумеется, все эти и другие крупные и мелкие факторы играли свою объективную и субъективную роль.

Государственный строй Флоренции времен Ренессанса можно оценивать по его результатам: высокая духовность, тяга к художественным ценностям, благоприятная атмосфера для развития искусства, которая позволяла художникам творить и завершать свои творения. Поэтому и модель разделения властей Флорентийской республики заслуживает внимания именно из-за ее результативности.

⁴ А. Ф. Лосев. Указ. соч. С. 216–218.

Любые государственные деятели любых времен объясняли свои мотивы и свою политику общественным благом. Как писал французский историк Марк Блок, все исторические, официальные, политические и правовые документы покрыты «лаком мотивировок, по большей части обманчивых». Далее он пишет, что историография соткала «для прикрытия циничной реальности человеческих побуждений некую вуаль, разорвать которую удалось лишь на пороге нового времени крепкими руками какого-нибудь Коммина или Макиавелли»⁵. Как указал М. Блок, чтобы «следовать жизни в ее постоянном переплетении действий и противодействий», нужно сосредоточиться «на четких проблемах», а при изучении экономической системы времен Ренессанса и сословий купцов и банкиров необходимо учитывать их тягу к поощрению искусств. Он же отмечает, что в «грамотах городских, продиктованных бюргерами, больше здравого смысла, чем образованности»⁶. Мы думаем, что во Флоренции обычный здравый смысл и образованность сошлись вместе в конституционном строе республики, что и создало уникальность флорентийской государственности.

Итальянская правовая традиция и итальянские университеты стали основным источником возникновения в XI–XII веках письменного права, в том числе и городских статуты во всей Европе. Тон задавали соседи флорентийцев – профессора-юристы из университета Болоньи, а также законоведы из города Пиза, составившие в 1162 году Пизанскую хартию, в соответствии с которой император Фридрих Барбаросса признал самоуправление этого города. Следует помнить, что Пиза вскоре попала в состав контролируемых Флоренцией земель, а также что спустя два столетия Лоренцо Медичи Великолепный перевел университет из Флоренции в Пизу, где и готовили местных юристов. Таким образом, передовые государственно-правовые идеи сопровождали развитие флорентийского государства, а примеры античности – Афин и республиканского Рима – дополнили базу для практического воплощения разделения властей.

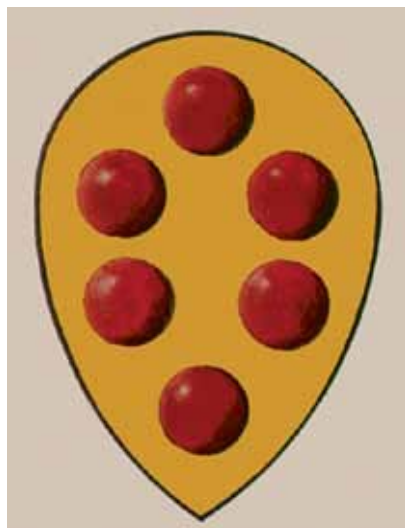
Разумеется, на развитие государственности во Флоренции влияли многие объективные и субъективные факторы. Но нельзя недооценивать грандиозность замыслов и усилий ее гражданина Козимо Медичи. И пусть лавры за его деятельность и титул «Великолепный» достались его внуку Лоренцо, он сам, вероятно, остался бы доволен таким результатом.

Например, одна из самых известных фресок, украшающих стены часовни во дворце Медичи, написана художником Беноццо Гоццолли и изображает процессию, движущуюся к месту рождения Христа для поклонения ему. Среди трех центральных фигур королей (или магов) изображен послед-

⁵ М. Блок. Апология истории. М., 1973. С. 135.

⁶ М. Блок. Там же. С. 159, 169.

ний император Византии Палеолог и византийский патриарх, приезжавшие в 1439 году во Флоренцию для упоминавшегося объединительного собора. Третьим королем изображен юный Лоренцо Медичи, гарцующий на богато украшенной белой лошади. Позади него на муле (!) едет его дед Козимо. Поскольку заказчиком фрески, написанной в 1459 году, был Козимо Медичи, не вызывает сомнений, что и здесь он сознательно выдвинул на первый план не себя, а своего десятилетнего внука, предвидя и готовя его великую судьбу. Интересно, что для изображения были выбраны не римские папы, которые были близки Козимо, а византийские гости. Поскольку фреска вклю-



Герб семейства Медичи

чает в себя портреты ближайших родственников и сподвижников Медичи, этот выбор символичен и показывает, какое значение придавал Козимо своей попытке спасти Византию и объединить церкви. Никто не знает, как сложилась бы судьба России, если бы усилия Козимо увенчались успехом, но судьба ее явно была бы другой.

Т. Грановский в своих лекциях говорил: «На огромном богатстве было основано могущество Медичи. Но к этому присоединялись личные таланты. От Джованни до Лоренцо – необычайный ряд гениальных личностей. Флоренция гордилась ими перед всей Италией, и надо сказать правду – они царственно покровительствовали искусствам и науке. Можно сказать, что материальные интересы и гордость, более высшая, соединились, чтобы сделать Медичи дорогими для Флоренции»⁷. Для того чтобы выдвинуться на долгий срок на первую роль во Флоренции XIV–XV века, нужно было быть гением. Это правило распространялось и на политическое лидерство. Недаром имена Медичи уже пять столетий завораживают воображение человечества.

Герб Медичи (несколько маленьких кружочков в овальном пространстве) часто трактуется как воспоминание о таблетках, которые эта, по предположениям, в далеком прошлом медицинская (Медичи!) семья прописывала или изготавливала. Однако нельзя не отметить сходство этого герба с одним из знаков нерасшифрованного языка на диске Фесто-

⁷ Т. Н. Грановский. Указ. соч.

са, обнаруженном на острове Крит и датируемом примерно 1500 годом до н. э.⁸, и с древним мистическим знаком двух совмещенных кругов, который часто упоминается в связи с символикой Знамени Мира, закрепленного в Пакте Рериха в XX столетии. Загадка герба Медичи как бы символизирует загадку политической мудрости Козимо Старшего и Лоренцо Великолепного.

Негативное отношение к Медичи связано с более поздними поколениями этой семьи XVI и XVII веков, несущих черты жестокости, коварства, явных признаков вырождения. Екатерина Медичи (особенно в романах Дюма) стала идеологом Варфоломеевской ночи и чуть ли не палачом своего сына, хотя при этом и научила французский двор есть за столом с помощью вилки, а не руками, как было принято до ее приезда. Мария Медичи позже ввела во Франции применение зонта. По приказу Медичи пытали Макиавелли, притесняли Микеланджело. При римских папах из семьи Медичи Льве X и Клименте VII развал католицизма достиг точки кипения и состоялся подъем Лютера и Реформации в целом.

Яд, кинжал, братоубийство стали уделом Медичи XVI–XVII веков, также порой носивших имена Лоренцо и Козимо. С этими «великими герцогами Тосканскими», против их тирании боролись флорентийские республиканцы. Все это правда, и все не имеет отношения к светлым именам гениальных философов-правителей Козимо, умершего в 1464 году, и Лоренцо, умершего в 1492 году.

Интересно показать эту путаницу на примере Стендаля и его современных комментаторов. При въезде во Флоренцию Стендаль восторженно (после Данте, Леонардо и Микеланджело) славит Лоренцо Медичи, активно участвовавшего «в возрождении цивилизации в этих стенах», а также создавшего систему государственных ценностей, «где впервые после Августа предпочтение отдавалось невоенным заслугам». И уже через несколько страниц он называет глупцами тех, кто прозвал Козимо Медичи «отцом человечества»⁹. При этом французский писатель явно путает деда Лоренцо, создавшего все предпосылки «для возрождения цивилизации» с герцогом Козимо Медичи, правившим почти столетием позднее. А научный комментатор этого тома Стендаля на с. 398 называет Козимо не дедом, а отцом Лоренцо, только усиливая путаницу.

Разницу можно зримо увидеть в усыпальнице семейства Медичи во флорентийском соборе Сан-Лоренцо. Медичи XVI века и последующих веков под огромным куполом усыпальницы из дорогого цветного мрамора, не жалея никаких затрат, пытались увековечить свое несостоявшееся

⁸ Godart L. The Phaistos Disc. 1995. P. 128–129.

⁹ Стендаль. Цит. раб. С. 124, 129.

величие. Однако все претензии поздних Медичи на величие меркнут перед лицом белых скульптур, находящихся там же, в церкви в Сан-Лоренцо, в относительно небольшой светлой и пронзительной капелле Медичи, где мыслью и руками гениального Микеланджело увековечена память великого Лоренцо Медичи Великолепного и его брата Джулиано.

«В новой сакристии Сан-Лоренцо, перед гробницами Микеланджело, можно испытать самое чистое, самое огненное прикосновение к искусству, какое только дано испытывать человеку»¹⁰. Не имеет значения, что в этих гробницах похоронили также и последующих Лоренцо и Джулиано, живших в начале XVI века и умерших уже после того, как гробница начала строиться. Микеланджело не случайно отказался от портретного сходства, так как работал, конечно, над увековечиванием памяти Лоренцо Великолепного и его брата, а не их худосочных потомков.

Очищение имен Медичи XV века от последующих наслоений, включающих и Пьеро – сына Лоренцо Великолепного, изгнанного из Флоренции в 1494 году, необходимо не только ради исторической правды о полном несовпадении характеристик разных поколений представителей семьи Медичи, но и для того, чтобы дать правильную характеристику конституционному строю Флоренции XV столетия. Власть семейства Медичи в XV веке была основана на традиционной для этой семьи приверженности к учету интересов трудящихся, в том числе не входящих в гильдии. Именно любовь и поддержка десятков тысяч наемных рабочих позволила Медичи стать во главе наиболее влиятельной группы правящей элиты Флоренции и пользоваться в ней безусловным авторитетом.

Дальновидность семейства Медичи проявилась и в том, что оно поддержало знаменитое восстание чомпи в XIV веке, а также добилось проведения налоговой реформы в двадцатые годы XV века, которая возложила налоговое бремя на богатых и идеологом которой стал Джованни Медичи – отец Козимо Медичи. Сам Козимо истратил из личных средств на поддержку строительства и развития искусств во Флоренции 600 тысяч флоринов, что сравнимо с годовым доходом всего города.

Как свидетельствует советник французских королей, известный дипломат Филипп де Коммин, неоднократно бывавший во Флоренции того времени, английский король Эдуард IV удержался у власти благодаря материальной поддержке банкирского дома Медичи. При этом флорентийцы «долгое время жили, не зная ни войн, ни опасностей», а Лоренцо Медичи, как и его отец и знаменитый дед, «правил с мягкостью и милосердием, как и положено в свободном городе», так как был «одним из самых мудрых

¹⁰ П. П. Муратов. Указ. соч. С. 133.

людей того времени»¹¹. Лоренцо Медичи не занимал никаких единоличных государственных постов, кроме того, что однажды на несколько месяцев был назначен послом к неаполитанскому королю. Юридически во времена первых и наиболее знаменитых Медичи в городе управляла Синьория, Большой совет и другие органы, что будет рассмотрено нами позднее.

П. П. Муратов пишет: «История сохранила воспоминания о Лоренцо Медичи как об одном из искуснейших политиков и правителей. Едва ли можно, однако, считать Лоренцо верным продолжателем своего деда Козимо. Его дети были обречены на изгнание, и это показывает, что политическое искусство Лоренцо не имело власти над будущим. В этой центральной для конца кватроченто фигуре уже иссяк главный источник, питавший жизненные эпохи, – чувство будущего... Лоренцо Великолепный как бы олицетворяет собою осуществление всех разнообразных чаяний кватроченто. В нем окончен долгий путь, который был предпринят когда-то флорентийской душой с такими гордыми надеждами, с такой утренней бодростью»¹².

Нам, пишущим эти строки в период, когда политики не обладают властью не только над будущим, но и над настоящим, этот упрек П. П. Муратова великому флорентийцу кажется неправильным еще по одному, чисто юридическому основанию: Лоренцо, как и его предшественники из семьи Медичи, не пытался учредить и занять государственную должность верховного правителя. Первая же попытка его сына Пьеро действовать в этом направлении завершилась восстанием свободной республики и изгнанием Медичи. Филипп де Коммин, который любил и знал Лоренцо, с горечью пишет, что главным официальным мотивом изгнания Пьеро Медичи, как указывалось в письмах флорентийской Синьории послам за границей, «было его желание юридически стать правителем города»¹³. Поверим Людвигу Фейербаху: «Время Лоренцо Медичи было не чем иным, как блестящим торжеством воскрешения, торжественным возрождением классического мира в слове и деле, ощущении и созерцании, мышлении и жизни; сама Флоренция была возрожденными Афинами»¹⁴.

Конечно, первые Медичи влияли на государственное управление через установленные республиканские структуры с помощью своих связей и средств, но также и огромным личным талантом и авторитетом. «Имелись ограничения влияния Медичи на каждодневную деятельность Синьории, определяемые древней политической традицией. Синьория сама выбирала граждан, с которыми консультировалась, и они свободно давали свои

¹¹ Ф. Коммин. Мемуары. М., 1986. С. 235, 281.

¹² П. П. Муратов. Указ. соч. С. 184.

¹³ Там же. С. 289.

¹⁴ Л. Фейербах. История философии. М., 1974. С. 80.

советы; совместно с двумя коллегиями эти советники имели последнее слово при принятии решений. Синьория имела свой административный аппарат, включая канцелярию. Я не думаю, что Лоренцо, как правило, видел все наиболее важные послания, отправляемые и получаемые Синьорией», пишет английский исследователь Николай Рубинштейн, основатель школы англоязычных авторов, изучающих политические институты Флоренции¹⁵. «Лоренцо видится как патрицианский банкир, действующий всегда в рамках республиканского строя Флоренции», – пишет англичанин Джордж Холмс¹⁶.

1492 год стал годом открытия Америки, которое подорвало средиземноморскую торговлю и, соответственно, экономику Флоренции, и одновременно подвел черту под первой попыткой создания исторической утопии – республики, основанной на идеях первого признанного утописта и идеалиста Платона. Последовавшая вскоре смерть Лоренцо Медичи Великолепного как бы подчеркнула окончание эпохи торгового и финансового могущества Флорентийской республики, на которой была основана возможность возведения на полвека в ранг идеологии правящей элиты идей древнегреческого мыслителя о правлении философов в сочетании с традиционным флорентийским стремлением к созданию высших творений искусства в качестве одной из основных государственных задач.

Особое внимание нужно обратить на роль и значение рода Медичи для Флоренции. 11 ноября 2002 года состоялось заседание Флорентийского Общества, посвященное 600-летию занятия патриархом семьи Медичи – Джованни Медичи – первой государственной должности во Флорентийской республике и 750-летию чеканки золотого флорина – первой единой валюты в Европе.

Хотя Джованни занял государственную должность в соответствии с предписаниями флорентийской конституции только на два месяца, в итоге, с перерывами, семья Медичи правила около трех столетий. Джованни Медичи был промышленник и банкир, поэтому его политический юбилей хорошо сочетается с юбилеем золотого флорина. На одном из заседаний Флорентийского Общества было рассказано о концепции европейской торговли и финансовых потоков в XV веке, которая была представлена в прошедшей в 2002 году в бельгийском городе Брюгге выставке «Ганза-Медичи». В соответствии с этой концепцией европейская торговля в рамках торгового союза Ганзы шла от Великого Новгорода в России через всю Европу до порта Брюгге, а финансировалась итальянскими банками, в первую очередь, банком Медичи, который имел в Брюгге филиал. А зо-

¹⁵ Art and politics in Renaissance Italy. Oxford, 1997. P. 130, XV.

¹⁶ Там же. P. XVII.

лотой флорин был основной валютой в торговых расчетах. Кроме того, на выставке была впервые представлена структура предприятий и банков Медичи, подтверждающая, что это была первая европейская финансово-промышленная группа в современном смысле этого слова.

Главной и все еще недооцененной особенно в России фигурой в этом процессе стал Козимо Медичи Старший (еще раз: не путать с последующими Козимо Медичи – герцогами Тосканскими в XVI–XVIII веках). Банкир Козимо Медичи не только успешно продолжил бизнес своего отца Джованни, установив первую в истории (до Ротшильдов!) общеевропейскую межгосударственную банкирскую группу и разлив политические идеи семьи Медичи о необходимости баланса интересов разных социальных сил в республиканском конституционном строе, но и предпринял титаническую попытку добиться объединения христианских церквей и, тем самым, спасения Византии. В течение двух лет Флорентийская республика и лично Козимо Медичи финансировали и всячески поддерживали проведение в 1439–1441 годах Флорентийского собора, означавшего интенсивные и широкомасштабные переговоры между католической и православной церквями об их объединении как условии серьезной военной помощи Византии против турок со стороны Запада. В итоге, в ходе этих переговоров и после вскоре наступившего кровавого конца Византии, Флоренция наполнилась уникальными учеными – философами и богословами, а также сохраненными в Византии рукописями Платона с его мечтой об идеальном республиканском конституционном строе и новым взглядом на древнегреческое искусство, известное в Италии в основном через римские копии.

В каком-то смысле Древний Рим, а затем Византия были во многом пассивными хранителями древнегреческих идей и традиций, в том числе их раннего симбиоза с библейскими идеями (например, в Александрии начала первого тысячелетия). Поэтому Флоренция стала в XV столетии каналом, через который несметное культурное богатство древних идей перетекло в христианское море, превратив его в океан, который мы сейчас называем западной цивилизацией.

Джованни Медичи был прямым прародителем той семьи, которая дала миру его сына Козимо Медичи Старшего и правнука Лоренцо Медичи Великолепного. Хотелось бы привести пространную цитату блестящего знатока Флоренции Леонида Баткина: «Речь идет сейчас не об оценке стиля правления, не о спорах, начавшихся еще при жизни Лоренцо Великолепного и продолжающихся до сих пор, не о том, в какой мере это правление было действительно просвещенным, на удивление мягким и гибким (даже после подавления заговора Пацци, о чем свидетельствует история беспрепятственного возвышения Савонаролы). Речь идет о самом механизме



*Джорджо Вазари (1512–1514)
Портрет Лоренцо Медичи*

власти Лоренцо. Он, как и его дед Козимо, не имел никаких официальных прерогатив и не занимал ключевых государственных должностей, оставаясь частным лицом... Все это, пожалуй, больше напоминает, при всем анахронизме такого сопоставления, роль лидера правящей партии, чем владычество, пусть и некоронованного, государя.

Но еще примечательней то, что индивидуальность Лоренцо Великолепного утвердилась не только на главном его поприще. Свое заслуженное прозвище он получил в особенности за сочетание в нем политического дара с подлинно художественной натурой, с многообразным и часто весьма живым поэтическим творчеством, прекрасной гуманистической выучкой...

Представитель крупнейшей купеческой и банкирской семьи из «на-рождающейся буржуазии» Лоренцо писал в своих знаменитых стихах, положенных на музыку и распеваемых флорентийцами на карнавалах: «Но на скуку обречен, кто вменил себе в закон наживаться бесконечно»¹⁷. Ранний закат прожившего только 43 года Лоренцо Медичи почти совпал с возмужанием и восходом звезды Никколо Макиавелли.

Понадобились два века флорентийской социальной и культурной традиции, чтобы выработать подобного человека. Многие историки считают Лоренцо гением, и это, по-видимому, правда, но его одаренность сказалась не столько в отдельных сторонах и результатах его деятельности, сколько в ее «универсальности», более того, – в доведении самого типа ренессансной личности до такой полноты и шлифовки, до такой показательности, что мы говорим: «среда Лоренцо Медичи», «эпоха Лоренцо Медичи». Мы соединяем среду и эпоху с его именем отнюдь не формально хронологически, они уже немыслимы без него самого... Вовсе не только благодаря общественному положению, участвуя в интеллектуально-художественной жизни Флоренции увлеченно и на равных, он сумел занять свое место среди сошедшихся в ней в этот исторический момент гениев...

Какое характерное опять-таки затруднение! – при всей пластичной ощутимости личности Лоренцо, в ней нельзя указать центр. Нельзя и укрыться за привычной отговоркой насчет «противоречивости»: напротив, контрастные свойства и склонности совмещаются в ней, ничуть ее не разрывая, легко, с непостижимой естественностью. В этом как раз и сказывается нечто очень ренессансное. Индивидуальная определенность словно бы не могла осуществиться без некоторой размытости очертаний, без тревожащего нас «сфумато». Рождение новой личности предусматривало нечеткость фокусировки (или, если угодно, «универсальность») в качестве не достоинства или изъяна, а конструктивного условия. Поэтому в зрелом

¹⁷ Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 82.

Возрождении то и дело встречались люди, производящие впечатление «загадочных». Так часто называют и Лоренцо»¹⁸.

Не следует забывать и о последней в роду бездетной Марии Луизе Медичи, которая завещала Тосканскому государству все состояние семьи, включавшее дворцы, виллы, а главное – бесчисленные произведения искусства.

Во время своей лекции перед студентами юридического факультета Флорентийского университета один из авторов совсем не в шутку сказал, что Флоренция так же обязана своим юристам, как художникам, архитекторам и скульпторам. Если бы не хорошо составленное завещание Марии Луизы, большая часть шедевров была бы рассеяна по всему свету, и не удалось бы на базе этого завещания вернуть награбленное Наполеоном и Гитлером. Ошибка в завещании по поводу миниатюр, которых во Флоренции почти не осталось, показала, что могло бы быть со всеми остальными сокровищами, и также была хорошим примером для студентов-юристов.

¹⁸ Л. М. Баткин. Европейский человек наедине с собой. М., 2000. С. 690–692.



NICCOLÒ MACCHIAVELLI

МАКИАВЕЛЛИ

*Сколь доблестны основатели республик или царств,
столь же гнусны учредители тирании.*

Никколо Макиавелли

Английский философ Исайя Берлин отнес работы Макиавелли к таким же загадкам человеческой мысли, как произведения Платона, Руссо, Гегеля и Маркса. Он сравнивает значение «Государя» с точки зрения воздействия на человечество с описанием в Библии предписаний судьи и пророка Самуила первому библейскому царю Саулу¹.

Петр Вайль пишет: «Макиавелли – ключевое имя политической философии и политической истории для новейшего времени тоже. Пытаясь разобраться в чехарде первых послесталинских лет, судьбе клана Кеннеди, стилистической революции Хрущева, жесткости Рейгана, упрямства Буша, компромиссах Горбачева, этико-тактических злоключениях Клинтона, импульсах и поступках Ельцина, не обойти флорентийца XVI столетия, не обойтись без него»².

За пределами государственной фразеологии в России остаются вопросы морали, этики, эстетики и их роли в государственном строительстве. Религиозное мироощущение, которое традиционно восполняет обычную морально-этическую бедность и примитивность подходов со стороны государства к решению политических проблем, продолжает находиться на периферии сознания российского общества и охватывает незначительные слои населения. Невысокий нравственный уровень общества решающим образом сказывается на морали, этике и эстетике конституционного строя, а значит, с неизбежностью и на судьбе государства.

¹ Berlin I. The Question of Machiavelli // Machiavelli N. The Prince: A Norton Critical Edition, N. Y., 1992. P. 206, 207.

² Хождение во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре / Под ред. Е. Гениевой, П. Баренбойма. М.: Рудомино, 2003. С. 599.

Без религии и морали, как учит нас Макиавелли, невозможно долго ни сохранить демократию, ни само государство в любой его форме, и, тем более, нельзя создать полноценное гражданское общество. Кроме того, оппозиция и связанная с ней борьба политических мнений являются необходимым условием для жизнеспособности государства и общества и поддержания свободы граждан. Свобода есть самоцель и единственное условие истинной гражданственности, без которой граждане не борются до конца за свое государство, что неизбежно рано или поздно приведет к его гибели. Все эти выводы Макиавелли сделаны на основании изучения природы государств прошлого и современного ему настоящего, но предназначены и для будущего. Он оперировал конституционным опытом тысячелетий и поэтому предсказывал на столетия вперед. Написанные четкой прозой Ренессанса его мысли уже пять веков остаются актуальными, а для многих не утруждающих себя чтением российских политиков окажутся еще и абсолютно неожиданными.

Одновременно с республиканскими демократическими идеями Макиавелли в концентрированном виде показывает в своей небольшой книжке «Государь», что происходит при отсутствии морали, религии и свободы в государственной жизни. В этом случае гражданами страны манипулируют и ведут устрашающие войны, демонстрируя свою жестокость соседям, а заодно для острастки и соотечественникам. Заменой религии и морали становится культ личности правителя, базирующийся на жестокости и обмане. На этой основе в реальности удавалось даже на сравнительно короткое историческое время строить мощные государства. Однако действующие по вышеизложенной схеме правители должны «побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами». Кроме того, единоличные правители, способные на дело создания сильного государства «редки и подобны чудесам»³. Вспомним, например, Наполеона, который остался знаменит не только необыкновенными личными способностями, военными победами и великолепными тортами и коньяками, названными в его честь, а скорее Гражданским кодексом и учреждением Банка Франции. Кстати, правильная финансовая и правовая системы, установленные Наполеоном, немало помогли ему в последующем завоевании Европы.

Сейчас получила признание (в том числе и первых нобелевских лауреатов) отрасль знания под названием «конституционная экономика» или, как у немцев, «финансовая конституция». К концу второго тысячелетия

³ Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону, 1998. С. 129, 139.

нашей эры совместными усилиями экономическая наука и теория конституционного права освоили урок, который Макиавелли преподавал почти 500 лет назад. Его подход, в свою очередь, базировался на предшествующей флорентийской государственной традиции сочетания интересов развития экономики с оптимально возможной структурно-функциональной организацией органов государственной власти. Например, в проекте выступления, подготовленном в 1502 году для пожизненного гонфалоньера Пьеро Содерини, Макиавелли обосновал обязанность граждан платить налоги для поддержания силы государства, так же как и обязанность государства надлежащим образом расходовать полученные от граждан деньги на благо республики, как основы правильного конституционного строя⁴.

Тот, кто попытается предложить рецепт «Государя» для России, должен помнить, что «чудо-правители» и «горе-правители» уже опробованы страной в XX столетии, и итогом их деятельности к началу девяностых годов стали экономическая отсталость, распад государства, опасность перехода в группу развивающихся стран. Единоличное правление, в итоге, стало трагедией России и теперь, в XXI веке, по законам истории может быть повторено только в виде фарса. Похоже, сейчас время осваивать другие уроки Макиавелли: гражданственность, мораль, религию, свободу предпринимательства и учет мнения всех слоев общества – все эти необходимые компоненты общественной жизни и неизбежные условия построения нового сильного государства. А то у нас популярна шутка, что в России общественное мнение – это мнение тех, кого не спрашивают.

Совсем недавно покойный папа Иоанн Павел II провозгласил святого Томаса Мора покровителем политиков. Канцлер Англии был не только автором знаменитой книги «Утопия», но и отказался присягнуть королю Генриху VIII, когда тот отделил английскую церковь от Рима. Хорошая доза утопизма, вероятно, необходима для любого хорошего политика. Реалистом Макиавелли сделало произошедшее на его глазах падение осуществленной государственной утопии – республики во Флоренции времен Лоренцо Медичи Великолепного, когда после смерти последнего идеалы неоплатонизма были низвергнуты монахом Савонаролой, который попытался построить свою религиозно-экзальтированную аскетическую конституционную утопию, рухнувшую в течение 4 лет. Поэтому Макиавелли уже не ожидал практического успеха от «правителя-философа».

Правда, можно сказать, что и Макиавелли со своими идеалами республиканизма, демократии, свободы и гражданственности тоже относится к утопистам. Однако скорее можно отнести к разряду книжных теоретических утопий идеи Макиавелли о «чудо-государе», чей режим личной вла-

⁴ Virolì M. Niccolo's Smile. A Biography of Machiavelli. N. Y., 2000. P. 68–70.

сти сумеет поддержать успешное экономическое и культурное развитие. Кстати, процент грамотных людей во Флоренции XV века был в десятки раз выше, чем в России начала XX столетия.

Американский профессор Джон Покок назвал «моментом Макиавелли» любой исторический период, когда государство сталкивается с ситуацией временной сильной нестабильности.

«Момент Макиавелли» наступает, когда в условиях потери стабильности, «во время экономической и социальной турбулентности республики и их граждане проходят процесс самопознания с целью нахождения путей для эффективного установления хотя бы относительной политической, экономической, социальной гармонии перед лицом потока иррациональных хаотических негативных событий». Временем концептуализации и внутреннего осмысления является «момент Макиавелли», повторяющийся в истории от городов-республик Италии до современных государств⁵.

«Момент Макиавелли» для России начала XXI века – это выбор между все еще незнакомой свободой гражданского общества и демократического правления, описанных в основных работах Макиавелли, или заведомо обреченной на неудачу попыткой возврата к единоличному правлению или правлению «Политбюро», в надежде на «чудо-правителя», описанного в книге «Государь», где Макиавелли показал такой вариант развития и почти недостижимые условия его успешного осуществления. Вопрос в уровне самосознания и понимания государственных и общественных ценностей в современной России. Для России «момент Макиавелли» становится моментом истины.

Почему Флоренция XV века и идеи Макиавелли так актуальны для современности? Нужно вспомнить, каково было отношение к государству и на каком уровне существовал конституционализм в XIII–XV веках. Во-первых, говоря об уставах городов-республик, можем смело упоминать писанные конституции, а при анализе комплекса их законов, регламентирующих порядок организации органов государственной власти, – демократию.

За предшествующие пару столетий к XV веку уже сложились, хотя и находились в процессе непрерывного доказывания, основные политические и правовые ценности современной конституционной цивилизации: государственный суверенитет, отделение церкви (но не религиозной морали) от государства, легитимность меньшинства, широкое представительство граждан в органах государственной власти, отделение суда от других органов власти, а также право частной собственности. Однако из значительных государств XV века, только Флорентийская республика продемон-

⁵ Pocock J. G. A The Machiavellian Moment, Princeton; London, 1975. P. VII–VIII.



Санти де Тито (1536–1603)
Портрет Никколо Макиавелли (фрагмент)

стрировала торжество всех этих принципов на деле. Как правильно написал английский исследователь Энтони Блэк, события XX века показали, что период Ренессанса представляет отнюдь не антикварный интерес, так как мы можем учиться у истории, поскольку она еще продолжается и мы все еще находимся в ней⁶. Проще говоря, мы и сейчас, в начале XXI века и тре-

⁶ Black A. Political Thought in Europe 1250–1450. Cambridge, 1993.

тьего тысячелетия, находимся в рамках того же исторического периода, в котором находилась Флоренция времен Возрождения. Отсюда такой большой интерес к ней и, в частности, к Макиавелли. Мы бы добавили, что нам есть чему поучиться у тех флорентийцев, и уже только из-за одного этого мы должны перечитать и осмыслить этот том всемирной истории. Например, интересен пример Данте, чья поэзия была «квинтэссенцией флорентийского духа»⁷, но который в политике противопоставил себя флорентийским конституционным ценностям. Нет ничего линейного и навсегда правильного в истории развития конституционных идей. России XXI века сейчас важно прикоснуться к флорентийским ценностям пятисотлетней давности, поскольку этот урок истории мы почти безнадежно пропустили.

Запад быстрее освоил флорентийские уроки, во-первых, потому, что город-коммуна был частью Запада, а во-вторых, из-за наличия общего языка, который использовали юристы, теологи, ученые, архитекторы, дипломаты и политики. Латынь делала любое научное открытие, любую светскую мысль достоянием всей Европы. Активное начало книгопечатания во второй половине XV века и особенно в начале XVI века широко распространило идеи просвещенных флорентийцев, которые первыми возродили к жизни Платона, сделав достоянием всего мира его утопические идеи об идеальном государственном строе, возглавляемом правителями-философами.

В политической философии и, соответственно, в конституционно-правовых воззрениях того времени господствовал тезис о тесных взаимосвязях идеала и реальности, теории и практики. Многие верили, что государственные институты того времени даны навсегда, и главное – поддерживать их в надлежащем виде, другие считали, что конституционные схемы можно и нужно менять в интересах достижения конституционного идеала. Уже тогда выбор между разными формами монархии, тирании (единоличного не наследственного правления) и республики был широко представлен как в реальности, так и в библейской и античной истории. Теория, несмотря на серьезный теологический компонент, не отрывалась от жизни и оперировала фактами государственной деятельности своих и чужих стран. Вселенский масштаб рассуждений того времени вполне оправдывался попыткой подражания грандиозности и глобальности мыслей библейских авторов и античных философов. Вполне серьезно стояла задача определить, какой тип государства является лучшим или идеальным как с точки зрения религиозной морали, так и с позиции подтверждения этого историческими фактами. Быть правителем-философом в духе Платона было модным, иметь самую совершенную конституцию в духе Аристотеля было важным, хотя,

⁷ Aldres O., Nunisak Y., Turner A. Art of Florence. N. Y., 1994. Vol. 1. P. 181.

конечно, в политике и конституционном праве все равно доминировали соображения практического порядка. Учебник по составлению документов, вышедший в Италии в 1276 году предлагает в переписке между городами-республиками использовать такие термины, как, например, «единодушно», «гармонично», «мирный переход от противоречий к согласию», «граждане под благословением гармонии» и т.д.⁸ Использованный в праве латинский язык брал свою терминологию из древнеримских правовых источников и византийского кодекса Юстиниана, поэтому он сразу был обеспечен четкостью формулировок и разветвленным словарным запасом. Язык речей Цицерона и Сенеки стал образцом для языка профессоров права итальянских университетов и, соответственно, для юристов, выходивших из стен этих университетов. Имитация возвышенного цicerоновского стиля проходила красной нитью через политические споры, выступления в судах и теологические диспуты. Из работ Аристотеля в конституционное право входили и закреплялись понятия «демократия», «олигархия», «монархия», «тирания» и т. д. Поскольку Аристотель использовал этические принципы при объяснении своей позиции, почему конституция одного греческого города-полиса лучше, чем конституция другого, в конституционное право входили этические нравственные оценки как критерии эффективности достаточности и эффективности государственного строя.

Кроме того, Аристотель призывал обеспечить с помощью конституции государства необходимый баланс интересов. Он писал: «Демократы поддерживают демократию, в которой все решает большинство. Другие предпочитают олигархию, когда все решают наиболее богатые. Оба этих подхода неправильны. Если предложения немногих будут доминировать, вскоре установится тирания... С другой стороны, если мнение большинства будет превалировать, несправедливость наступит через конфискацию имущества меньшинства богатых. Идея равенства интересов, с которой будут согласны обе стороны, основывается на праве, включающем равный подход ко всем»⁹. Справедливость, которая первоначально установлена в государстве, далее, в соответствии с Аристотелем, распространяется в геометрической прогрессии¹⁰. Только в XV веке во Флоренции вновь вышли в свет произведения Платона, в первую очередь, «Государство», где указано, что государство должно гармонизировать отношения различных групп своих граждан. Впечатление от этих идей было ярким, и их влияние на подход к устройству государства значительным, тем более, что идеи Платона в XV веке пропагандировали сами Медичи, начиная с Козимо Медичи.

⁸ Black A. Op. cit. Pp. 4–5.

⁹ Аристотель. Политика. Соч., т. 4. М., 1984. С. 572–573.

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика. Там же. С. 151–152.

Флорентийский мыслитель Ремиджо Джиролами писал в 1304 году в своем трактате «Преимущества мира» о том, что общее благо является наиболее важным понятием в государстве¹¹.

Период с XIII по XV столетие был золотым веком для городов-республик. Фактически во владения Флоренции, Венеции, Генуи входила не только городская территория, но и обширные земли вокруг нее. Так, во владения Флоренции входила вся Тосканская область, включая город-порт Пизу и даже знаменитый впоследствии, благодаря Наполеону, остров Эльба. Период XIII–XV веков был периодом конституционных экспериментов и столкновений гильдий и олигархических сеньорий, где главенствовали аристократы. Во Флоренции это, в итоге, привело к поражению аристократов в правах, они полностью потеряли право быть избранными в органы управления республикой, если не зачислялись в одну из гильдий. Необходимость компромиссов между классами и самими гильдиями привела уже в XIV век к составлению детализированных конституций городов-республик, написанных специалистами по действующему праву, опиравшимися на многие принципы и определения древнеримского права. В результате сформировался насыщенный юридический язык, которым подробно описывались распределения полномочий между различными государственными органами, порядок избрания и назначения в них и процедура голосования. Город рассматривался в качестве юридического лица, обладающего правами и обязанностями, то есть понятия гражданского и конституционного права были смешаны в уставах городов-республик. Нас не должно смущать, то обстоятельство, что до Макиавелли понятие «государство» практически не использовалось ни в теоретических работах, ни в текстах уставов и законов (в этом смысле русский перевод платоновской книги «Республика» как «Государство» – крайне неудачен). Использование терминов «конституция», «государство», «разделение властей» не является необходимым для того, чтобы отнести то или иное явление государственной жизни к сфере конституционно-правового анализа. Важна суть этих явлений, а не их названия, многие из которых были сформулированы позднее, хотя описывались с библейских и античных времен. Основная конфигурация политической и конституционной мысли современного Запада была заложена в Италии уже к середине XV столетия.

Неоплатонизм Ренессанса стал твердой основой для формулирования передовых конституционных ценностей. А ведь еще античный неоплатонизм, как писал А. Ф. Лосев, «совместив в себе Платона и Аристотеля, создал наиболее систематическую и максимально заостренную философскую систему, которая уже оказалась не какой-нибудь одной школой, ведущей

¹¹ Black A. Op. cit. P. 25.

борьбу с другими школами, но совмещением всего передового и оригинального, что вообще было создано античностью в области мысли»¹².

Красота или безобразие государства пока что не являются, к сожалению, категориями конституционного права. В XVIII веке известный британский юрист и политик Эдмунд Берк, размышляя над причинами революционного взрыва в современной ему Франции, писал: «Старые государственные устройства оценивались по результатам деятельности. Если народ был счастлив, сплочен, богат и силен, то остальное можно считать доказанным. Мы считаем, что все хорошо, если хорошее преобладает. Результаты деятельности старых государств, конечно, были различны по степени целесообразности; разные коррективы вносились в теорию, подчас вообще обходились без теории, уповая на практику»¹³. Достижение такой степени развития, такой гармонии конституционного строя, при которой возможен максимальный для конкретного исторического периода уровень счастья и благополучия граждан, когда «хорошее преобладает», относится к категориям не только права, но также этики и эстетики.

Об этом говорил Иосиф Бродский в своей лекции 1986 года при получении Нобелевской премии в области литературы: «Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему)... Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике, – всегда «вчера»¹⁴». В учебнике по конституционному праву по поводу высказывания Бродского написано, что «это, конечно, художественное, но довольно точное определение того бесспорного факта, что даже самая лучшая для условий своего времени конституционная система может начать сдерживать прогресс и мешать развитию общества, если в ней не заложена возможность изменения и приспособления к новым экономическим, политическим и иным условиям»¹⁵. Сюда нужно добавить, что «этика государства» – понятие известное, как минимум, со времени Аристотеля. Что же касается эстетики, то, как сказал, в той же Нобелевской лекции Иосиф Бродский: «Эстетика – мать этики; понятия «хорошо» и «плохо» – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории добра и зла. В этике не «все позволено» именно потому, что в эстетике не «все позволено»¹⁶.

¹² Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 174.

¹³ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 121.

¹⁴ Бродский И. Форма времени. Минск, 1992. Т. 2. С. 453.

¹⁵ Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2000. С. 49.

¹⁶ Бродский И. Там же. С. 454.

В России, где все еще невероятно трудно доказывать, что государству не «все позволено», мысли об этической и эстетической стороне конституционного строя не являются праздными. Поэтому нам хотелось бы сравнить эссе Бродского «О тирании» с соответствующей главой «О гнусности тирании» (глава X) в работе Макиавелли о первых десяти книгах Тита Ливия.

Бродский в 1979 году дал портрет советского «тирана» того времени: «У тирана время, отведенное на размышления о душе, используется для расчетов, как бы сохранить статус-кво.

Это происходит потому, что человек в его положении не видит различий между настоящим, историей и вечностью – госпропаганда сплавила их воедино, потому что так удобней и самому тирану, и населению... Устойчивость пирамиды редко зависит от ее вершины, но все-таки именно вершина привлекает наше внимание... Единственная задача стареющего тирана удержать свое положение, его демагогия и лицемерие не подавляют умы подданных необходимостью в них верить или текстуальным разнообразием; в то время как молодой выскочка с его подлинным или наигранным рвением и целеустремленностью всегда, в конечном счете, повышает уровень общественного цинизма... Орудие тирании – политическая партия (или армия, чья структура не отличается от партийной)... Партия по существу – фиктивная реальность, изобретенная интеллектуальными (или обыкновенными) безработными... Создание партии – уже самодостаточное занятие и при этом всепоглощающее. Оно, конечно, не приносит немедленных плодов; но, с другой стороны, работа не трудная и для психики весьма комфортабельная ввиду невнятности устремлений... Средняя продолжительность хорошей тирании – десять-пятнадцать лет, двадцать самое большее... Скрытность – старинное пристрастие партий... Так что лица не выражают ничего. Это им особенно удается, потому что выражать нечего... Давно прошло время орлиных профилей, бород клинышком или лопатой, усов, наподобие моржовых или вроде зубной щетки, скоро и брови уйдут в прошлое... Когда тобой правит никто, это самая всеобъемлющая форма тирании, ибо никто выглядят как все... Благодаря характеру его работы, никто не знал, что он думает на самом деле. Вполне возможно, что он и сам не знал, что он на самом деле думает»¹⁷.

У Бродского и Макиавелли в подходе к тирании обнаруживается не только полная общность установки на стремление к свободе, но и весьма показательное расхождение. Бродский считает, что новые, как демократические, так и авторитарные государства все дальше уходят от духа индивидуализма к «стадному натиску масс» и что исключительность от-

¹⁷ И. Бродский. Меньше единицы. Избранные эссе. М., 1999. С. 113–115, 118–122.

дельного индивидуума заменяется «идеей анонимности»¹⁸. Макиавелли же, хотя и учитывает «стадный натиск масс», исходит из идеи, что только яркая личность может и должна стоять во главе государства, неважно какого: демократического или тиранического. Мысль Макиавелли вертится вокруг личности правителя, вокруг «вершины пирамиды», в то время как «умудренный» последующими 450 годами истории и особенно второй половиной XX века Бродский делает упор на основу пирамиды, лежащую в массах. Макиавелли говорит о Юлии Цезаре или, на худой конец, о Цезаре Борджиа, а Бродский, отдавая должное таланту («намного превосходят своих предшественников») Ленина, Сталина, Мао, Гитлера, Кастро, Хомейни, все же пишет свое эссе «О тирании» обобщая руководителей «политбюро» десятков стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки образца 1979 года. По Бродскому нравственная и интеллектуальная серость населения предопределяет серость и во многом неизбежность тирании.

Известный русский историк Т. Н. Грановский в 1849 году сказал о Макиавелли, что между Тацитом и ним нет историка такого масштаба, а также, что Макиавелли положил основание новым политическим идеалам¹⁹. Современность вновь и вновь возвращается к этому удивительному мыслителю, все грани идей которого полностью еще не изучены, несмотря на значительное и все возрастающее количество исследований. Среди недостаточно разработанных идей следует выделить конституционно-правовое осмысление значения трудов Макиавелли. Это принципиально важно, так как Макиавелли, в первую очередь, является юристом-государствоведом и отцом политической науки. Он использует методологию философии и истории как подчиненные целям вышеуказанных наук.

Это, конечно, не значит, что Макиавелли принадлежит только юристам. Так, очень важен и интересен подход протоиерея Александра Меня, который писал, что замысел «создания сакрального христианского государства был в конечном счете обречен на неудачу... Отцом политического секуляризма Нового времени обычно считают Никколо Макиавелли (1469–1527). Выступая против статуса христианства как государственной идеологии, он фактически оказал ему важную услугу и освободил от чужеродной мирской стихии»²⁰. Подход А. Меня к вопросу о государственно-правовых последствиях влияния идей Макиавелли хорошо показывает, что нельзя рассматривать реформаторский подход последнего к роли церкви как примитивное антиклерикальное, тем более атеистическое воззрение. Макиавелли пишет, что религия совершенно необходима «для поддержа-

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Т. Н. Грановский. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 57.

²⁰ А. Мень. Трудный путь к диалогу. М., 1992. С. 158–159.

ния цивилизованности», а также что пренебрежение религией является причиной гибели государств. «Ибо там, где отсутствует страх перед Богом, неизбежно случается, что царство либо погибает, либо страх перед государем восполняет в нем недостаток религии»²¹. Как видите, более четкой формулы основной причины культа личности и диктатуры найти трудно. Однако следует подчеркнуть, что Макиавелли говорит о подлинном, а не внешнем религиозном сознании. «Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны, прежде всего, уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом... Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее, чем они оказались в наше время»²².

Традиционным является противопоставление или примирение республиканско-демократических взглядов Макиавелли из только что процитированных нами «Рассуждений» о книгах древнеримского историка Тита Ливия и абсолютистско-тиранических размышлений из его книги «Государь». Мы же, идя по направлению указанному А. Менем, предлагаем оценить любые жесткие и прозаические высказывания Макиавелли 1513 года в «Государе» с точки зрения приведенной выше религиозно-нравственной формулировки того же автора, написанной, кстати говоря, ранее «Государя» и позднее подтвержденной им в ходе работы по завершению рукописи «Рассуждений». Даже если у него и были отклонения и сомнения, мы можем сказать, что его позиция в подходе к государственной политике является нравственной и основанной на первоначальных религиозных и общечеловеческих моральных ценностях. Если он не говорит о религиозной или любой иной морали в «Государе», так это потому, что с первых строк он указывает, что пишет в этой книге только о единоличном правлении, притом тиранического толка. Вряд ли мы найдем более точное выражение его истинных взглядов, чем эта ремарка в совокупности с остальными советами абсолютным монархам, тираническим правителям, беспринципным диктаторам. Он говорил с ними на понятном им языке, адресуясь, конечно, не к Сталину и Гитлеру, у которых «Государь» был настольной книгой, а к местным князьям, кто-то из которых, как он надеялся, мог объединить тогда Италию. Не удивительно, что он, обращаясь к тиранам, даже не пытается вспоминать о религии или морали. Здесь нет противоречия. Реалист Макиавелли видит в истории две основные формы государственного строя:

²¹ Н. Макиавелли. Избранные сочинения. М., 1982. С. 405.

²² Там же. С. 408, 409.

республику и абсолютную монархию. В «Государе» он дает практические советы единоличным правителям, не связанным конституцией и позицией других государственных органов. В «Рассуждениях» же он дает советы республикам, к которым не скрывает своей приверженности. При этом он предвидит (как оно и получилось на самом деле через почти 400 лет), что Италию объединит только единоличный правитель.

Исследователи Макиавелли должны были понять его религиозно-моральное кредо, четко выраженное в «Рассуждениях», и оценить его значение для определения его истинных взглядов и убеждений, но, по странному стечению обстоятельств, мы не находим такого подхода у многих из них. Как говорил Каструччо Кастракани, один из исторических персонажей Макиавелли, важно не много прочитать, а много запомнить. Иначе как забывчивостью мы не можем объяснить вышеуказанное явление. Приведем еще нравственную позицию Макиавелли, сформулированную в названии главы 10 «Рассуждений». Вот это название: «Сколь доблестны основатели республик или царств, столь же гнусны учредители тирании».

Что же касается Т. Н. Грановского, который попытался дать анализ религиозно-нравственных взглядов Макиавелли, то он, вероятно, слишком увлекся приверженностью Макиавелли к античности и посчитал, что идеалом религии для того была религия Древнего Рима. Все-таки наш знаменитый историк игнорировал содержание главы 12 «Рассуждений», где, во-первых, прямо сказано о примитивности и устарелости древнеримских религиозных культов, а во-вторых, там же четко проведена грань между первоначальными истинами христианской религии и поведением тогдашней римской церковной иерархии. Грановский сделал правильный вывод о том, что у Макиавелли было «сознание, что христианство может быть побуждением к великому», однако в целом начало его лекции 1849 года, записанной и опубликованной под № 13, вполне оправдывает свою нумерацию, так как содержит явно ошибочные суждения о религиозных основах государственно-правовых идей Макиавелли.

Т. Н. Грановский делает выговор Макиавелли за то, что тот «допускает религию только политическую как побуждение гражданское к совершению гражданских подвигов»²³. Поэтому Макиавелли и не понимал, как считает лектор, тех нравственных изменений, которые христианство произвело в Европе. Упреки Грановского к Макиавелли здесь тем более неосновательны, что именно понимание сути религиозных ценностей заставляло Макиавелли категорически и последовательно отвергать идею религиозного государства. В этом Макиавелли видел путь повышения авторитета религии как совокупности нравственных идеалов, возврат к которым по-

²³ Т. Н. Грановский. Указ. соч. С. 61.

звали бы современным ему итальянцам подняться на уровень доблести и гражданственности древних римлян.

Для Грановского в условиях николаевской России 1849 года, когда царская власть препятствовала даже полному переводу Библии на русский язык, возможно, критика Макиавелли за излишне гражданственный подход к религиозным вопросам была формой прикрытия своих передовых прогрессивных взглядов. Но все-таки его подход требует критического осмысления.

Нельзя не согласиться с М. Андреевым, утверждающим в комментариях к «Рассуждениям», что отношение Макиавелли к католической церкви не исчерпывает его отношение к религии. Он пишет: «Религия для него – форма регламентации и освящения системы общественных ценностей и связей. Религия укоренена в сфере частного права и составляет необходимую моральную основу для государственного строительства и для функционирования государственных учреждений. Религия – это та область, где смыкаются личное и социальное, нравственность и политика, «добрый» порядок и «добрый» закон»²⁴. Постоянное соизмерение нравственности, политики и права (в первую очередь, конституционного, а затем уже частного, как у М. Андреева) – вот это главная линия любого анализа идей Макиавелли.

Он констатирует, что древние религии сопровождались жестокими жертвоприношениями и были уделом примитивных людей, а также решительно протестует против трактовки христианской религии, навязываемой современной ему католической церковью. «И если теперь кажется, что весь мир обабился, а небо разоружилось, то причина этому, несомненно, подлая трусость тех, кто истолковывал нашу религию, имея в виду праздность, а не доблесть. Если бы они приняли во внимание то, что религия наша допускает прославление и защиту отечества, то увидели бы, что она требует от нас, чтобы мы любили и почитали родину и готовили себя к тому, чтобы быть способными встать на ее защиту. Именно из-за такого рода воспитания и столь ложного истолкования нашей религии... в народе не заметно теперь такой же любви к свободе, какая была в то (античное – прим. авт.) время»²⁵.

Нужно отметить, что ошибка многих академических исследователей творчества Макиавелли заключается в том, что они предполагают в нем кабинетного ученого, строящего теоретические концепции. В действительности все его мысли были направлены и соизмерены с государственной практикой, в первую очередь, Флорентийской республики. Поэтому не мог

²⁴ Н. Макиавелли. Избранные сочинения. М., 1982.. С. 492.

²⁵ Там же. С. 450.



Ведута с видом кафедрального собора Санта Мария дель Фьоре и Баптистерия

он отдавать реальное предпочтение античным религиям, как не мог желать введения спартанских государственных порядков в жизнерадостной и христианской Флоренции. Макиавелли был, в первую очередь, практик и реалист, несмотря на то, что при этом он был немного и мечтателен, и утопичен. Когда он говорил о значении религии, он хотел видеть восстановление первичных библейских ценностей, которые могли укрепить в его современниках-согражданах стремление к свободе и доблести. Вероятно, с этим связано его уважительное отношение к монаху Савонароле, а также включение Моисея в ряд исторических героев, достойных подражания.

Игнорирование ясно выраженных религиозно-моральных взглядов Макиавелли привело, в итоге, к искажению и его государственно-правовых идей. Поэтому прежде чем перейти к конституционно-правовому анализу, хотелось бы подчеркнуть недоказанность многих оценок религиозно-нравственных взглядов Макиавелли. Например, А. Дживелегов пишет: «Никколо был настоящим атеистом», а затем в подтверждение «излагая» взгляды великого флорентийца, добавляет следующее: «Личная вера – бессмыслица. Но пока на эту точку зрения станет большинство, пройдет много времени. Религия, как настроение широких народных масс, будет существовать еще долго, и политик должен уметь этим настроением пользо-

ся, как пользовались им римляне»²⁶. При этом Дживелегов делает ссылку на XII главу первой книги сочинения Макиавелли «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия». Однако эта глава начинается со знаменательной фразы, которая ранее нами уже процитирована, что «пренебрежение божественным культом является наиболее очевидным признаком гибели страны». Далее Макиавелли пишет о том, что руководители государства должны сохранить свое государство «религиозным, а, следовательно, добрым и единым. Они должны так поступать, даже если сами они являются людьми неверующими»²⁷.

Другой образец неточного восприятия взглядов и личности Макиавелли можно встретить у А. Ф. Лосева в его книге «Эстетика Возрождения». Со ссылкой на биографическую статью А. К. Дживелегова, он пишет, что «уже самая личность Макиавелли обладает страшными чертами»²⁸. Но у Дживелегова никаких «страшных черт» не описано. Похоже, Лосев тоже оказался в плену клерикальных критиков Макиавелли, притом самых примитивных. Поэтому трудно согласиться с его оценкой эстетики Макиавелли. Нам было бы непозволительно дискутировать с уважаемыми авторами, писавшими в советский период, когда (Дживелегов в 1934 году) за каждое слово, неверное с позиций тогдашней идеологии, можно было поплатиться свободой или даже жизнью, если бы их вышеуказанная критика Макиавелли не проявилась в виде убежденной авторской концепции. Например, А.Ф.Лосев выразил это очень отчетливо. «Эстетика (Макиавелли) по своей прямолинейности и последовательности едва ли не единственная во всей истории эстетической мысли. Общество и история, возникающая как упорядоченное множество этих безличных, бездушных и аморально понимаемых единиц, если угодно, есть самый настоящий гуманизм, поскольку речь здесь только и идет о создании правильного человеческого общества. Но эти арифметические единицы – личности – внутренне опустошены и превращены лишь в строительный материал... Во всей этой железно проводимой системе арифметических единиц есть нечто красивое, хотя и ужасное, страшное, звериное и нечеловеческое»²⁹.

Трудно даже сказать, почему произошло такое непонимание. По нашему предположению, методами одной философии не всегда можно до конца понять работы в сфере политической науки и конституционного права, имеющие свою серьезную специфику. Гениальность Гегеля подчеркивается тем, что методами философского анализа он смог глубоко осмыслить

²⁶ Жизнь Никколо Макиавелли. СПб., 1993. С. 205, 206.

²⁷ Там же. С. 343, 344.

²⁸ А. Ф. Лосев. Указ. соч. С. 558.

²⁹ Там же. С. 563.

и проблемы конституционного права. Но он, скорее, исключение, чем правило. Идеологи государства в XX столетии очень постарались, чтобы оторвать, отделить от оценки деятельности государства в целом такой критерий его деятельности, как обеспечение максимального для условий своего времени уровня экономического и культурного благосостояния населения. К сожалению, наука конституционного права в России еще недостаточно окрепла, в первую очередь, потому, что Конституция России 1993 года, возможно, со всеми понятными оговорками, первая современная и соответствующая мировым стандартам действующая конституция за всю историю страны. Даже название «конституционное право» утвердилось только в последние годы.

У нас есть свой взгляд на различие терминов «государственное» и «конституционное» право. Название «конституционное» подчеркивает приоритет конституции и ограничений прав государства, которые конституция (это ее обязательный атрибут со времен первой известной в мире писаной конституции судьи Самуила, упоминаемой в Ветхом Завете) в себе содержит. Термин «государственное» как бы подчеркивает приоритет государства перед всем остальным. Конституционное право – это описание прав и обязанностей государства. Государственное право, по крайней мере, в буквальном грамматическом толковании, – это право государства, где забыли упомянуть о его обязанностях. Конечно, в юридической науке эти понятия признаны либо равноправными, либо государственное право рассматривается как более широкое. А все-таки в России порой, по примеру немцев, со времен царя и кайзера говорят не о «конституции», а о «государстве» и даже название книги Платона «Республика», исключаящее другой перевод, напечатали под названием «Государство». Отсюда и пренебрежение к конституции в России практически всегда до наших дней, а в Германии – до послевоенного ФРГ.

Взять для примера тему эстетики и этики государства, эстетики конституционного строя, которая является почти чуждой российской юридической науке. А ведь и эстетике, и этике свойственны многие идеальные воззрения, основанные на религии, и следовательно, вполне уместно сравнить их с утопическими конституционными идеями, имеющими похожую основу. Можно даже сказать, что древние и ренессансные утопии отчасти были именно изложением эстетического и этического подхода к основам государственного строя.

Возвращаясь к вопросу о методологии исследования работ Макиавелли, должны сказать, что возможно также, что Лосев и Дживелегов не были знакомы со следующими его мыслями: «Когда человек проявляет неблагодарность по отношению к Богу, он превращает себя из ангела в дьявола, из хозяина в раба, из человека разумного в животное... Человек,

не имеющий милосердия, не имеет ничего... Никто не может быть наполненным милосердием, если он не наполнен религией...»³⁰

Это из единственной сохранившейся рукописи Макиавелли (кроме служебных писем), который готовил текст своего публичного выступления в флорентийском Обществе Пыти (Pietà). Интересен выпад против нас со стороны известного знатока и переводчика Макиавелли, который утверждает, что мы игнорируем опубликованный перевод этого произведения с итальянского языка³¹. Здесь следовало бы отметить, что перевод этой важнейшей работы Макиавелли был нашей инициативой, чем мы гордимся не меньше, чем своим советом установить в Москве бюст Макиавелли. К сожалению, наш критик не объяснил, почему он сам не ознакомил российскую читательскую аудиторию с этим произведением Макиавелли, а также почему высказанные его любимым автором мысли о религии не должны приниматься во внимание. Мы же нашли эту работу в переводе на английский в известном издании Роберта Адамса, который ее единственную поместил в раздел своей книги под названием «Макиавелли моралист»³². Не затрагивая несколько наивную критику вопросов разделения властей, базирующуюся на незнании основ конституционной теории, вышеуказанную критику нельзя признать убедительной.

Макиавелли исследовал государство и особенности его построения и развития. При этом свой анализ на уровне существовавших городов-коммун, в первую очередь Флоренции, он вел методами науки конституционного права, которую продвинул далеко вперед. Когда зародилось конституционное право? Думаю, что основателями современного конституционного исследования нужно считать Томаса Мора и Макиавелли. Анализ же проблемы создания единого государства в Италии Макиавелли вел преимущественно методами политической науки, основателем которой он и является. От красоты его исторических образов, глубины его научного поиска перехватывает дыхание даже много сотен лет спустя. Сила его мысли, высота его идеалов, высокая гражданственность, стремление к правде еще долго будут в центре внимания юристов, политологов, историков и теологов. К нему нужно отнести слова Джордано Бруно о людях, которые, «имея прирожденный светлый и сознающий дух, по внутреннему побуждению и природному порыву... В страданиях своей мыслительной способности зажигают свет разума и с ним идут дальше обычного»³³.

³⁰ Machiavelli N. The Prince. N. Y., 1992. P. 121.

³¹ М. А. Юсим. Рец. на кн.: Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века // Средние века. М.: Наука, 2002. С. 446.

³² The Prince, Translated and edited by Robert Adams // Norton Critical Edition. N. Y., 1992. P. 119–123.

³³ Дж. Бруно. О героическом энтузиазме. М., 1953. С. 53.

И Дживелегов, и Лосев повторяют за многими другими, что Макиавелли в личном общении и в своей книге «Государь» проявил интерес к жестокому и коварному Цезарю Борджиа, сыну папы Александра VI – как к человеку, который мог бы объединить Италию. Вокруг этого строится целая система аргументации о безнравственности и «страшности» Макиавелли. Но вся эта аргументация разлетается перед простым и очевидным фактом. Если бы папский сын прочитал любое высказывание Макиавелли против папства и римской курии (каковых у него множество), то атлет Борджиа, сгибавший пальцами монеты, собственноручно и немедленно расправился бы с хиловатым флорентийцем, окажись тот поблизости. При-



*Бюст Н. Макиавелли, подарен Антонио Темилом Библиотеке иностранной литературы.
Скульптор Джанпьетро Кудин
Фото Сергей Шиян*

ведем цитату: «Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия... А если кто пожелал бы на опыте проверить истинность вышесказанного, ему следовало бы... переселить папскую курию со всей той властью, которою она располагает в Италии, на землю швейцарцев... Он увидел бы, что порочные нравы означенной курии за короткое время внесли бы больший разлад в эту страну, нежели любое другое несчастье»³⁴. Кстати, очень важно, что Макиавелли начал писать «Государя» уже после того, как завершил рукопись главы 1-й книги «Рассуждений», из которой и взята вышеуказанная цитата.

Е. И. Темнов справедливо указывает, что Макиавелли заложил «фундамент современной науки о государстве»³⁵. Но его государственно-правовые воззрения нельзя понять без осознания его генетической неразрывной связи с Флоренцией, «самой богатой, цивилизованной и про-

³⁴ Жизнь Никколо Макиавелли. С. 346.

³⁵ Е. И. Темнов. Макиавелли. М., 1979. С. 39.

священной столицы Европы»³⁶. В. И. Рутенбург пишет, что Флоренция явилась главным центром великого процесса перехода от феодализма к капитализму³⁷.

Флорентийская республика XIV–XV веков стоит на особом месте среди городов-государств Европы и сравнима, пожалуй, только с Афинами до нашей эры. Первенство Флоренции перед другими городами Европы в области искусства за все прошедшие два тысячелетия нашей эры в некоторой степени мог бы попытаться оспаривать только Париж конца XIX начала XX века или «вечный» Рим. Флорентийцы вошли в число титанов Возрождения не только в науке, живописи, скульптуре, архитектуре, литературе, но также в политике и в развитии конституционно-правовых идей.

Изучая историю доктрины разделения властей, мы не можем не отметить ее фрагментарность, а также замкнутость периодов развития в рамках той или иной исторической эпохи. Развитие доктрины происходило как бы отдельными рывками, порой без непосредственной связи одного периода с предыдущим либо последующим. Историю доктрины разделения властей нужно рассматривать не только как историю развития идеи, но и как историю практического воплощения этой идеи в жизнь. Иногда доктрина развивалась де-факто – в ходе практической государственной деятельности как в древних Афинах и Риме или Флоренции XIV–XV веков, иногда чисто умозрительно, теоретически (Локк, Монтескье). При этом конкретная каждодневная деятельность флорентийской Синьории или Сената США не менее важна в истории доктрины, чем статья или книга теоретика, специально ей посвященная. Прогресс заключается не в непрерывном линейном движении вперед, но иногда и в остановке, так же как нередко в боковом движении, а порой и в возврате назад. Для развития российского конституционализма крайне важен именно возврат к конституционным ценностям флорентийцев времен Ренессанса.

Макиавелли сумел дать один из первых и лучших образцов конституционно-правового анализа реальных фактов государственного строительства города и тем самым далеко продвинул развитие конституционного права. Размышляя же в категориях будущего времени о проблеме объединения Италии, Макиавелли применил в «Государе» новую правовую методологию, что позволило ему заложить принципы современной политической науки, которая с его же легкой руки с тех пор считает право только одним из инструментов в проведении в жизнь нужной политики. Следует также уделить особое внимание незаслуженно недооцененному вкладу

³⁶ Там же. С. 7.

³⁷ В. И. Рутенбург. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1987. С. 356.

флорентийца в развитие науки конституционного права. Особенно обидно, что мало уделяется внимания приоритету Макиавелли в формулировании основ современной теории разделения властей.

В книге «История Флоренции» Макиавелли описал, как складывался и функционировал государственный механизм Флорентийской республики. При этом отчетливо прослеживается тенденция к юридическому закреплению независимости судебных органов и обеспечению эффективности судебных решений, коллективности руководства, сосредоточению разных функций в разных государственных органах с тем, чтобы избежать чрезмерной концентрации власти в одном из них. Все это вместе взятое обеспечило маленькому городу свободу от тирании в течение нескольких столетий и длительное процветание, а для исследователей того времени создало необходимость придать самостоятельное значение примененным элементам разделения властей и особенно непрерывно уравниваемой путем частого принятия новых законов системе отчетливых сдержек и противовесов.

Как писал Ш. Монтескье, судебная власть в разделении властей является как бы невидимой. К этому следует добавить, что «невесомый баланс», придаваемый судебной властью системе сдержек и противовесов высших государственных органов, не всегда и не везде очевиден, пока он не выходит на первый план, как это было с Уотергейтским делом 1974 года или с избирательными разборками во Флориде на президентских выборах 2000 года в США.

При анализе разделения и взаимного сдерживания исполнительной и представительной властей очень важен опыт Древних Афин и Рима, а также Флорентийской республики XIV–XV веков, где такое разделение включало значительное число структурных и функциональных сдержек и противовесов. Древние греки и римляне развивали разделение властей на практике без сопутствующего теоретического обоснования, более на инстинкте и интуиции свободолюбивых людей, чем на книжной теории. Тем не менее, логическая эволюция государственно-правовых институтов республиканского Рима привела к созданию имперской власти, а затем к краху империи. Опыт Флоренции XIV–XV веков – другой. Во-первых, потому, что в рамках законченного исторического периода более чем в два столетия Флоренция сохраняла республиканскую форму правления и баланс представительной и исполнительной власти. Во-вторых, потому, что у нас есть возможность углубиться в этот опыт, так как величайший теоретик государства Макиавелли, жил, осуществляя свою практическую государственную деятельность, именно в этом городе, а затем подробно написал о своем отношении к его формам правления в монументальной «Истории Флоренции».

Макиавелли первым обосновал необходимость сдержек и противовесов для четкого хода отлаженного конституционного механизма. Из анализа его работ хорошо видно, что сдержки и противовесы отнюдь не американское изобретение, а восходят как важнейший конституционный принцип еще к античным государствам. Сдержки и противовесы, в свою очередь, являются оборотной стороной медали, на которой отчеканены слова «разделение властей». Макиавелли первым открыл для нового времени этот феномен античной государственности, которую до него пытались осмыслить и обобщить Платон, Аристотель, Полибий.

Более того, нельзя понять доктрину разделения властей без макиавеллиевского анализа естественных причин, как необходимости разделения власти, так и организации постоянно действующих сдержек и противовесов. Свобода граждан и их благосостояние – вот критерии правильности конституционного развития. Макиавелли в «Рассуждениях» пишет: «Ведь опыт показывает, что города увеличивают свои владения и умножают богатства, только будучи свободными. В самом деле, диву даешься, когда подумаешь, какого величия достигли Афины... Причину сего уразуметь несложно: великими города делает забота не о личном, а об общем благе. А общее благо принимается в расчет, бесспорно, только в республиках».

Макиавелли указывал, что, поскольку необходимо учитывать интересы всех социальных слоев, то необходимо правильно организовать не подчиненные друг другу, а взаимовлияющие исполнительную, законодательную и судебную власть. Он пишет о «трех правительственных началах» в римской республике, где консулы олицетворяли исполнительную власть, Сенат – законодательную, а трибуны – квазисудебную власть.

Конечно, использование современной терминологии в анализе, как государственной практики Древнего Рима, так и самих работ Макиавелли, носит несколько условный характер, что не меняет их сути. Автор точно подмечает, что столкновение интересов различных сословий требует непрерывного правового сдерживания и балансирования, а значит, создания такой государственной схемы, которую сам Макиавелли называет совершенной. «И уже совсем безосновательно объявлять неупорядоченной республику, давшую столько примеров доблести, ибо добрые примеры порождаются хорошим воспитанием, хорошее воспитание – хорошими законами, а хорошие законы – теми самыми смутами, которые многими необдуманно осуждаются. В самом деле, всякий, кто тщательно исследует исход римских смут, обнаружит, что из них проистекали не изгнания и насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу», – писал Макиавелли в «Рассуждениях». Точность подхода Макиавелли подчеркивает то значение, которое он придает правильной организации правосудия в конституционной схеме разделения

властей. Отсутствие независимого правосудия приводит к неправильным методам решения конфликтов, к расправам без суда, разрушению законности. Седьмая и восьмая главы «Рассуждений» особенно важны для понимания подхода Макиавелли к надлежащей организации независимого правосудия. Он критикует организацию судебной власти во Флоренции конца XV – начала XVI веков за то, что в ее рамках невозможно предъявить обвинение высшим должностным лицам.

Когда в 1520 году Макиавелли пережил отставку и тюрьму и именовался Синьорией просто «гражданин нашего города», он был послан в Лукку для изучения ситуации с делом о банкротстве купца, проигравшего все свое состояние и оставшегося должным многим флорентийским кредиторам. Во время своего пребывания там, он изучал конституционное устройство Республики Лукка и отметил как главное достоинство, что права на изъятие собственности или лишение жизни граждан изъяты из компетенции гонфалоньера и Синьории, что позволило избежать чрезмерной концентрации власти в руках одного органа³⁸.

Принципиальность флорентийца подчеркивается интересным фактом. После смерти в 1519 году молодого герцога Лоренцо Медичи (внука Лоренцо Великолепного) папа Лев X (сын Лоренцо Великолепного) и кардинал Джулио Медичи (сын Джулиано – брата Лоренцо Великолепного и будущий папа Клемент VII) были всерьез обеспокоены судьбой семьи Медичи во Флоренции и поэтому кардинал предложил Макиавелли написать свои предложения о путях реформирования конституционного строя. При этом папа и кардинал, оба внуки Козимо Медичи, были готовы рассматривать и возврат к государственной практике времен своего деда. Однако в адресованной им записке «Рассуждения о флорентийских делах после смерти Лоренцо» Макиавелли с необыкновенным мужеством и прямоотой пишет, что возврат к времени Козимо невозможен, так как, во-первых, тогда флорентийцы любили семью Медичи, а теперь ее ненавидят, во-вторых, граждане тогда проявляли понимание и не протестовали против выплаты налогов, а теперь для их получения нужна сила. Медичи во времена Козимо, лукаво добавляет Макиавелли, позволяли гражданам общаться с ними на равных, почти «фамильярно», что уже не сможет допустить аристократизм нынешних Медичи.

Однако далее Макиавелли пишет, что не следует устанавливать и монархическое правление, так как это противоречит флорентийским конституционным традициям и будет «трудно, негуманно и невыгодно». Поэтому он предлагает Медичи восстановить республиканскую форму правления с предоставлением главных полномочий не народным собраниям, а Большому совету, где будут адекватно представлены высший, средний и

³⁸ Viroli M. Op. cit. Pp. 193–194.

низшие классы³⁹. Кардинал игнорировал его призывы и взамен роли реформатора флорентийской конституции предложил Макиавелли написать «Историю Флоренции».

Опираясь на Макиавелли, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что когда мы говорим о разделении властей в государственном механизме Флоренции, то имеем в виду не те завершенные доктринальные требования, позднее сформулированные и воплощенные Монтеスキе и авторами конституции США, а хорошо развитые для того времени элементы разделения властей. Поэтому флорентийская модель разделения властей заслуживает специального анализа, как через призму взгляда самого Макиавелли, так и в связи с большим количеством фактического исторического материала. Следует еще раз решительно поставить вопрос об устарелости оценки Н. Макиавелли как теоретика единой государственной власти монархического толка, которая в России объясняется отсутствием или запоздалостью переводов основных произведений этого мыслителя на русский язык, а также неким шаблоном, заимствованным из прошлого. На самом деле, Макиавелли намного сложнее любого однозначного толкования. В «Рассуждениях» о книгах Тита Ливия он безусловно приветствует республиканскую форму правления, осуждает тиранию исполнительной власти и призывает к ее сдерживанию.

Однако в книге «Государь» он для Италии своего века, разделенной и униженной иностранными завоевателями, видит, ввиду отсутствия других возможностей, в качестве избавителя хладнокровного и жесткого полновластного диктатора. Сам Макиавелли, конечно, предпочел бы в качестве избавителя Италии видеть деятеля типа античных героев прошлого, но к XV веку уже, похоже, их время прошло.. Спор о толковании противоречий не столько у самого Макиавелли, сколько у его комментаторов, весьма показателен. Этот мыслитель-государствовед был настолько богат идеями, что из его наследия их черпали и черпают разные школы и концепции. Труды Макиавелли стали убежищем для разного рода последователей, отрицающих, тем не менее, всякое родство друг с другом. В то же время, подход к Макиавелли как к теоретику «единой и неделимой» государственной власти требует опровержения, именно из-за его распространенности. Поэтому совместный анализ практики государственных органов Флоренции и их описания и оценки, данные самим Макиавелли в его последнем по времени труде «История Флоренции», станет для нас, кроме всего остального, и основой для спора с вышеуказанными устарелыми и односторонними взглядами на его творчество.

³⁹ Idem. P. 200, 201.

Прежде чем проанализировать описанную Макиавелли государственную практику Флоренции с точки зрения разделения властей и сдержек и противовесов, мы должны остановиться на одной из важнейших граней доктрины разделения властей в любом, но особенно флорентийском варианте. Это связь между всеобщей идеей свободы и доктриной разделения властей как конституционного выражения и одновременно гарантии принципа свободы. Гегель пишет, что «необходимое различие» государственно-правовых функций, которые получают также и различные органы государства, формирует разделение властей, которое «есть некий абсолютный момент глубины и действительности свободы. Ибо эта последняя только обладает глубиной, поскольку развивается в свои различия и достигает их осуществления»⁴⁰.

Разделение властей, а также сдержки и противовесы создают такой конституционно-правовой механизм, который перемалывает на мелкие части чрезмерно амбициозные поползновения к власти, а значит, обеспечивает свободу граждан. Эта свобода, в свою очередь, обеспечивает условия, для того чтобы труд и творчество граждан создавали их собственное и государственное благополучие. Поэтому трудно понять пафос К. Долгова, когда в своей вступительной статье к избранным сочинениям Макиавелли он пишет: «Достоинством удивления представляется то, что Макиавелли, констатируя наличие этих раздоров и противоречий, видит в них источник развития, роста и могущества Флорентийской республики, источник роста и развития вообще». Флорентийское функционально-структурное разделение исполнительных, законодательных и отчасти судебных полномочий и система сдержек и противовесов обеспечили ситуацию, когда непрерывные групповые и сословные столкновения не разрушали, а развивали государство. Как отметил М. Блок, «могло ли право, которое отныне было частично зафиксировано законодательным путем и все в целом преподавалось и записывалось, не утратить вместе с разнообразием и свою гибкость? Разумеется, ничто не мешало ему эволюционировать, что и произошло в действительности. Итак, периоду скрытого глубинного вызревания приходит на смену со второй половины XII века эпоха, когда общество стремится организовать человеческие отношения более строго, установить более четкие границы между классами, устранить многие из местных особенностей и, наконец, допускать только постепенные преобразования»⁴¹. Поддерживая это тонкое наблюдение французского историка, хотелось бы заметить, что главная задача конституционного принципа разделения властей – это

⁴⁰ Г. Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. С. 357.

⁴¹ К. Долгов. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 66.

как раз обеспечение постепенности преобразований и эволюционного пути развития государства и права.

Флоренцию отличает от других городов-государств Италии того времени, в том числе от могущественной Венеции, более четкое разделение судебных, исполнительных и законодательных полномочий. Томас Джефферсон писал о другом примере итальянской государственности: «Все правительственные власти – законодательная, исполнительная и судебная – входят в состав законодательного органа. Концентрация этих властей в одних руках как раз и определяет деспотическое правительство. Не легче, если эти власти находятся в руках нескольких лиц, а не кого-то одного. 173 деспота, несомненно, будут угнетать народ так же, как и один. Пусть те, кто в этом сомневается, посмотрят на Венецианскую республику»⁴².

Макиавелли отмечал особое положение Флоренции и отличие от других городов-государств. В первой половине XIII столетия флорентийцы, по Макиавелли, «решили, что наступило подходящее время для того, чтобы учредить такой образ правления, который позволил бы им жить свободно». Для этого они разделили город на шесть частей и избрали по два человека от каждого региона в Совет старейшин для управления городом. Четыре члена Совета старейшин подлежали ежегодной смене. «Дабы уничтожить всякий повод для вражды, возникающей по поводу судебных решений, назначались, не из числа граждан города, двое судей, из которых один назывался капитан, а другой подеста; им были подсудны все гражданские и уголовные дела, возникавшие между гражданами». Не только судебная власть отделялась от остальных, но для ее осуществления приглашались не «иностранцы», как об этом сказано у Гегеля, а итальянцы из других городов, в частности из Болоньи, которая была тогда крупнейшим центром юридического образования в Европе. Конечно, в небольшом городке с несколькими десятками тысяч населения, где все друг друга знают, очень трудно было избежать постороннего влияния на судебное решение. Стремление «разделить» судебную власть от остальных, а позднее придание судьям вооруженных отрядов, своего рода «судебных исполнителей», обеспечивающих исполнение приговоров перед лицом сплошь вооруженного населения, – все это было особенностью флорентийской модели управления. Приглашение в город «варягов» для создания непредвзятого и независимого суда заметно отличается от приглашения чужеземных правителей в некоторых других странах и демонстрирует точность конституционной интуиции флорентийцев.

Число управителей города увеличили до 36, потом уменьшили до 12, переизбираемых каждые 2 месяца, а кроме них избирался Совет из 80

⁴² Американские просветители. Т. 2. М., 1969. С. 52.

человек и еще один Совет из 180 человек. Каждый решал различные вопросы, а вместе они формировали Общий совет. Кроме этого, был создан Совет в составе 120 горожан, который назначал должностных лиц и принимал окончательные решения по всем делам, рассматриваемым другими советами. Такая несколько запутанная система сдержек и противовесов, позволила Макиавелли написать, что «благодаря своему новому образу правления, Флоренция блистательно поддерживала свою славу, ибо во всех делах государства царила законность». Ремесленников и других профессионалов, включая юристов, разделили на цехи, а в Совет правителей, вскоре названный Синьорией, избирали только людей, занимавшихся торговлей или ремеслом. Для Синьории был построен отдельный дворец, называемый Палаццо Веккьо, который до настоящего времени своей красотой, и особенно художественным оформлением главного зала заседаний, превосходит большинство королевских дворцов и парламентов мира.

В городе были дворяне, которые порой не подчинялись решениям судов или должностных лиц благодаря своим вооруженным слугам. Тогда Синьория назначила особого гонфалоньера правосудия, которому придали тысячу вооруженных людей. Однако дворяне, как правило, находили поддержку кого-либо из членов Синьории, что мешало гонфалоньеру обеспечивать эффективность правосудия, в результате чего «правосудие действовало медленно, а приговоры не приводились в исполнение». Тогда гонфалоньеру придали четыре тысячи вооруженных человек, и он стал заседать вместе с членами Синьории. Со временем гонфалоньер из «судебного исполнителя» стал руководителем Синьории и всей исполнительной власти города. Постепенно эффективность правосудия увеличилась, и ко времени конца XIII столетия Макиавелли писал, что «никогда город наш не был в лучшем состоянии, чем в те времена». Когда некий Корсо был осужден судьей за «намерение установить тиранию», на исполнение приговора двинулись вооруженные отряды под руководством членов Синьории. Осужденный забаррикадировался в своем доме и с вооруженными сторонниками защищался в нем, пока не был убит. Таков один из образцов «торжества правосудия» того времени.

Многие при стычках брались за кинжалы, но семейство Макиавелли, вероятно, отличалось мирным нравом, и когда шайка хулиганов в конце XIV века (за 70 лет до рождения Никколо) терроризировала их дом настолько, что женщины боялись выглянуть из окна, они подали жалобу в суд, не пытаясь самолично разогнать нахалов. Кстати, возглавлял шайку слуга семейства Гвиччардини, потомок которого стал другом и соперником Макиавелли⁴³.

⁴³ Brucker G. Renaissance Florence. Berkeley, 1983. P. 117.





Состав Синьории обновлялся каждые два месяца, а новые члены ее намечались на следующие 40 месяцев путем записок с фамилиями кандидатов, которые помещали в специальную сумку, а извлекались оттуда каждые 2 месяца, как в лотерее. Каждый гражданин Флоренции, имеющий профессиональный статус в одном из 12 цехов, мог быть избран членом Синьории. Дворяне же были лишены этого права, их кандидатуры даже не рассматривались. В итоге, флорентийские дворяне стали отрекаться от своих титулов и переходить в городское сословие. Перемены в структуре правления происходили довольно часто, особенно в названиях и функциях различных советов, а также их численности. При этом высшим органом оставалось периодически созываемое всеобщее городское народное собрание.

Было в истории города несколько эпизодов, когда в разгар партийной и сословной вражды призывался на время внешний правитель. Это происходило по договору и на определенный срок. Когда в середине XIII века таким правителем стал Готье, герцог Афинский, он пожелал распустить Синьорию и получить неограниченную власть. Макиавелли не столько цитирует, сколько домысливает от себя речь представителя Синьории, адресованную коварному герцогу: «Вы хотите обратить в рабство город, который всегда жил свободно... Подумали ли Вы о том, что означает для такого города слово «свобода»? Слово, которого сила не одолеет, время не сотрет, никакой дар не уравновесит»⁴⁴. Так говорили, как писал Макиавелли, «флорентийцы, не умеющие ни сохранять свободу, ни переносить рабство». Народное восстание изгнало герцога из города, а для исполнения судебных функций избрали Совет из шести человек.

Макиавелли, как видно из приведенной цитаты, совсем не идеализировавший своих сограждан, пишет по поводу частых внутригородских раздоров: «На мой взгляд, ничто не свидетельствует о величии нашего города так явно, как раздиравшие его распри, ведь их было достаточно, чтобы привести к гибели самое великое и могущественное государство. А между тем наша Флоренция от них словно только росла и росла...»⁴⁵. Многократно волнения были связаны с тем, что судебная власть не могла вершить правосудие. Так, руководители влиятельных политических групп противопоставляли себя, в частности, членам Комиссии Восьми, которая с определенного времени получила право решения уголовных дел, и даже нападали на них. Макиавелли описывает эпизод, когда гонфалоньер правосудия, одновременно получавший на время право внесения на обсуждение законопроектов, которое передавалось от одного члена Синьории к другому,

⁴⁴ Н. Макиавелли. История Флоренции. П., 1987. С. 90.

⁴⁵ Там же. С. 8.

пытался провести закон об ограничении влияния политических групп через Коллегию – законодательный орган того периода. При этом гонфалоньер, характеризуя свои функции, сказал, что их не нужно смешивать с функциями обычных судов, которые только и должны судить дела частных лиц⁴⁶. В другой раз, когда суд вынес приговор, а вооруженная группа, недовольная этим, разгромила дворец судьи и освободила осужденного, Синьория, несмотря на популярность вождя этой группы в народных низах и опасность волнений, приняла все меры к наказанию виновного и возвращению судьи к исполнению обязанностей.

Вот эта постоянная тенденция к поддержанию правопорядка и возможности суда по отправлению правосудия, независимо от идущей политической борьбы, является важной особенностью флорентийской государственности. Не случайно Гегель писал о городах-государствах, где «впервые начал устанавливаться правовой порядок»⁴⁷. Еще важно отметить, что, в отличие от других итальянских граждан, флорентийцы признавали необходимость и обязанность платить налоги пропорционально доходу⁴⁸. Поклонник античной, особенно римской государственности, Макиавелли проводит сравнительный анализ Рима и Флоренции. Отдавая почти по каждой позиции предпочтение Древнему Риму, автор в итоге делает парадоксальный, может быть, даже для него самого вывод: в итоге Рим смог существовать только под властью императора, а вот Флоренция смогла надолго сохранить свою свободу. Республиканский Рим в зените своей государственности продержался не более 2 столетий, Древние Афины – около 100 лет, а вот Флоренция при всех перипетиях внешних войн и внутренних распрейостояла свободным городом-государством около 250 лет, пока потомки первых Медичи не стали ее государями. О том, что конкретно дала самой Флоренции (и всей мировой цивилизации) эта государственная свобода, мы уже говорили. Гегель пишет, ориентируясь, в первую очередь, на флорентийский опыт: «Когда мы рассматриваем это беспокойство и изменчивость во внутренней жизни городов и непрерывную борьбу партий, то удивляемся, что, с другой стороны, наблюдалось цветущее состояние промышленности, сухопутной и морской торговли. Это процветание было вызвано тем же самым принципом жизненности, который поддерживался именно этим внутренним возбуждением»⁴⁹. Экономическое процветание Флоренции обеспечивалось ее раздробленной структурой государственных органов, доступностью государственных должностей для профессионалов торговли,

⁴⁶ Там же. С. 114.

⁴⁷ Г. Гегель. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 400.

⁴⁸ Brucker G. *Op. cit.* P. 144.

⁴⁹ Там же. С. 399.

банковского дела, любого значительного ремесла, а также вооруженной защитой авторитета суда. «В те годы накопила Флоренция свои несметные художественные богатства, которые остаются нерастраченными, удивляя и радуя путешественников. Не было ремесла в тогдашней Флоренции, которое не поднялось бы на степень искусства»⁵⁰.

Флоренция в XV веке праздновала 40 праздников – нерабочих дней (кроме воскресений, когда никто не работал), во время которых все граждане участвовали в шествиях и карнавалах⁵¹.

«История Флоренции» является главным произведением Макиавелли в качестве теоретика и историка государственного права Флорентийской республики. Л. М. Баткин справедливо отмечал необходимость учета взаимосвязи практического опыта и теоретических взглядов Макиавелли. Ведь он в течение 14 лет занимал заметную государственную должность во Флоренции, а писать книги стал только после этого. Сам он в одном из писем сказал, что может привести в качестве примера «дела греков, латинян, евреев, халдеев и добраться до Персии и Аравии, засыпав вас цитатами, если бы не довольно было примеров домашних и свежих».

Американские ученые Питер Бонданелла и Марк Муза правильно отметили тесную связь между анализом Макиавелли проблемы создания государственных институтов, регулирующих социальные конфликты, и его изучением истории Флоренции⁵².

Вот почему нужно точно отличать его теоретические рассуждения об идеальном республиканском устройстве с предпочтением древнегреческой Спарты от практического анализа государственной практики своей родной Флоренции, с использованием автором собственного опыта и знания. Поэтому должно быть отдано предпочтение высокой оценке флорентийской государственности в «Истории Флоренции» перед иными ворчливыми суждениями, встречающимися в других работах. Макиавелли гордился Флоренцией и всю свою жизнь посвятил укреплению и развитию ее государственности.

Западный исследователь Николай Рубинштейн в работе «Макиавелли и мир флорентийской политики» правильно указывает, что Макиавелли критически осмысливал государственный строй Флоренции и искал пути решения конституционных проблем республики в рамках «аристотелевской концепции смешанной конституции», проще говоря, в рамках пришедшей из древности доктрины разделения властей⁵³.

⁵⁰ П. П. Муратов. Указ. соч. С. 183.

⁵¹ Brucker G. Op. cit. P. 44.

⁵² The Portable Machiavelli. Tennessee, 1988. P. 30.

⁵³ Op. cit. P. 30.

Возможно, он был самым флорентийским флорентийцем всех времен. Герцен писал, что все последующие после Ренессанса века выросли на «озлобленной мудрости Макиавелли и грозной поэзии Данте». Мне кажется, что озлобленность Никколо была направлена на некоторых его современников и поэтому осталась в XVI столетии. Мы же имеем дело с грозной мудростью Макиавелли, описавшего в «Государе» конституционный Апокалипсис и давшего в своих других работах путь конституционного развития через утверждение свободы и нравственности, которые в сочетании можно выразить одним словом: гражданственность.

Неумение политиков России учиться на ошибках прошлого, правильно оценивать настоящее и находить своевременный выход из текущих или надвигающихся кризисных ситуаций стоило стране много крови и потерянного времени, а на сегодняшний день поставило вопрос о возможности сохранения ею статуса великой державы, хотя бы на уровне Китая и Италии, где искусство политики (в каждой стране по-своему) изучается тысячелетиями и считается одним из основных интеллектуальных запасов нации. Нежелание рассматривать политику как науку, нежелание (определяемое незнанием) изучения классических примеров политической мудрости может дорого обойтись нашей стране. Конечно, у нас нет традиций современного цивилизованного политического искусства. Речь Тони Блэра в английской палате общин в связи с началом террористической войны против человечества в сентябре 2001 года сразу назвали «черчиллевской» в память знаменитых исторических речей Уинстона Черчилля. Разумеется, трудно нашим нынешним руководителям произнести любую речь, аналог которой считались бы классическими в российской истории. Вспомните хотя бы сбивчивые сталинские «Братья и сестры», сказанные почти через месяц после нападения немцев на СССР.

Исторический шанс России избежать погружения в болото истории заключается в осознании необходимости срочного развития отсутствующей в стране политической науки, основанной на серьезном знании конституционного права и конституционной экономики. Развитие политической науки поможет сформировать профессиональный слой политических экспертов и политиков, установить необходимые критерии политического поведения правящей элиты. Тогда инфантильные бестолковые и беспомощные объяснения по поводу причин августовского кризиса 1998 года или еще чего-то в этом роде станут невозможны. Тогда политика в России станет серьезным занятием, каковым она и является в цивилизованных странах мира. Развитие отечественной политической науки и распространение ее достижений на реальные политические процессы поможет преодолеть традиционный российский политический инфантилизм, сделает нашу демократию серьезной. До этого в России серьезной была только тирания.

Точно так же, как за последние 500 лет ни один скульптор не сумел не только превзойти, но и достичь уровня Микеланджело, так и произведения Макиавелли, посвященные сути государства и политики, остаются пока непревзойденными.

Немногие знают, что знаменитая книга «Государь» была фактически составной частью «Рассуждений», и поэтому ее смысл и контекст могут быть поняты только в связи с содержанием «Рассуждений». Анализ древних городов-республик позволил Макиавелли в «Рассуждениях» развить как основы политической науки, так и современной концепции разделения властей и сдержек и противовесов между органами государственной власти. Первым в России на это обратил внимание видный конституционалист Валерий Зорькин: «Не потому ли современная политическая мысль вновь и вновь обращается к теории Макиавелли, пытаясь через ее интерпретацию более прочно усвоить уроки прошлого, решить загадки настоящего и попытаться заглянуть в политические перипетии будущего?»⁵⁴ Следует заметить, что во Флоренции конституционный и политический институт Синьории приобрел совершенно иное значение, чем в других итальянских городах-государствах. Там оно означало господство «синьора» и его семьи. Во Флоренции же Синьория всегда означала форму коллективного демократического правления, когда членом Синьории на срок сначала два, позднее шесть месяцев мог стать любой член гильдии старше тридцати лет. В чрезвычайных ситуациях на площадь Синьории созывалось все взрослое (мужчины старше (!) четырнадцати лет) население для избрания балии, наделенной чрезвычайными полномочиями, в первую очередь, в случае военных действий.

Совмещение современного понятия государства с древними и ренессансными городами-республиками только на первый взгляд лишено политического и конституционного содержания и значения для нашего XXI века. На первый взгляд, масштабы многомиллионных современных государств исключают принципы представительства и волеизъявления, возможные в условиях многотысячных народных собраний Древних Афин или Рима, или хотя бы Флоренции века. В то же время появившаяся в конце XX века теория конституционных революций, предусматривающих принципы конституционного договора, заключаемого со всеми гражданами, с последующими принципиальными конституционными изменениями только на основе всеобщего консенсуса, отнюдь не выглядит бессмыслицей по ряду соображений. Во-первых, автор этой теории, профессор Вирджинского университета Джеймс Бьюкенен удостоен, в том числе за эту теорию, Нобелев-

⁵⁴ В. Д. Зорькин. Никколо Макиавелли // Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. М.: Рудомино, 2001. С. 76.



*Гробница Никколо Макиавелли
Собор Санта-Кроче*

ской премии в 1986 году. Во-вторых, обратим внимание на те моменты, которые подтверждают схожесть новых явлений современности с практикой голосования малых городов-коммун прошлого. Последние выборы в США решались пересчетом голосов в небольших избирательных округах Флориды, где разница шла на сотни и десятки голосов, практически как в Древних Афинах и Риме.

Растущие технологические возможности Интернета в ближайшие десятилетия сделают возможным одновременное голосование всех граждан любой по масштабу страны по вопросу любой государственной важности с моментальным и точным подсчетом голосов. Так что непосредственное народное волеизъявление населения большого государства из научной фантастики XX века вскоре может превратиться в реальность XXI

века. Коммуникационные возможности Интернета могут вернуть в жизнь многие элементы первоначальных полисных демократий. Они также увеличат возможность граждан объединяться между собой и непосредственно общаться с властями. Возможны и негативные для демократии и гражданского общества моменты⁵⁵. Так что самое время изучать с помощью «Рассуждений» Макиавелли политическую практику непосредственных демократий древности и времен Возрождения. Как справедливо написал Харви Мансфельд в своей книге «Достоинства Макиавелли», мудрость Макиавелли можно обнаружить во всем, что окружает нас сегодня⁵⁶. Новая жизнь в новых переводах важнейших произведений великого флорентийца совпадает со временем, когда его мудрость должна быть особенно востребована в России.

Обожавший родную Флоренцию Макиавелли не получил классического образования, не знал греческого и был знаком с Платоном больше понаслышке. Поэтому так случилось, что все наиболее возвышенное и романтически-философское из того, что было в конституционной практике осуществленной флорентийской государственной утопии 1434–1492 годов он оставил Томасу Морю, который, ни дня не проведя во Флоренции, сумел в своей книге «Утопия» сберечь для человечества этот олимпийский огонь стремления к совершенству и красоте – идеального (с позиций того времени) конституционного строя, нацеленного на обеспечение расцвета искусств и счастья граждан. «Утопия» Томаса Мора – это символ платонического, во всех смыслах этого слова, конституционного идеала, без которого развитие государственности никогда не добралось бы, например, до Конституции США 1787 года. У этой книги тот же источник, что и у практических идей правителей Флоренции XV века, хотя прямого сходства, конечно, нет.

В свою очередь, Никколо Макиавелли, из-за неудачного завершения правления философов Медичи в конце XV века, упустил эту важную утопическую составляющую конституционного развития почти современной ему республики. Сделал он это вполне сознательно, так как явно не был готов идти за свои убеждения на костер. Интуитивно Макиавелли понимал опасность и еще в 1513 году написал, что так как «расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру».

Тема соотношения идей Томаса Мора и Никколо Макиавелли является одной из интереснейших, хотя порой и доводится до абсурда. Так, ис-

⁵⁵ Harvey M. Machiavelli's Virtue. University of Chicago Press, Chicago, 1998. P. 8.

⁵⁶ Harvey M. Machiavelli's Virtue. University of Chicago Press, Chicago, 1998. P. 234.

следователь Г. Элтон, простояв полчаса перед портретом Мора в музее Фрика в Нью-Йорке, вдруг увидел на его лице «макиавеллиевскую улыбку»⁵⁷.

«История Флоренции» является главным произведением Макиавелли в качестве теоретика и историка государственного права Флорентийской республики – он пишет о том, что знает доподлинно, а не из написанных древними авторами книг. Л. М. Баткин правильно отмечал необходимость учета взаимосвязи практического опыта и теоретических взглядов Макиавелли. Ведь он в течение 14 лет занимал заметную государственную должность во Флоренции, а писать книги стал только после этого. Сам он в одном из писем сказал, что может привести в качестве примера «дела греков, латинян, евреев, халдеев и добраться до Персии и Аравии, засыпав вас цитатами, если бы не довольно было примеров домашних и свежих» (цитируется по статье⁵⁸). Позволим себе привести цитату (взятой из статьи Л.М.Баткина) из одного из поздних и, как всегда, ироничных писем Макиавелли, адресованного Ф.Гвичардини: «Когда прибыл ваш гонец, я сидел в отхожем месте и как раз раздумывал над причудами этого мира и весь погрузился в то, что воображал некоего проповедника для Флоренции, чтоб он был на мой лад, потому что я хочу и в этом быть своим равным, как и в прочих своих мнениях. И поскольку я всегда старался не упустить случая, чтоб услужить этой республике, где только мог, если не делом, так словом, если не словом, так знаком...»⁵⁹. Ранее он с горечью писал: «Тут, во Флоренции, на того правоведа, который не состоит на правительственной службе, и собака не тявкнет».

Все дела, слова и знаки Макиавелли показывают его высокую оценку флорентийского государства, которому он всегда и при всех режимах был готов служить. Он даже умер в 56 лет, скорее от горя, как как ему за несколько недель до этого окончательно отказали занять должность в государственном аппарате Флоренции.

⁵⁷ Elton G. R. The real Thomas More // More Th. Utopia. A. Norton Critical Edition. N. Y., 1992. P. 197.

⁵⁸ Л.М. Баткин. Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания, М., 2000. С. 211.

⁵⁹ Там же. С. 233.



РЕНЕССАНСНЫЙ УТОПИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ НИКОЛАЯ РЕРИХА

Философия всегда шла против течения.

Владимир Биbihин

В строгом соблюдении народами мира этого Пакта мы видим возможность широкого осуществления одного из жизненных принципов – сохранение современной цивилизации. Этот договор заключает в себе духовное значение гораздо более глубокое, нежели выражено в самом тексте.

**Президент США Франклин Рузвельт
при подписании Пакта Рериха 15.04.1935**

...Памятники древности во всем их очаровании будут лучшими устоями государства. Ради красоты их усилятся движение на путях, ради них министр финансов найдет особо убедительные определения в своих заключениях. Ведь, без преувеличения, сокровища Культуры являются оплотом народа. Все строительство, все просвещение, все духовное вдохновение, вся радость и спасение нарождаются на основах Культурных ценностей. Сперва опознаем и сбережем Культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными.

Николай Рерих

В 1860 году в Базеле швейцарским мыслителем Якобом Буркхардтом впервые была высказана в форме названия главы книги великая концепция-гипотеза: государство как произведение искусства, как концепция, стихийно рожденная самим итальянским Ренессансом.

Мы можем сформулировать интерпретацию Буркхардта рассмотренной им в первой главе ренессансной концепции, используя его же слова, следующим образом: «Государство как произведение искусства – это государство, определяемое культурой».

Величайшим собственным, а не скопированным с западных образцов достижением российской правовой мысли, возможно, за всю ее историю, является концепция взаимосвязи государства и культуры, которую мы назвали «концепцией эстетической государственности» Николая Рериха. Она не только важна для построения в XXI веке в России правового государства, к чему обязывает статья 1 Конституции РФ, но и требует осмысления ее корней и истоков, из которых важнейшими являются идеи швейцарского мыслителя XIX века Якоба Буркхардта, который умер в Базеле в 1897 году, когда Рерих закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (а заодно и Академию художеств).

Война сменяет мирные годы, строительство сменяется разрушением – эти ветхозаветные мудрости никогда не были опровергнуты известной нам историей человечества. В области культуры эти войны и разрушения стирают историческую культурную память так, что лучшее не сохраняется, а над немногими уцелевшими произведениями по прошествии многого времени специалисты веками ломают голову, пытаясь восстановить, объяснить их смысл или расшифровать содержание. Здесь тоже подтверждается книга Экклезиаста, что «нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». Эту, по словам одного немецкого философа, «дурную бесконечность» пытались прервать многие философские и религиозные учения, пока что без особого успеха.

Нет ничего необычного в том, что русский мыслитель Николай Рерих предпринял и свою попытку. Он, начиная с первых лет XX века, стал разрабатывать в многочисленных статьях эстетическую концепцию государственности, основанную на примате вопросов развития и защиты культуры и искусства перед всеми остальными направлениями государственной деятельности. По его мнению, такие приоритеты должны быть обязательно учтены в распределении государственного финансирования, что через сто лет совпало с подходами нового научного направления «конституционная экономика». При этом он полагал, что развитие культуры и искусства само по себе приведет к оздоровлению жизни государства и общества, снизит уровень политического, религиозного и межнационального противостояния (часто одностороннего), а как следствие



Подписание Пакта Рериха в Белом Доме (Вашингтон). 15 апреля 1935 г.

снизит уровень насилия как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях.

Когда же после войн и революций первого двадцатилетия XX века он убедился, что уровень развития человечества пока не позволяет надеяться на существенное снижение уровня насилия, Рерих выдвинул идею Пакта Мира (впоследствии названного Пактом Рериха), устанавливающего принцип приоритета защиты культурных ценностей перед целями военной необходимости. Кроме того, проект Пакта предусматривал принятие каждым государством внутреннего законодательства, направленного на защиту культурных ценностей и в мирное время. Сам Рерих неоднократно писал, что Пакт является только начальным этапом процессов изменения государственных и общественных приоритетов, которые снизят, а впоследствии и почти полностью устранят опасность войн. Тогда человечество и сможет достигнуть того истинного Возрождения Мысли и Духа, о котором мечтало многие тысячелетия.

При всей глубине и важности идей Рериха, они сейчас стояли бы на книжных полках рядом с трудами других замечательных мыслителей, если бы он не добился принятия своего Пакта в 1935 году 21 государством (примерно 25 процентов независимых государств того времени), что впоследствии оказало решающее влияние на принятие в 1954 году Конвенции ООН, одобренной на сегодня 123 странами (свыше 60 процентов неза-

висимых стран). Правда, Конвенция ООН, сохранив мысль Пакта Рериха о создании международной защиты культурных ценностей, не восприняла его основную идею о приоритете культуры и оставила главной доминантой «военную необходимость», у которой к тому же нет никакого точного юридического определения. 75-летие Пакта Рериха, которое отсчитывается с момента его подписания 21 американским государством 15 апреля 1935 года в кабинете президента США Франклина Рузвельта, дает возможность для спокойного разговора сразу о нескольких серьезных темах нашего времени.

Во-первых, конечно, следует отметить это высокое достижение нашего замечательного земляка, многие десятилетия замалчиваемое советской пропагандой, поскольку Пакт Рериха был направлен на создание юридических и фактических гарантий сохранения наиболее ценных произведений искусства и архитектуры перед лицом надвигавшейся Второй мировой войны.

Во-вторых, важнейшие идеи Пакта Рериха оказались за пределами заключенной в 1954 году Конвенции ООН «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». Это признается в тексте самой Конвенции ООН, где сказано: «В отношениях между Державами, которые связаны Вашингтонским Пактом от 15 апреля 1935 года о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников (Пакт Рериха) и которые являются Сторонами в настоящей Конвенции, эта последняя дополнит Пакт Рериха и заменит отличительный флаг, описанный в статье 3 Пакта, знаком, описанным в статье 16 настоящей Конвенции». С точки зрения содержания в Конвенции говорится о «дополнении», что подтверждает более широкое применение Пакта Рериха. Что же касается замены Знамени Мира – флага, предложенного Рерихом, с его глубинной исторической и символической трактовкой – новым сине-белым знаком ООН, то отметим явное отсутствие необходимости подобной замены.

75 лет – достаточный срок для того, чтобы вернуться к рериховским идеям и предложить основанные на них поправки к Конвенции ООН, что мы и попытались сделать в последней части этой небольшой книги, чтобы стимулировать дискуссию на эту тему.

В-третьих, нам кажется не понятой и не использованной в современных исследованиях по философии права, посвященных вопросам определения содержания доктрины правового государства, достаточно ясно выраженной Николаем Рерихом эстетической концепции правового государства, соответствующей претворению в жизнь норм Конституции России, например об «ответственности перед будущими поколениями, обеспечении благополучия и процветания, почитании памяти предков, переда-

че веры в добро и справедливость». Кроме того, статья 1 Конституции провозглашает Россию правовым государством, что является не случайным сочетанием слов, а признанием приверженности к существующей много веков доктрине правового государства.

Нам представляется, что для выяснения содержания этой доктрины применительно к нашей стране в начале XXI века концепция Рериха, взаимодополняющая идеи, на которых базируется Пакт Рериха, является весьма важной. Более того, мы считаем Пакт первым этапом в реализации рериховской идеи эстетической государственности, основанной на сохранении, Возрождении (именно с большой буквы) и развитии Культуры как первостепенной (то есть более важной, чем все остальные) задачи и обязанности государства.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в основу наших представлений о содержании вышеупомянутой концепции мы положили идеи Рериха, высказанные в статьях, посвященных разработке и принятию Пакта, а также из его публикаций, непосредственно затрагивающих различные аспекты конкретной государственности того времени. За рамками нашего анализа остались те его работы, где данные проблемы могли быть рассмотрены на более широкой философской и религиозной основе, что, безусловно, обогащает содержание наших разработок, но зато делает их более конкретными и приближенными к основной теме книги – Пакту Рериха. По этой же причине мы не затрагиваем конкретную политическую деятельность Рериха, связанную с разработкой идеи создания новых государственных образований в Азии.

В своей отличной статье «Пакт Рериха – основа международной правовой защиты ценностей культуры и ее будущее» в журнале «Культура и Время» (№4, 2005) болгарский юрист Марга Куцарова дала серьезный анализ различий Пакта Рериха с существующими международными договорами, показала явную недостаточность последних по сравнению с Пактом и обратилась к России с призывом, который мы не могли не вынести в качестве эпиграфа к нашей статье рядом с высказываниями двух великих людей, обеспечивших принятие этого Пакта 15 апреля 1935 года. Президент США Франклин Рузвельт писал примерно за год до подписания Пакта в своей недавно опубликованной записке к государственному секретарю США Корделу Халлу: «Дорогой Кордел. Как ты знаешь, я очень сильно заинтересован в Пакте Мира Рериха, и мы можем получить это движение по всей Америке». Он подчеркнул слово «очень».

2 ноября 2009 года в Государственной Думе РФ состоялись масштабные слушания о международных обязательствах страны в области защиты культуры, во время которых упомянули предстоящее в мае 2010 года 75-летие Московского метрополитена, горячо дебатировали за и про-

тив строительства небоскреба в Санкт-Петербурге в связи с угрозой снятия эгиды ЮНЕСКО с исторического центра города, но ни словом не упомянули о наступающем 75-летию Пакта Рериха, о неисполнении Россией в течение свыше полувека многих положений Конвенции ООН 1954 года и ничем не оправданной десятилетней задержке ратификации Второго протокола к этой Конвенции; о том, что в связи с неподачей нашей страной заявки на включение в международный реестр объектов культуры, которые подлежат международной защите в случае военных действий, единственным международным документом, хоть как-то защищающим исторический центр Санкт-Петербурга в случае военных действий, является как раз эгида ЮНЕСКО, которая поставлена под угрозу в связи со строительством пресловутого газпромовского небоскреба. Никто не упомянул об основополагающих идеях нашего соотечественника Николая Рериха, признанных международным правом. Никто не вспомнил и о его концепции борьбы против «тихих погромов» культурных памятников в России, которую впервые он выдвинул еще до 1917 года. Это показывает низкий уровень знания и понимания идей Пакта Рериха, который демонстрируют не только госчиновники, но и некоторые эксперты по защите памятников культуры.

Поэтому мы хотели бы рассмотреть вопрос о Пакте Рериха в том числе и с точки зрения развития важнейших мировых правовых доктрин, более широких и масштабных по отношению к чисто международному праву (а потому быстрее воздействующих на принятие решений в рамках национальных правовых систем). Для этого важно показать роль Пакта для обновления в XXI веке доминирующих в мире англосаксонской доктрины верховенства права (Rule of Law) и континентальной европейской доктрины правового государства (Rechtstaat). Последняя является для России основной действующей Конституции. Вывод, к которому мы приходим, заключается в утверждении, что дальнейшее «латание» Конвенции ООН 1954 года и попытки устранения ее неустранимых противоречий с другими международными договорами должны уступить место движению за принятие новой Конвенции ООН, соответствующей требованиям третьего тысячелетия и XXI века. Новый текст Конвенции должен базироваться на неосуществленных до настоящего времени положениях, принципах и идеях Пакта Рериха, который является, в нашем понимании, не просто международным договором первой половины XX века, а программой действий, направленной на достижение действительно мирного сосуществования стран, народов, религий и цивилизаций.

Поэтому важнейшими для нашего анализа являются положения из статьи 1 Пакта Рериха («Защита исторических памятников, музеев, научных, образовательных и культурных институтов как во время мира, так и во время войны») и статьи 2 («Нейтралитет, защита и уважение памятни-



Николай Рерих
Pax Cultura

ков и институтов, указанных в статье первой», обеспечиваются принятием «внутреннего законодательства, необходимого для обеспечения защиты и уважения»). Здесь Пакт Рериха, подписанный 21 государством в кабинете президента США Франклина Рузвельта в Белом доме, пошел дальше проекта Пакта 1928 года, где не говорится о мирном времени и не выделены в отдельную категорию образовательные институты. В проекте Пакта последние упомянуты только в Преамбуле применительно к общему понятию защищаемых объектов, что несколько ослабляет четкость защиты. (Хотя предусмотренная проектом защита передвижных коллекций не нашла отражения в тексте Пакта Рериха 1935 года.)

По нашему мнению, Пакт Рериха является первым шагом практического воплощения в жизнь его эстетической концепции правового государства – государства, основанного на примате развития и охраны культуры по отношению к другим сферам государственной деятельности. Когда речь идет о национальном законодательстве, в первую очередь речь идет о Конституции. Это хорошо понимал исполнитель проекта Пакта Рериха профессор Георгий Шклявер, который в своем выступлении в 1937 году в Париже заметил, что международное право часто нарушается безнаказанно, но это не означает, что оно перестает действовать. Отсутствие конкретных санкций не умаляет значения правовой нормы. Он сравнил это с похожей

ситуацией в случае нарушения норм конституционного права. Он также напомнил, что судебная практика может уравнивать ситуацию и совместно с общей психологической атмосферой нетерпимого отношения к нарушению конституционного, а также международного права содействовать его соблюдению на практике. Профессор Шклявер сказал: «Идея создания плана для международной защиты искусства и науки насчитывает несколько столетий. Гроциус и Ваттел говорили об этом. Но воплотил ее в жизнь юрист, великий мыслитель и художник-новатор Николай Рерих».

Исполнитель проекта Пакта Рериха не случайно поставил Пакт рядом с национальным государственным правом, хотя конституционные системы того времени за пределами англосаксонских стран еще по-настоящему не знали ни судебных, ни других органов конституционного контроля, получивших широкое распространение к концу XX века. Именно через национальное конституционное и иное законодательство идеи непосредственной защиты культуры от войн, вандализма, а также опосредованной защиты от «тихих погромов», пренебрежения, игнорирования, экономического унижения и остаточного (после военных расходов) финансирования – эти идеи должны были, по главной доктринальной мысли Пакта Рериха, проникать во все поры государственного аппарата и институтов гражданского общества. Процесс проникновения этих идей под защитой конституций должен будет необратимо повернуть государства и общество в сторону прогресса и мира.

Доктрина правового государства воспринята как важнейший конституционный принцип Конституцией Российской Федерации 1993 года и находится сейчас в процессе осмысления, формулирования и применения для конкретных российских условий. При этом важно отметить, что Конституция России является правовым актом прямого действия, а значит, может применяться непосредственно даже при отсутствии или недостаточности действующих законов и других нормативных актов, восполняя и ускоряя решение насущных вопросов жизни государства и общества. Поэтому для нас осмысление идей Пакта Рериха представляет не исторический, а чисто практический интерес.

Наше время знаменуется признанием ведущими юридическими организациями Запада очевидной недостаточности в XXI веке содержания известного философско-правового принципа верховенства права (Rule of Law). Это проявилось в интенсивных усилиях Международной ассоциации юристов (International Bar Association) с ее более чем миллионом членов из 200 стран мира и Американской ассоциации юристов (American Bar Association) с полумиллионным составом инициировать всемирное движение за формулирование современного содержания верховенства права во взаимосвязи со всеми сферами жизни общества.

Континентальная Европа значительно менее активно поддерживает свою концепцию правового государства, сформулированную в общей форме в конце XVIII века, но не слишком продвинутую для того, чтобы соответствовать реалиям начала третьего тысячелетия. У России особая ситуация, поскольку правовое государство является здесь принципом и нормой Конституции, принятой в 1993 году, а значит, разработка доктрины и понятия правового государства на уровне XXI столетия – это не благое пожелание, а обязанность государства и общества. В связи с этим необходимо обратить внимание на эстетические концепции государственности, которые могут стать ключом к разработке понятия правового государства, то есть понимание, в каком государстве мы живем, а точнее, какое государство надо строить.

Концепция государства как произведения искусства выдвинута в XIX веке исследователем итальянского Ренессанса Яковом Буркхардтом в названии главы его книги, где описывались все виды итальянской государственности XIV–XV веков со всеми позитивными и негативными фактами ее развития. Сама концепция не была сформулирована в каком-то законченном виде и сводилась, в основном, к мысли, что государства и их правители того времени считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления престижа государства и их собственного. В итоге это привело к государственной защите и поощрению наук и искусства, а далее к возникновению и всепобеждающему шествию по итальянской земле, а затем в веках неповторимого искусства, литературы, философии, науки под общим названием «Ренессанс». Отсутствие четкости в формулировании концепции нетрудно объяснить ее, с одной стороны, интуитивной теоретической очевидностью, а с другой – крайней трудностью увязывания с реальной государственной жизнью, известной человеческой истории. С одной стороны, книжные построения Платона, Томаса Мора, Суареса, Канта, а с другой – идеализация Древних Афин, ренессансной Флоренции, иезуитской республики Гуарани в Парагвае XVIII века, буддистских государств, существовавших или нет Золотых и Серебряных веков. Правление философов, Беловодье, Шамбала и ее западный вариант Шангри-Ла...

Кроме того, эстетическая и конституционно-экономическая концепции правового государства тесно переплетаются между собой, что осознавалось уже в начале XX столетия таким устремленным в будущее интуитивным мыслителем, как Николай Рерих (1874–1947). Не вполне осознал это отрицавший вместе с марксизмом любой экономический подход Н. А. Бердяев, точно определивший общую проблему технического превосходства государства над человеком. Он писал: «Государство делается всемогущим, все более тоталитарным, и не только в тоталитарных режимах, оно не хочет признавать никаких границ своей власти и рассматривает человека лишь

как свое средство и орудие... Происходит страшное ускорение времени, быстрота, за которой человек не может угнаться. Ни одно мгновение не самоценно, оно есть лишь средство для последующего мгновения. От человека требуется невероятная активность, от которой он не может опомниться. Но эти активные минуты делают человека пассивным. Он становится средством вне человеческого процесса, он лишь функция производственного процесса... Это есть отчуждение человеческой природы и разрушение человека».

Почему-то традиция российской философской науки относит эстетическую концепцию государства к достижениям немецкой философской мысли и не уделяет достаточного внимания серьезному вкладу в нее русских мыслителей XX века. Хотя, безусловно, немцам нужно отдать должное, особенно Канту.

Увлечение Гегелем, идущее еще от марксистских подходов, а потому разрешенное даже в советских условиях, несколько заслонило для нас значение фигуры Иммануила Канта (1724–1804) как автора доктрины правового государства, время расцвета которой в России наступило именно сейчас, после принятия Конституции РФ, поскольку Кант базировал ее как раз на конституционализме. Только сейчас мы подходим к знанию, что 90 процентов конституционалистов без Канта не смогут понять содержание такого главного доктринального понятия Конституции России, как правовое государство.

Не будем скрывать, что понятие «конституционализм» не имеет четкого и общепризнанного толкования среди экспертов конституционного права, называющих себя «конституционалистами». И здесь мы все тоже забыли о Канте, который сформулировал главную проблему конституционализма: «Конституция государства в конечном счете базируется на морали его граждан, которая, в свою очередь, основывается на хорошей Конституции».

Главная же мысль Канта, что история будущего создается сегодня, и не на базе достигнутого опыта о плачевных или положительных результатах предшествующей деятельности, а на базе некоего конституционного идеала, который может восприниматься аксиоматично, априори, ввиду его бесспорности. Например, достижение мирного и благополучного существования всех людей под эгидой единой Конституции.

Если использовать отредактированные переводы, то увидим, что даже традиционно сложная для понимания «Критика чистого разума» оказывается вполне увлекательным чтением. Приведем оттуда классическую формулировку Канта, важную для понимания сути правового государства: «Государственный строй, основанный на наибольшей человеческой свободе в соответствии с законами, которые обеспечивают, чтобы свобода

каждого была совместима со свободой всех остальных (обеспечивая тем самым и само собой людям максимально возможный уровень счастья), является необходимой идеей, которая должна лечь в основу не только Конституции государства, но и каждого отдельного закона. При этом следует понимать, что препятствия для этого вытекают не из природы человека, а из пренебрежения истинными идеями при принятии законов. Недостойно философа ссылаться на якобы противоположный опыт реальной жизни, поскольку этот самый опыт существует только потому, что законодательные органы не действуют в соответствии с вышеуказанной идеей совершенного государственного строя... Даже если этот совершенный государственный строй никогда не будет построен, сама идея, требующая максимального приближения к нему, является правильной, поскольку будет совершенствовать конституционный процесс человечества, подталкивая ближе и ближе к максимально возможному для данного времени совершенству. Никто не может достоверно сказать, до какой степени возможен прогресс и какой зазор в итоге останется между идеей и ее претворением в жизнь».

В последней цитате встретилось упоминание о счастье. Кант в «Критике чистого разума» вплотную подошел к вопросу, что понятие «счастье» должно найти юридическое определение с тем, чтобы право на счастье (словами Конституции России, «благополучие и процветание») было рассмотрено как *quid juris* (вопрос о праве), а не с позиций «всеобщей снисходительности». Эти слова Канта могут быть восприняты не просто как объяснение, а скорее как манифестация идеи правового государства, особенно если принять его правильное и более чем современное выделение плохой законодательной работы в качестве важного препятствия становлению правового государства. Кроме того, конституционно-правовое определение счастья как процветания и благополучия напрямую относится к эстетической концепции государственности, для которой очень важна, в свою очередь, и концепция конституционной экономики.

Следует обратить внимание на размышления современного российского философа Э. Ю. Соловьева, когда он пишет: «Оппозиция «мира» и посюсторонней «райской гармонии» – таково, возможно, самое глубокое, эзотерическое измерение кантовского трактата¹. Ее можно определить как противостояние идеала и идиллии... Именно благодаря своему идеализму Кант совершенно свободен от мечтательности и склонности к благим прорицаниям. «Вечный мир, – говорит по этому поводу О. Хоффе, – не нуждается в чьих-либо провидениях; он задан людям в качестве их морального, а точнее – морально-правового долга... Задача утверждать вечный мир име-

¹ «О вечном мире».

ет статус категорического императива»². Таков и Рерих в своей борьбе за установление мира между цивилизациями, и здесь он более, чем другие русские философы, близок к Канту. Нет в нем интеллигентской «мечтательности и склонности к благим прорицаниям».

Этот «невозможный реализм» нашего и будущего времени основан в том числе и на идеях, открытых Иммануилом Кантом, например, в «Метафизике нравов»:

«Задача установления универсальной и постоянной мирной жизни не является только частью теории права в рамках чистого разума, а сама по себе абсолютная и окончательная цель. Для этого государство должно быть общностью большого количества людей, живущих с законодательными гарантиями права их собственности под единой Конституцией. Верховенство этой Конституции должно базироваться не только на опыте, основанном на опыте каждого о том, какие нормы поведения лучше всего работают в жизни. Наоборот, это верховенство Конституции должно выводиться априори из соображений достижения абсолютного идеала наиболее справедливой организации жизни людей под эгидой публичного права».

Следует обратить внимание на слова нашего значительного философа М. К. Мамардашвили из его лекций, прочитанных в Тбилисском университете³: «Неприемлемым и не привившимся на российской почве европейским философом был Кант. В русской философии и в культуре все время было какое-то отталкивание от Канта. Порой он даже казался русским интеллигентам чуть ли не навевающим ужас чудовищем... Кант прекрасно определил человечество: человечество – это коммуникабельность, то есть некий организм, который охвачен всеобщением, или сообщенностью. Поэтому первоопределение, которое мы дали мыслящей личности (если мы выделим стояние в чистом сознании, когда вся энергия остальных наших инстинктов перешла в энергию чистого сознания), и указывает на мужество невозможного, так как оно есть одновременно определение исторического человека, существа, живущего посредством истории».

Может быть, из-за «отталкивания» от Канта и непризнания проявления в жизни «мужества невозможного» пробуксовывает сейчас российская наука философии права, особенно в разработке конституционного понятия правового государства.

Отстав на 200 лет в осмыслении государственно-правовых идей Канта, наша наука может просмотреть и близкие к нам и не требующие

² Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-традиция, 2005. С. 232–233.

³ М. К. Мамардашвили. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.



*Николай Рерих
Мадонна-защитница*

перевода эстетические концепции государства, например в творчестве знаменитого русского мыслителя и художника Николая Рериха, который продолжил и развил в глубокую и практически выполнимую доктрину лозунг, выдвинутый Достоевским: «Красота спасет мир!». Отсюда начинается мощное русское направление в развитии концепции эстетической государственности, оставшееся пока за пределами внимания отечественной юридической науки. Изучение философско-правового наследия Рериха важно для разработки доктрины правового государства, в первую очередь, в связи с тем, что им выдвинута основополагающая и наиболее характерная черта правового государства, без которой сама возможность разработки доктрины на современном этапе может стать недостижимой.

Рерих, как известно, диктовал, а не писал свои основные философские трактаты и статьи, при этом, как вспоминает его секретарь, он печатал за Рерихом сразу набело и затем отправлял для опубликования. Это придает им неповторимый разговорный стиль, не прошедший редакторскую обработку, включающий неожиданные отвлечения, иногда повторы. В любом случае, стиль Рериха не совпадает с общепринятым академическим стандартом изложения мысли в официальной философской и юридической науке, засушенных к тому же цензурной редактурой советских времен и ее полностью не искорененными традициями.





Такой сократовско-платоновский стиль изложения только усиливал его мысль и не давал ускользнуть ни одному важному нюансу. Другой проблемой восприятия мыслей Рериха скептическим ко всякой патетике постсоветским умом является его возвышенная проповеднически-пророческая, поучающая и безоговорочная манера изложения. Ему не терпится поделиться своими мыслями, он считает их достаточно очевидными и порой, глядя при диктовке в окно на величественные гималайские вершины и вдыхая чистейший в мире воздух, излагает мысли в той форме, которая «пролетает» выше восприятия городского жителя, который не только в Гималаях, но вообще в горах не был и дышит физическими и интеллектуальными испарениями большого скученного города. Конечно, никогда не путешествовавшему Канту было достаточно смотреть на шпиль городской кирпичи, а старым фламандским художникам – на колокольни соборов и сторожевой башни Брюгге, как на свои духовные Гималаи, но это, конечно, не массовое восприятие.

Мамардашвили говорил в своих лекциях 1987 года о процессе изложения и восприятия философского мышления: «Платон говорит: у человека, который мыслит для украшения себя мыслью и прославления, а не для того, чтобы вспомнить, не может быть ссылок на писания Платона по одной простой причине – о чем в действительности мыслит Платон (а идеальное государство – предмет его мышления), не может быть ничего написанного. И поэтому ссылаться на написанное об идеальном государстве нельзя, об этом предмете не может быть ничего написанного... Выразить письмом мысль невозможно, мысль невыразима...

В этом смысле философ или мыслитель есть граничное существо, представитель того, что нельзя выразить.... Но вернемся к Платону, который дальше интересно говорил, что можно выразить нечто мелькнувшее на какое-то мгновение только в атмосфере свободной беседы. Когда это нечто может, как искорка, вспыхнуть в воздухе между разговаривающими людьми на какую-то секунду, без преднамерения у того, кто говорит. Обычно мы ведь речь рассматриваем как некое преднамеренное построение для уже готовой, существующей мысли. Мы как бы надеваем одежду на существующее тело. А тут во время беседы какая-то взаимная индукция вдруг рождает столь необходимое и, казалось бы, невозможное выражение. Платон считал, что только беседа может этому помочь... Кстати, Платон это же словосочетание – несколько в другом виде – употреблял. Говоря о промелькнувшей искорке, он подчеркивал, что она может промелькнуть на пределе человечески возможного. С этим связан жуткий труд мысли: то, с чем мы имеем дело, происходит на пределе человечески возможного, мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил... Вспомним чувство невыразимости, связанное с прустовской темой «неизвестной ро-

дины», с ощущением порой у себя какой-то ностальгической отстраненности от того, где мы живем, с кем связаны, от нашей страны, от нашей географии, от наших обычаев. За этой ностальгической отстраненностью, несомненно, стоит отблеск чего-то другого. Это и есть первый отблеск мысли. Именно в такой форме является мысль, не имеющая пока для нас никакого содержания, никакого контура, никакого облика, никакого предмета».

Эти мысли очень хорошо иллюстрируют мудрость Рериха, стремившегося сочетать сократовско-платоновский метод с немедленной записью и публикацией возникавших, как молния или комета, мыслей. К нему в полной мере относятся приведенные выше платоновские слова о «мысли, промелькнувшей на пределе человеческих возможностей ее излагающего», что требует от воспринимającego «предельного напряжения всех его сил».

Любая попытка снисходительного подхода к «мистику» и свободно-му художнику Рериху при анализе его государственно-правовых взглядов должна сразу же категорически отвергаться.

Во-первых, Николай Рерих – по образованию юрист, защитивший в Петербургском университете дипломную работу на тему «Правовое положение художников в Древней Руси» в 1898 году. Во-вторых, на базе его эстетической концепции государства еще при его жизни и непосредственном участии были в десятках стран приняты новые законы и заключены важные международные соглашения, чем мало кто из мыслителей может похвастаться. В-третьих, его мысли дают решающие подходы для построения доктрины правового государства, пока что по-настоящему не разработанной вообще и применительно к российским условиям в частности, по авторитетному мнению председателя Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина.



*Николай Рерих
Мадонна Орифлама*

Кажущаяся наивность некоторых идей Рериха ничем не отличается от такой же наивности ряда современных ему государственных деятелей, среди которых, в первую очередь, следует назвать президента США Франклина Рузвельта, который добивался признания идей Рериха как закона для всех, организовав подписание разработанного русским философом соглашения об охране культуры прямо у себя в кабинете. До Рузвельта таким же наивным был президент США Линкольн, а до него отцы-основатели США в почти полном составе. Возможно, России сейчас более чем когда-либо не хватает наивности рериховского масштаба.

Кроме того, наивный Рерих столько раз рисковал жизнью за свои убеждения, став первым европейцем, дважды прошедшим Гималаи насквозь с юга на север и обратно, осуществив заветную мечту Пржевальского и неумолимо продвигаясь к Шамбале своей мечты и веры, что его физических подвигов, возможно, будет достаточно, чтобы перевесить любые физические усилия всех ведущих философов XX века. Хотелось бы рассмотреть философско-государственные взгляды Рериха без вовлечения в дискуссии о мистике, эзотерике, теософии, видениях и сновидениях, письмах махатм и т. д. Проще говоря, оставим в стороне при нашем анализе внутренние верования Рериха, который в конце книги «Алтай – Гималаи» прямо написал, что не бывавший на Востоке (имеются в виду, в первую очередь, конечно, Тибет и Гималаи) легко может не понять его слов, обращенных в будущее.

Обратимся к конкретным концептуальным положениям его философско-правовой концепции государства. Она основывается на главном положении, что первой обязанностью государства является поддержание и развитие духовной общности проживающего в нем населения, для чего необходимо бережно сохранять лучшее из имеющегося культурного наследия и поощрять развитие Культуры, духовного роста людей, в первую очередь молодежи. Рерих признавал лидера государства соответствующим занимаемой должности только в том случае, если у него присутствуют качества духовного вождя, то есть если его культурный уровень и духовное развитие позволяют ему успешно выполнять вышеуказанные государственные задачи.

Духовное развитие народа должно нести в себе положительный, а не разрушительный заряд и не может быть направлено на разрушение других культур и их наиболее значительных культурных памятников. При этом, в отличие от модных после 11 сентября 2001 года аналитиков, вещающих о «войне цивилизаций», в первую очередь западно-христианской и мусульманской (их было немало и при жизни Рериха), он подчеркивает базовое сходство всех религий и культур, а также их взаимопроникновение и переплетенность с древнейших времен, еще не вполне осознанные и исследо-

ванные современной исторической наукой. Развивая и пропагандируя это историческое сходство – синтез культур и религий как внутри, так и за пределами многорелигиозных и многонациональных стран, государство будет реализовывать свою главную задачу по развитию культурного и духовного единства, что практически само по себе станет предпосылкой для благополучного и мирного развития с соответствующим позитивным экономическим эффектом. При этом большая часть получаемых государственных доходов должна быть направлена на культурное развитие, что обернется и дальнейшим ростом экономического благосостояния.

Таковы вкратце основные положения рериховской философско-правовой концепции государства. Он отлично понимает трудности ее реализации и как-то в «Сердце Азии» приводит место из древних писанных заветов восточных мудрецов, где говорится, что попытка просвещения мира делается каждое столетие, но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Он пишет там же: «Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению значит уже двигаться по пути к победе».

Между прочим, Рериха сближает с Кантом и делает его продолжателем в том числе и кантовской философии аксиоматичное предположение, что человеческое счастье основано на мирном творческом существовании под защитой государства, и такой подход должен восприниматься априори, то есть не нуждается в доказывании.

Мы в СССР столько лет строили «коммунистическую Шамбалу», что многие представления почти столетней давности семьи Рерихов, высказанные в записях его жены, покажутся нам уже отчасти проверенными и себя не оправдавшими. Отказ от частной собственности, регламентация жизни каждого человека и обязательная трудовая повинность не производят впечатления на постсоветского человека. Значительно важнее другое: ориентация государства на расцвет будущих поколений и эволюционное построение новой будущей цивилизации с помощью развития и поощрения образования и культуры. Соответствующее расходование средств, когда безгласным будущим поколениям как бы предоставляется слово в каждом бюджетном комитете каждой палаты парламента при принятии не только среднесрочных и долгосрочных экономических и финансовых программ, но и ежегодных бюджетов. А это уже конституционная экономика.

Нужно понимать, что знаменитый Пакт Рериха был для его автора не самоцелью, а важным этапом влияния на процессы внутри каждого государства. Его важнейшей частью была апелляция к внутреннему законодательству стран, к внедрению идеи неприкосновенности значительных произведений искусства и культурных памятников в народное обще-

ственное сознание. «Мир не может быть установлен правительственными декретами. Реальный мир будет гарантирован только тогда, когда народы осознают бесполезность вражды, взаимного уничтожения... «Мир через культуру» – мы никогда не устанем повторять эту правду». Один российский специалист по Макиавелли любит повторять в своих публикациях плоскую фразу: «Как известно, политика – дело грязное». Этим он показывает, что толком не понимает предмет своего многолетнего исследования, потому что Макиавелли описывал ужасы и коварство плохого правления именно с целью очистить политику настоящего достойного правового государства от грязи и крови. И здесь также не спрятан, а открыто на виду лежит ключ к пониманию философско-правового кредо Рериха: «Политика – чистое дело!»

Приходилось неоднократно слышать, что концепция государства как произведения искусства активно и успешно использовалась германским фашизмом: здесь и древняя свастика, и провозглашение родства культуры арийских народов, и возрождение старинных факельных шествий, оперы Вагнера, и, наконец, собирательство произведений искусства.

Но в действительности фашистская эстетика никак не может пройти важнейший доктринальный критерий, выдвинутый Рерихом: терпимость и уважение к культурным, религиозным и иным духовным ценностям других народов и вытекающее отсюда непризнание войны и всякого насилия по отношению к другим культурам и народам. Не случайно Германия не присоединилась в тридцатые годы к движению за Пакт Мира, впрочем, как и СССР, не пожелавший поддержать эмигранта Рериха. Фашистские изуверства не удивили Рериха, который в очередной раз пророчески оценил культурный потенциал германской политической элиты еще в первый месяц Первой мировой войны, после сожжения старинного фламандского города Лувена с его знаменитым университетом и библиотекой. Он писал: «Теперь уже нечему удивляться. Когда справедливость будет воздавать должное герою Бельгии, то не забудьте, что в немецких музеях имеются предметы, которые могут отчасти возместить бельгийские потери. Пусть из варварских рук искусство переходит в культурные, честные руки... Бельгии – слава. Германии – вечный позор».

Государство как инструмент сохранения и развития Культуры и защиты своих и чужих культурных ценностей, поддерживающее мирное существование и избегающее войн, строящее новую цивилизацию будущего на базе лучших культурных традиций современности, а значит, тратящее на эти цели максимально возможные в рамках экономической реальности финансовые ресурсы, – это государство Возрождения, приоритетом которого является осуществление «возродительных» (Н. Рерих) идей. Такая эстетическая модель государства, подчеркнута основанная на всех видах мировых религий и априорном единстве Запада и Востока, пожалуй, не имеет



*Николай Рерих
Сострадание*

аналогов в публикациях всех известных мировых философов и может быть названа наиболее полным изложением концепции государства как произведения искусства. Более того, она дает науке конституционного права и философии права необходимые подходы для начала разработки доктрины правового государства, которая, в свою очередь, должна обеспечить конституционную основу Возрождения в России и создания в ней, говоря словами Николая Рериха, «государства будущего» и «цивилизации будущего».

Пакт Рериха, до сих пор имеющий законную силу для не менее чем половины государств Америки, включая США, не стал международным правом ООН во многом из-за позиции СССР и в итоге не послужил базой для такого изменения российского законодательства, которое позволило бы эффективно защищать культурное наследие и создавать «цивилизацию будущего». В итоге, например, Перу и Гондурас на базе идей русского философа обязались в военное и мирное время «предоставлять покровительство и уважение памятникам и учреждениям культуры и предпринять необходимые меры в области внутреннего законодательства своих стран для обеспечения такого покровительства и уважения», а его родная страна подобных

обязательств на себя не приняла. Поэтому в России в сфере сохранности памятников продолжается то, что так красочно описал Рерих почти столетие назад: «По всей России идет тихий мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползет бескровный, мертвящий погром, сметающий все, что было священного, подлинного... Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые единственно могут привести к золотому веку единства... Откуда же возьмется здоровая почва? Откуда придет самосознание?.. Как выйти из этого заколдованного круга?.. Не в деньгах дело; денег на Руси много... Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви». Звучит актуально для сегодняшнего отношения к развитию культуры. А это все написано еще в царской России. Коммунистические погромы культуры Рерих тоже комментировал в похожих словах.

При медленных средствах коммуникации тех лет, когда научной фантастикой были перелеты на дальние расстояния, мобильные и просто всегда находящиеся под боком телефоны, Интернет и т. д., бедный российский эмигрант-одиночка за 15 лет (1920–1935) добился подписания 21 американским государством разработанного им международного соглашения, стал лидером мощного мирового общественного движения, подержанного организациями, объединяющими миллионы людей. Поэтому его эстетическая модель государственности должна быть воспринята как предмет серьезного научного анализа.

Должны быть отвергнуты любые разговоры о невозможности достижения идеи правового государства как государства с высокой эстетической составляющей. Нужно просто работать и конкретизировать условия становления правового государства в конституционно-правовых терминах. Идея правового государства должна стать движущей силой достижения благосостояния и процветания граждан России. Идея первична, а коррумпированная забюрократизированная и победно ведущая от кризиса к кризису и от войны к войне государственная материя вторична. Конституционализм – это идеализм самого высшего толка. Кроме того, идея правового государства, записанная в тексте Конституции, – это закон, который власть обязана претворять в жизнь. Конституционные идеалы могут и должны быть осуществлены. Разработка российской доктрины правового государства, необходимость которой определена текстом Конституции РФ, должна начинаться с применения эстетической концепции государства, выдвинутой Николаем Рерихом.

В тексте Гаагской Конвенции ООН 1954 года «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» содержится следующее признание более широкого применения Пакта Рериха: «В отношениях между Державами, которые связаны Вашингтонским Пактом от 15 апреля 1935 года о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также

исторических памятников (Пакт Рериха) и которые являются Сторонами в настоящей Конвенции, эта последняя дополнит Пакт Рериха...» К сожалению, Конвенция подменила главный доктринальный тезис Пакта Рериха: приоритет защиты культурных ценностей по отношению к военной необходимости. Она установила как раз обратное – приоритет военной необходимости. Ее совершенно напрасно называют иногда Пактом Рериха, поскольку Конвенция 1954 года хотя и развила некоторые идеи Пакта, но в целом повернула развитие международно-правовой защиты культуры от военных в другом направлении. Поэтому нужно начать в рамках международной рабочей группы разработку новой Конвенции ООН, базирующейся на доктринальном основании Николая Рериха.

При этом, отдавая должное и Второму протоколу к Конвенции 1954 года, и ряду других международных договоров ООН, принятых за последнее полвека, следует привести важный довод в пользу разработки новой Конвенции.

Военный человек не в состоянии правильно понимать документ, вводящий (Второй протокол к Конвенции 1954 года, принятый в 1999 году) для него уголовную ответственность за военные преступления против Культуры, если его значение доступно пониманию только высококвалифицированных юристов-международников, основанному, к тому же, на анализе соотношения положений разных международных актов.



Петр Баренбойм

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ФЛОРЕНЦИЯ В РОССИИ

Ближе всего к Флоренции тот, кто любит.

Павел Муратов

Человечество давно считает Флоренцию своей, и это во многом определяет ее международный характер. Восемь миллионов туристов ежегодно проходят по улицам и музеям этого небольшого города. 25 американских университетов имеют здесь свои летние школы. За последние 150–200 лет большинство наиболее знаменитых обитателей города были не коренные флорентийцы, а иностранцы. Историческую часть Флоренции не тяжело обойти пешком, но здесь сосредоточена пятая часть от общего мирового числа общепризнанных шедевров живописи, скульптуры и архитектуры. Если внимательно осмотреть каждый из них, на знакомство со всеми понадобится несколько лет. Местные психиатры знают «синдром Стендаля», когда бывший молодой офицер наполеоновской армии и будущий писатель почти упал в обморок на пороге собора Санта-Кроче. Впрочем, предоставим слово ему самому: «Поглощенный созерцанием возвышенной красоты, я лицезрел ее вблизи, я, можно сказать, осязал ее. Я достиг уже той степени душевного напряжения, когда вызываемые искусством небесные ощущения сливаются со страстным чувством. Выйдя из Санта-Кроче, я испытывал сердцебиение, то, что в Берлине называют нервным приступом: жизненные силы во мне иссякли, я едва двигался, боясь упасть». Стремление за короткий срок осмотреть и оценить все, что есть во Флоренции, оказывается за пределами возможностей обычной человеческой психики. Об этом должен помнить каждый гость Флоренции.

Среди 200 тысяч населения Флоренции во второй половине XIX века около 30 тысяч (15%) были англичане и американцы. Уже в те времена в городе были заметные колонии поляков, французов, немцев и русских.

В 60-е годы либеральный город стал прибежищем хиппи, в основном тоже англо-американских. В двойные годы с интервалом примерно в столетие – 1333, 1466, 1557, 1844 – в городе происходят сильные наводнения. Очередное по традиции ждут в 2055 или 2077 году. Пока самым страшным было наводнение 1966 года. И тогда с виду на все наплевавшие длинноволосые парни и девушки в рваных джинсах на недели добровольно стали в очередь по пояс в холодной воде и жидкой грязи в подвалах Национальной библиотеки, передавая друг другу манускрипты, и в итоге спасли 700 тысяч редчайших книг. Стояли ночью при свете свечей. К ним присоединились многие другие иностранцы, среди которых был русский пианист Святослав Рихтер и американский сенатор Роберт Кеннеди.

Флоренцию мы рассматриваем не как иностранный, а свой, наш город. Почему Флоренция, а не Париж, Лондон, Вена, Берлин, спрашивает американский автор Давид Левитт. И сам себе отвечает, что люди здесь хотят «удовлетворить идею персональной наполненности».

«Если рано, сразу после рассвета, со стороны реки Арно мимо здания галереи Уффици выйти на пустую еще площадь Сеньории, – пишет он, – вы остановитесь потрясенные в центре мироздания». Простота и ясность окружающих шедевров, их концентрация на очень ограниченном пространстве создают небывалую (для людей впервые едущих во Флоренцию чисто интуитивную) силу притяжения к этому «центру мира».

Стендаль пишет о ходьбе «по этим величавым улицам, с которых еще не стерлась печать страстной жизни Средневековья... Флоренция, вымощенная крупными, неправильной формы плитами белого камня, отличается редкой чистотой; на улицах ее вдыхаешь какое-то особое благоухание! За исключением некоторых голландских городков Флоренция, может быть, самый чистый город в мире и, верно уж, один из самых прелестных. Его греко-готическая архитектура обладает всей четкостью и законченностью прекрасной миниатюры. К счастью для внешней красоты Флоренции, жители ее вместе со свободой потеряли энергию, необходимую для того, чтобы воздвигать мощные здания. ...Ничто не нарушает прекрасной гармонии этих улиц, еще дышащих возвышенным идеалом Средневековья. Во многих местах Флоренции, например, при спуске с моста дела Тринита и у дворца Строцци, путешественнику может казаться, что он живет в 1500 году...» На площади Синьории, по мнению Стендаля, можно увидеть «величайшие произведения флорентийского искусства, самого живого, что породила ее цивилизация».

Интересно наблюдение Стендаля о схожести Флоренции и современного ему Парижа. «Знаменитые Кашины – парк для прогулок, где показывают себя люди из общества, – расположены наподобие наших Елисейских полей. Не нравится мне то, что они постоянно наводнены русскими



и англичанами: их не меньше шестисот человек. Флоренция – это музей, переполненный иностранцами... Все русские, обладающие здравым смыслом и средствами, считают своим долгом хоть одну зиму провести во Флоренции»¹.

Флоренция и Россия. Герб Демидовых на фасаде знаменитого собора Санта-Мария-дель-Фьоре – главной церкви города. Традиционная связь, но все же XXI век – особый. Россия уже не та мощная империя, которой была в течение 300 лет. Экономика и политика сами по себе ничего не могут изменить, особенно если они не поддержаны признаками духовного роста. Может быть, именно сейчас нам важно осознать, как Италия, раздробленная и почти полностью утратившая мощь былой Римской империи, сумела пять-шесть веков назад произвести вулканический выброс необыкновенной духовной мощи. Такие примеры для нас, граждан распавшейся империи, уже стали значительно более важными. После разрушения советской утопии нам следовало бы разобраться с тем, как и почему осуществленная утопия Флоренции XV века (точнее, до 1492 года) осталась в веках как пример конституционного строя, обеспечившего наивысшие возможности для выдающихся достижений не только в искусстве, но и в политике, промышленности, банковском деле.

Хождение во Флоренцию – это путешествие к истокам многих лучших образцов русской архитектуры и возвращение к памяти о хотя бы

¹ Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция. Собр. соч. Т. 9. С. 126.

на краткое время сбывшейся мечте человечества, об осуществленной утопии.

Почему Флоренция так близка России, в чем причина этого постоянного духовного и физического тяготения к ней? Ссылка на наблюдение подобных или похожих явлений во многих других странах нам не поможет. Флорентийцы участвовали в строительстве в России: соборы и стены Кремля, позже дворцы Петербурга и других городов.

«Успенье нежное – Флоренция в Москве», – писал Осип Мандельштам. Русское прозвище «Фрязин», которое дали шести разным итальянским строителям Кремля, скорее всего, происходит от первых ремесленников или живописцев, которых первое известное историкам русское посольство в Италии, два года находившееся во Флоренции (1439–1441), должно было по традиции того времени привезти из «Фярензе» – Флоренции – и которые по традиции того времени представлялись «такой-то из Фярензе». Не случайно летописец поездки в 1439 году во Флоренцию – «в Фяренцу» – монах Симеон пишет, что после двухлетнего пребывания там глава русского посольства митрополит Исидор говорил «по-фряжски». Позднее «Фрязин», «фрязь», «фряжский» стали применять к любым итальянцам, в том числе к архитекторам из других городов Италии, а затем и вообще к любым иностранцам. Так что жители подмосковного Фрязино, наверное, даже не подозревают, что напрямую связаны с Флоренцией.

По преданию, род великого русского поэта Тютчева ведет свое происхождение из Флоренции, так что все его творчество можно назвать российско-флорентийским. Это придает иной окрас его самому знаменитому четверостишью:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.*

Иосиф Бродский заметил, что в XVIII и начале XIX века Петербург стал «подлинной Меккой» для итальянских архитекторов и декораторов. Он же написал, что итальянскому перу принадлежит характеристика Петербурга как «окна в Европу». Петр Великий, по его мнению, «представлял себе город как духовный центр новой России: источник разума, наук, просвещения, знания... Нет другого места в России, где воображение отрывалось с такой легкостью от действительности: русская литература возникла с появлением Петербурга... Возникает странное чувство, что все это не Россия, пытающаяся дотянуться до европейской цивилизации, а увеличенная вол-

шебным фонарем проекция последней на грандиозный экран пространства и воды... Неудивительно, что порой этот город производит впечатление эгоиста, занятого исключительно собственной внешностью. Безусловно, в таких местах больше обращаешь внимание на фасады, чем на наружность себе подобных... Возникновение Санкт-Петербурга было равносильно открытию Нового Света: мыслящие люди того времени получили возможность взглянуть на самих себя со стороны... Совершенная до абсурда архитектура... Город, который начинался как прыжок из истории в будущее... Любая критика человеческого существования предполагает осведомленность критикующего о высшей точке отсчета, лучшем порядке.

Так сложилась история русской эстетики, что архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга воспринимались и воспринимаются как предельно возможное воплощение такого порядка (включая церкви). Во всяком случае, человек, проживший в этом городе достаточно долго, склонен связывать добродетель с пропорциональностью. Это старая греческая идея...»²

Петербург сразу строился как осуществленная утопия, тогда как ведущая хронологию с древнеримских времен Флоренция становилась осуществленной утопией в течение XIII–XV веков. Но оба города (каждый в свое время) стали, как писал о Петербурге Белинский, «новой надеждой старой страны». Надежда, в полной мере никогда не сбывшаяся, но уже навсегда не забытая.

Далее Бродский говорит об «утопическом характере города» и сравнивает его с Флоренцией, считая, что главная утопия здесь – это надежда на духовное содержание, которому не дают пропасть в буквальном смысле стены. Архитектурные шедевры, которые понемногу отдают современности часть сосредоточенной в них флорентийской эстетической мысли, поддерживают хотя бы минимальный уровень культуры и духовности.

«Дома вдоль набережных все больше и больше напоминают остановившийся поезд: направление – вечность... Человек, рожденный в этом городе, нахаживает пешком, по крайней мере, смолоду, не меньше, чем хороший бедуин... оттого, что идти по набережным из коричневого гранита... есть само по себе раздвижение жизни и школа дальнзоркости. В зернистости гранитной набережной... есть что-то такое, что пропитывает подошвы чувственным желанием ходьбы».

Длительные цитаты из Бродского нам необходимы, поскольку все они, во-первых, могут и должны быть обращены к самой Флоренции, а во-вторых, являются, возможно, лучшим в русской литературе объяснением связи Флоренции и России.

² David Leavitt. *Florence, a Delicate Case*. Bloomsbury, New York, 2002. Pp. 5, 25.

Удивительно, что Бродский здесь повторился, так как в стихотворении «Декабрь во Флоренции» писал, что «набережные напоминают оцепеневший поезд», но уже о флорентийских домах. Еще более интересно, что он (конечно, невольно) повторил и Осипа Мандельштама, написавшего о «зернистом граните» не то Петербурга, не то Флоренции:

*С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.*

*Так гранит зернистый тот
Тень моя грызет очами,
Видит ночью ряд колод,
Днем казавшихся домами.*

Поэт русского зарубежья Кирилл Померанцев, написав: «За окном флорентийское небо и на нем петербургский рассвет...» – тоже отчасти повторил образ Мандельштама из стихотворения:

*Заблудился я в небе, – что делать?
Тот, кому оно близко, ответь!*

.....

*Не разнять меня с жизнью, – ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская была тоска.*

Мандельштам говорил по другому поводу о «тоске по мировой культуре». Это слово многие подхватили и до сих пор пишут и говорят о «тоске по Флоренции». Думаем, этому способствовали длинные советские десятилетия, когда о поездке во Флоренцию нельзя было и помыслить, посему многим казалось, что можно только тосковать. Не заглядывая в Даля, скажем все же, что тоска бывает более всего о чем-то недостижимом, невозможном, а мечта – это стремление к тому, что осуществимо (если повезет) и прекрасно. Правильнее, по крайней мере, сегодня говорить не о флорентийской тоске, а о флорентийской мечте. Она характерна и для самого Мандельштама, который на самом деле был в Италии эпизодически в молодости. Для него хождение во Флоренцию было движением души, основанным



*Джорджо Вазари (1511–1574)
Вид Флоренции. 1558*

на прочувствованном восприятии флорентийских (фрязинских) творений, но не в Петербурге, а в Москве.

*Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.*

Не все знают, что Кремль и многие его знаменитые соборы строили с участием флорентийских архитекторов. Об этом снова Мандельштам:

*Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.*

*И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.*

Особенно здесь нужно отметить, что флорентийский (фрязинский) подход сблизил в своих российских архитектурных поисках православный

и итальянский католический церковный облик. Об этом тоже написал Бродский: «Что же касается всей этой истории с противопоставлением православия остальному христианству, оно никогда не заходило слишком далеко, поскольку соборы и церкви проектировались теми же архитекторами, что и дворцы. Так что пока не ступишь под их своды или не присмотришься к форме креста на куполе, невозможно определить, к какой церкви относится сей дом молитвы...»

Мы не знаем, интуитивно чувствовал Мандельштам «фрязинскую» флорентийскую основу архитектуры и росписи кремлевских и других древнерусских соборов или вообще не думал об этом, когда писал свое знаменитое стихотворение. Может быть, для него само слово «Флоренция» просто ассоциировалось с нежным и эстетичным. «Я один в России работал с голоса», – писал он. И еще писал о Феодосии, что в старину «город походил не на Геную, гнездо военно-торговых хищников, а скорей на нежную Флоренцию»³.

Марина Цветаева никогда не была во Флоренции, и поэтому ее стих отражает российскую настроенность на флорентийскую волну:

*После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.*

Флорентийская мечта характерна для многих наиболее интересных высказываний о Флоренции.

«Когда проходят первые эмоции, появляется удивительная возможность в сохранившейся большей частью исторической атмосфере, где были написаны картины, видеть разные полотна одного и того же мастера. Приятно, когда взглядишься в ряд картин одного художника настолько, что его мирозерцание станет ясно, поймешь его идеал, вкусы, цели – его душу», – писал из Флоренции Иннокентий Анненский.

О полноте жизни, которая навевается Флоренцией, четко и кратко сказал Чехов: «Кто в Италии не бывал, тот еще не жил». В шедеврах флорентийских мастеров, по мнению А. П. Мережковского, «флорентийский дух нашел себе полное выражение, неистребимую форму... На всем печать – мрачного, свободного и неукротимого духа флорентийского».

То, что Мережковский подробно, длинно и мучительно пытался высказать в пространным романе о Леонардо да Винчи, он лучше сказал в стихах 1894 года:

³ Стендаль. Цит. раб. С. 137, 205.

*О, Винчи, ты во всем – единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!*

Интересно, что Бальмонт отозвался в 1916 году похожими строками:

*Художник с гибким телом леопарда,
А в мудрости – лукавая змея,
Во всех его созданных есть струя –
Дух бемадонны, ладана и нарда.
В нем зодчий снов любил певучесть барда...*

И снова Мережковский и Леонардо:

*И тот, кого прославила молва,
Не разгадав – да Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древнего волхва
Похожий и во всем необычайный.*

Максим Горький сразу же увлекся городом: «Флоренция меня страшно захватила своей красотой и тем, что из-за каждого дома здесь смотрят тебе в лицо спокойные глаза Истории...» В нем этот «чудесный город» вызывал не столько исторический интерес, сколько надежды на будущее человечества. Флоренция женского рода, и образ женщины доминирует во флорентийском искусстве.

*Вы, флорентийки прошлых дней! – о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.*

Это Брюсов. И он же о «Моне Лизе»:

*Предчувствовать слова, глаза,
Утаенные в сердце речи,
Мечтать, как черны волоса,
Обжегшие случайно плечи.*

Глядя на огромный купол глыбы собора Санта-Мария-дель-Фьоре, Василий Розанов нашел пронзительные слова: «Какая масса труда, за-

ботливости, любви, терпения, чтобы камешек за камешком вытесать, вырезать, выгравировать такую картину, объемистую, огромную, узорную... Нужна вера не в мой труд, но в наш национальный труд, вследствие чего я положил бы свой камень со спокойствием, что он не будет сброшен, забыт, презрен в следующем году. Это-то и образует «культуру», неуловимое и цельное явление связности и преемственности, без которой не началась история и продолжается только варварство». Насколько сегодня важна для России эта мысль, воплощенная в камнях Флоренции!

Вряд ли практически реализуема в современной жизни рекомендация Гревса: для основательного знакомства с Флоренцией в первый раз надо прожить в ней не меньше двух недель, а в конце поездки по Италии вернуться туда еще на несколько дней. Но обратим внимание на его термин «флорентийско-тосканская цивилизация», поскольку окружающая Флоренцию Тоскана за долгие столетия неразрывно слилась с городом и его историей. И еще из Гревса: «Думаю, всякий ум, жаждущий правды, всякая душа, восприимчивая к человечности, получит от Флоренции нечто единственное и незаменяемое, без чего его личность останется в некоторых отношениях недоконченной...»

Там, во Флоренции, как писал известный поэт-символист Вячеслав Иванов, «желание перейти грань, где начинается чудо, тревожит и томит художника». При этом истинным художником, по его мнению, является не тот, кто может совершить восхождение в высшие духовные сферы, но тот, кто может спуститься из этих сфер к людям.

Блок, раздраженный толпами туристов и невозможностью остаться с Флоренцией наедине, то клянет за стремление не отстать от современности: «Умри, Флоренция, Иуда», – то тут же объясняется в любви: «Флоренция, ты ирис нежный; По ком томился я один...» И, наконец, гимн Фьезоле как итог флорентийских мечтаний Блока:

*Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...*

И еще двадцатидевятилетний поэт понял во Флоренции:

*Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую плоть:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.*



*Сандро Боттичелли (1445–1510)
Весна*

А вот как пишет Петров-Водкин: «Когда попадаешь во Флоренцию, искаженную, издуманную, созданную мастерами искусства, то не знаешь, кого за это благодарить: климат ли благодатный, красоту ли окрестностей, вырастивших Джотто, или хозяйку моей комнаты, старуху Бенедетту, за то, что она и ее деды сохранили для меня Флоренцию, или благодарить сорванцов-мальчишек, ни одного носа не отбивших уличным мраморам. Итальянцы экстазны и нежны к своим сокровищам».

Карсавин писал, что Боттичелли «как следует оценить можно только в оригинале». Хорошо, что сейчас мы читаем эти строки не так, как в совсем недавний советский период, и, даст Бог, еще и еще увидим картины в оригинале. Особенно замечание Карсавина верно по отношению к восприятию картин «Рождение Венеры» и «Весна», где фигуры изображены в человеческий рост.

Нелишне напомнить, что Флоренция была родиной первой оперы в мире, а также, что там была завершена «Пиковая дама». П. И. Чайковский писал во Флоренции, что теперь история человечества делится на период

до «Пиковой дамы» и после нее. Недаром Рахманинов работал во Флоренции над своими произведениями.

Признаваясь в своей приверженности к творчеству Фра Беато Анжелико, чьи фрески украшают монастырь Сан-Марко во Флоренции, Гумилев пишет замечательные строки:

*Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонарроти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти...
На Фьезоле, среди тонких тополей...
На всем, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.*

Образно передал свои впечатления от Флоренции Саша Черный:

*В старинном городе, чужом и странно близком,
Успокоение мечтой пленило ум.
Не думая о временном и низком,
По узким улицам плетешься наобум...
В картинных галереях – в вялом теле
Проснулись все мелодии чудес,
И у мадонн чужого Боттичелли,
Не веря, служишь столько тихих месс...
Перед Давидом Микеланджело так жутко
Следить, забыв века в тревожной вере,
За выраженьем сильного лица!
О, как привыкнуть вновь к туманным суткам,
К растлениям, самоубийствам и холере,
К болотному терпенью без конца?..*

И еще одна цитата того же поэта:

*...Как бабочка ночная, замираю...
Смотрю голодными глазами за окно
И радость жизни медленно впиваю,
Как редкое, бесценное вино.*

Как с этим перекликаются флорентийские реминисценции Анны Ахматовой:

*Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утолить ненужную тревогу.*

Русским певцом Флоренции стал Павел Муратов: «Ближе всего к Флоренции тот, кто любит. Для пилигримов любви она священна; в ее светлом воздухе легче и чище сгорает сердце. Счастье любви здесь благороднее, страдание прекраснее, разлука сладостнее. На этом древнем кладбище любви слишком много сожжено великих душ и слишком много пролито драгоценных слез, чтобы не верить здесь в искупление. Все, что здесь создано, создано любовью. Храм и картина, фреска и барельеф – это все кенотафии ее долгого сна, не смерти, а только сна... Флоренция жива, и ее душа еще не вся в ее картинах и дворцах, она говорит с каждым на языке простом и понятном, как язык родины».

Алексей Кара-Мурза, которого на одном из заседаний Флорентийского общества справедливо называли «современным Муратовым», выпустил в 2001 году небольшую книжку «Знаменитые русские о Флоренции». Успех этой работы, недавно переведенной на итальянский язык, показывает огромный интерес к Флоренции среди думающих кругов современной России. Он пишет: «Многие наши соотечественники сходились в том, что Флоренция, как никакой другой город в мире, заставляет задуматься не только о смене, но и преемственности человеческих положений. Флоренция – воплощенная непрерывность истории, символ общеродового человеческого бессмертия».

Тонкий и деликатный исследователь Кара-Мурза в своей книге «дал слово» некоторым из своих знаменитых предшественников, но по всему видно, какой большой запас мыслей и информации он еще приберег для своей большой и главной книги о Флоренции, еще не изданной и, может быть, пока недописанной.

А. А. Кара-Мурза через подбор отрывков воспоминаний Николая Бердяева и его знакомой Евгении Герцык показывает атмосферу, в которой сформировались взгляды знаменитого философа на Ренессанс и Флоренцию.

Бердяев пишет: «Для многих русских, как и англичан, Италия была мечтой... Безрадостность русской жизни, отсутствие в ней пластической красоты доводит нашу влюбленность в Италию до крайнего напряжения... Русская душа не дерзает вольно творить красоту, ощущает как грех творческую избыточность... Русская тоска по Италии – творческая тоска, тоска по вольной избыточности сил, по солнечной радости, по самоценной красоте. И Италия должна стать вечным элементом русской души».

Интересно отметить, как «мечта», по ходу рассуждений Бердяева, все-таки превращается в «тоску» – в неверие в осуществимость мечты. Возможно, такого рода смирение и неверие в собственные силы стало и остается проблемой интеллектуальной России по сегодняшний день. Если Данте дерзнул спуститься в Ад, а Боттичелли и Микеланджело бросали вызов небу и природе, то Бердяев не верит в возможность подобного в России. А ведь судя по сегодняшней ситуации, без Возрождения или хотя бы порыва к нему, без «вольной избыточности сил» исторические шансы страны становятся весьма проблематичными.

В этом, может быть, и заключается высота и напряженность «флорентийской мечты» современной России.

А пока что от вершин бердяевской философской мысли перейдем к ретроспективе поэтических строк о «флорентийской мечте», потому что настоящие поэты – это мечтатели, в нескольких строках достигающие вершин искусства. Кажется, у Пушкина хватало «вольной избыточности сил» и «пластичной красоты». Вот только во Флоренцию его не пустили... Но все равно в Пушкине была частица Данте, а в каждом настоящем русском поэте есть частица Пушкина!

Аполлон Григорьев в 1858 году написал:

*Над Флоренцией сонной прозрачная ночь
Разлила свой туман лучезарный.
Эта ночь – точно севера милого дочь!
Фосфорически светится Арно...*

В 1902 году Вячеслав Иванов отозвался похожими рифмами:

*В стране богов, где небеса лазурны
И меж олив, где море светозарно,
Где Пиза спит, и мутный плещет Арно.*

Михаил Кузмин в 1921 году, когда в России свирепствовал красный террор, написал во Флоренции:

*Блестят соломенно
Обложки книг.
В каком Апреле
Проснулись мы?
На самом деле
Нет тюрьмы?*

Несколько поэтических строк Мережковского о Микеланджело, может быть, стоят больше, чем весь его роман о великом скульпторе.

*Твое упорство вечное в работе,
Твой гнев, издатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонарроти...
Усиьем тяжким воли напряженной
За миром мир ты создавал как Бог...
..... и были у тебя
Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вечно невозможного хотел.*

Здесь Мережковский, как и Бердяев, говорит о невозможности достижения целей Ренессанса. В то время еще трудно было представить, что целый общественный переворот, завершившийся отставкой харизматического главы государства де Голля (как это произошло во Франции в 1968–1969 годах), может пройти под лозунгом французских студентов: «Будьте реалистами – требуйте невозможного». Высший реализм Возрождения, за который его многие приземленные потомки даже упрекают, заключался как раз в стремлении преодолеть или отодвинуть черту невозможного.

Поэты конца XX века пишут о Флоренции, не только выражая свои чувства, но и пытаясь объяснить явление Флоренции, а главное – очень не хотят с ней расставаться.

Несостоявшийся архитектор, но вполне солидный советский поэт Андрей Вознесенский написал трогательные строки.

*Ко мне является Флоренция,
фосфоресцируя домами,
и отмыкает, как дворецкий,
свои палаццо и туманы.*

*Я знаю их. Я их калькировал
для бань, для стадиона в Кировске,
спит Баптистерий, как развитие
моих проектов вырезвителя.*

*Дитя соцреализма грешное,
вбегаю в факельные площади.
Ты – калька с юности, Флоренция!
Брожу по прошлому!*

Пронзительней других из современных поэтов, может быть, выразил флорентийскую мечту Петр Вегин:

*Трудна дорога. Выгоришь – не выгоришь.
Выигрывает, кто не тормозит.
Как белых шахмат
Безупречный выигрыш,
Торжественно
Флоренция стоит!*

*Жить, плакать, ошибаться, целовать
И совершать обгоны – все по силам,
Мы молоды, чисты, смелы, красивы.
Единственно, кого не перегнать, –
Флоренцию. Простите нас, простите,
Палаццо, фрески, фонари, мосты,
По чистоте вы так нас обогнали –
Я сам не лгал, но за других прости.*

*О шахматная девочка моя,
Флоренция, святая, световая,
С чистейшею душою фонаря,
Я не умру, пока тебя не повидаяю.*

Флоренция открывала новые, даже не земли, а континенты. Этот город не повторял и не копировал старую Грецию и античность, он создавал новое, скажем, новую Америку культуры. Кстати, сухопутная Флоренция дала миру путешественника Америго Веспуччи, в честь которого «Индия» Колумба была названа Америкой, и мореплавателя Джованни Верразано, открывшего Нью-Йоркский залив, о чем и напоминает мост его имени, соединяющий два района города Нью-Йорка: Бруклин и Стейтен Айленд.

Некоторые флорентийские политики дали образцы классического правления с точки зрения обеспечения безопасности граждан города, развития культуры, яркости и многосторонности собственной индивидуальности, создания непропорционально значительного влияния маленького города-государства на всю европейскую политику своего времени. Такими были, например, Лоренцо Медичи Великолепный (1449–1492), а также его дед Козимо Медичи (1389–1464), последний в числе прочих своих громких деяний, включающих возврат европейской культуре почти уже утраченного наследия Платона и основание первой в Европе публичной библиотеки, еще потратил два года своей жизни на

последнюю в истории серьезную попытку объединения католической и православной церквей.

Флорентийская Республика и лично Козимо Медичи финансировали и всячески поддерживали проведение в 1439–1441 годах Флорентийского собора, означавшего интенсивные и широкомасштабные переговоры между католической и православной церквями об их объединении как условии серьезной военной помощи Византии против турок со стороны Запада. В итоге, в ходе этих переговоров и особенно после вскоре наступившего кровавого конца Византии, Флоренция наполнилась уникальными греческими учеными – философами и богословами, а также сохраненными в Византии рукописями Платона с его мечтой об идеальном республиканском конституционном строе, а также и новым взглядом на древнегреческое искусство, известное в Италии в основном через римские копии. В каком-то смысле Древний Рим, а затем Византия были во многом пассивными хранителями древнегреческих идей и традиций, в том числе их раннего симбиоза с библейскими идеями (например, в Александрии начала первого тысячелетия). Поэтому Флоренция стала в XV столетии каналом, через который несметное культурное богатство древних идей перетекло в христианское море, превратив его в океан, который мы сейчас называем западной цивилизацией.

Главной фигурой в организации этого процесса по воле исторического случая стал Козимо Медичи Старший. Конечно, интерес Флоренции к Платону и иному древнегреческому наследию был замечен и до Козимо, а сохранение Византии было важным условием эффективности флорентийской внешней торговли, определявшей экономическое благополучие республики. Конечно, привлечение в свои стены католическо-православного Собора усилило международную репутацию Флоренции, а значит, укрепило за рубежом позиции ее купцов и банкиров и лично позиции банкира Козимо Медичи. Все эти практические резоны не снижают масштаб задуманного.

Христианский Восток не объединился с христианским Западом, но грандиозность этого утопического замысла Медичи является примером для политиков Европы. Видимо, добрая доля утопизма необходима для успеха каждого хорошего политика, в отличие от распространенного мнения о пользе только цинизма.

Российская делегация привезла с Флорентийского собора в Россию рецепт изготовления водки, основанный на рецепте скандинавского напитка «аквавит», коим, в том числе, угощали гостей флорентийцы.

Неизвестный член российской делегации оставил первое в русской литературе (1439 год) описание города: «Тот славный город Флоренция очень большой, и того, что в нем есть, не видели мы в ранее описанных го-





родах: храмы в нем очень красивы и велики, и здания построены из белого камня, очень высокие и искусно отделаны».

Интересна судьба Максима Грека, который учился и вырос во Флоренции и стал католическим доминиканским монахом. Однако под влиянием идей Платоновской академии времен Лоренцо Медичи Великолепного – внука Козимо – он перешел в православную веру, а в 1517 году был приглашен Василием Третьим в Москву для перевода религиозных текстов на русский язык. В 1525 году, правда, он был арестован и подвергнут пытке, однако последующие 30 лет находился в «мягком заключении» и считался одним из главных мудрецов на Руси, с которым позже консультировался сам Иван Грозный.

Даже в подробной хронологии Византийской империи, как правило, мы не находим весьма важной даты Флорентийского собора – последней попытки объединить Европу и остановить турок. Вкратце напомним, что Византийская империя была установлена первым христианским римским императором Константином в IV веке н. э., что через несколько столетий привело к разделению церквей на католическую и православную, а как итог – к разделению Европы на Западную и Восточную не столько по географическому, сколько по политическому, религиозному и культурному принципу. Попытки объединения предпринимались, в том числе и насильственные, когда под видом Четвертого крестового похода западные рыцари в 1204 году захватили Константинополь и удерживали его до 1261 года. Однако в период с 1453 по 1461 год восстановленная после изгнания крестоносцев империя окончательно пала под ударами турок. Это привело к серьезной многовековой политической и экономической изоляции России, лишенной удобных южных торговых путей. Не случайно идея «возврата» проливов в Средиземное море была центральной в российской имперской внешней политике, по крайней мере до начала XX века. Россия в период падения Византии еще формально находилась под татарским игом и, по всей видимости, даже при желании не могла бы помочь Византии. Западная же Европа имела серьезные военные и политические ресурсы, но по множеству разных причин, осталась в стороне, хладнокровно наблюдая в середине XV столетия константинопольскую резню. А ведь дальнейшее турецкое присутствие на территории Югославии, Болгарии, Греции, Румынии, Венгрии, Польши обеспечило Европе бесконечное кровопролитие и страх вплоть до Наполеона, который своим египетско-палестинским ударом в «подбрюшье» Османской империи сильно умерил амбиции сельджуков и заставил перейти к оборонительной стратегии. В это время турки еще стояли в Молдавии и под Ростовом-на-Дону. Наследницей рухнувшего второго Рима – Византии – в сфере политической и религиозной традиции стала Москва, а в сфере философии и искусства – Флоренция.

В этом главная сила и источник флорентийского Ренессанса XV–XVI веков, в этом, возможно, разгадка той знаменитой «тайны», о которой писали многие российские авторы.

Кватроченто – Возрождение XV века – сплелось с Флорентийской республикой. Это было время оптимизма, когда казалось, что человек в состоянии переломить свою судьбу и добиться успеха. Таково же было настроение и мироощущение общности этих людей, объединенных в город-коммуну. Каждое усилие было направлено на обнаружение и совершенствование таланта в себе и в других, и применение его к каждому аспекту каждодневной жизни. Была создана и достигла расцвета почти за полвека относительно мирного времени цивилизация, которая, к сожалению, достаточно быстро исчезла под напором внешних обстоятельств. «Возрожденцы удивительным образом умели объединять самые возвышенные, самые духовные, часто даже платонические идеи с таким жизнерадостным, жизнеутверждающим, веселым и игривым настроением, которое иначе и назвать нельзя, как светским и даже земным. Как объединить неоплатонизм Флорентийской академии с царившим в ней беззаботным, привольным, порой игривым настроением – этот вопрос редко кому приходит в голову. А ведь флорентийцы – самые настоящие возрожденцы», – пишет строгий академик А. Ф. Лосев. Более восторженный П. П. Муратов пишет о том же как всегда возвышенно и красиво: «На необъятном кладбище истории, бесследно поглотившем целые народы, среди запутанного лабиринта могил, приютивших невечные страсти, недоволощенные порывы, неделанные дела, памятник кватроченто возвышается одиноко и отдельно, прекрасный и законченный как создание художника».

Стендаль сформулировал трудность передачи своего чувства к произведению искусства и архитектуры или к целому городу:

«Я отлично знаю, что на такие чувства можно только намекнуть, но сообщить их нельзя. Где-нибудь в другом месте подобные воспоминания могли бы показаться пошлыми, но для путешественника, находящегося на этих развалинах, воспоминания эти необъятно широки и глубоко волнуют. Человек, созданный для искусства, вроде Ж.-Ж. Руссо, читая в Париже самое правдивое описание Колизея, непременно подумал бы, что автор его впадает в крайности и поэтому смешон; а между тем автор только и думал о том, как бы приуменьшить свои переживания, и боялся своего читателя...

Какая глупость – говорить о том, что любишь! Чего можно достичь этим? Удовольствия от своего собственного волнения, возникшего на один момент, как отражение чужого волнения. Но какой-нибудь глупец, раздраженный тем, что говорите только вы один, произнесет насмешливое словцо, которое осквернит ваши воспоминания. Отсюда, может быть, происходит стыдливость настоящей страсти...

Двадцати строк не переделал я в этих заметках... Тогда я был счастлив, а я ничего не ценю так, как счастье. Я не стану просить у публики прощения за то, что предлагаю ей плохую книгу».

Автор этих строк из послесловия нашей книги впервые приехал во Флоренцию 27 мая 1993 года, утром того дня, когда террористы взорвали мощную бомбу, которая, по их расчетам, должна была полностью разрушить Галерею Уффици. С городом я был знаком скорее понаслышке, в основном по романам о любимом (по гипсовым копиям в Пушкинском музее) Микеланджело. В весеннюю сессию на юридическом факультете МГУ я вместо подготовки к экзамену по истории КПСС читал роман о Микеланджело чешского писателя Карела Шульца «Камень и боль», где о городе написаны такие строки: «Он вдыхал спящий город и вместе с ним весну, флорентийскую весну, в тысячу раз более прекрасную, чем все флорентийские весны, – флорентийскую весну, в которой всегда есть музыка, всегда что-то благоуханное и металлическое, всегда великолепие и кровь, пока из этого не возникнет флорентийская роза, из музыки, металла, красоты, крови и благоухания, прячущаяся в сумрак и молчаливая, трепещущая в голубом сне вечера».

От этих слов перехватывало дыхание, а слова «кровь» и «металл» воспринимались как яркие метафоры. С первого шага на флорентийскую почву выяснилось, что они имеют прямое значение.

В мае 2002 года один из шести Синьоров вице-мэр городского правительства Еугенио Джани показывал нам то место, где террористы оставили машину, начиненную взрывчаткой. На пути взрывной волны оказалась флорентийская башня XIII века, которая сама рассыпалась в пыль, но спасла галерею и подавляющее большинство ее шедевров. Суровые флорентийские строители дантовского времени заложили необходимый запас прочности и прикрыли далеких потомков.

Грязные руки насилия всегда тянутся к прекрасному. Однако какой же прогресс насилия произошел с тех пор, когда даже эсэсовцы в 1944 году не решились взорвать Старый мост Понте Веккьо, а через линию фронта между немцами и американцами, которая проходила прямо по городу, по реке Арно, не стреляли орудия и танки. В 2001 году, через шесть дней после варварского разрушения гордости современной архитектуры в Нью-Йорке, мы учредили в Москве Флорентийское Общество.

Интересно, что нечто аналогичное было создано в Москве в разгар войны и террора весной 1918 года. Эта организация называлась Институт итальянской культуры, и ее возглавлял самый тонкий и страстный ценитель Флоренции – Павел Павлович Муратов. Другой признанный знаток всего флорентийского, Борис Зайцев, вспоминал о себе и Муратове:



Галерея Уффици

«В эти страшные годы мы виделись часто, и оба старались, уходя в литературу, совсем отстраненную от современности, уходить и от проклятой этой современности»⁴. «...А вот наше Studio Italiano. В Лавке писателей вывешивается плакат: «Цикл Рафаэля», «Венеция», «Данте»... На зимних курсах бывало в нашей аудитории холодно! Дамы и барышни, да и другие слушатели, сидели в шубах. Вряд ли когда-либо где-либо кроме России при такой обстановке шли чтения».

Но наше Флорентийское Общество не является стремлением уйти от современности. Скорее, его скрепляет желание сплотиться вокруг того лучшего, что эта современность еще сохранила. Вообще идеи флорентийских обществ и даже Всемирного Флорентийского Общества встречались в разное время и в разных странах. Русский эмигрант Александр Рогнедов пытался организовать всемирное общество друзей Флоренции под председательством знаменитого английского искусствоведа Беренсона с участием знаменитых финансистов и политиков из разных стран, но идея не получила дальнейшего развития.

⁴ А. Кара-Мурза. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001. С. 20–21.

Герцен в 1863 году начал рассматривать вопрос о переводе Вольной русской типографии и редакции «Колокола» из Лондона во Флоренцию, где его сын преподавал в местном университете. В следующий двухмесячный приезд в 1867 году Герцен даже собрал вокруг себя небольшой интеллектуальный кружок – еще один прообраз российского Флорентийского Общества⁵.

Вице-мэр Флоренции Еугенио Джани рассказал нам, что ему известны зарубежные флорентийские землячества уроженцев города, но он впервые услышал о таком, как наше Флорентийское Общество, которое объединило в Москве в основном россиян, любящих Флоренцию и флорентийскую культуру. А еще он написал в предисловии к одной из книг Флорентийского Общества следующее:

«Эта книга представляет собой ценное свидетельство страстной любви к Флоренции людей, которым наш город обязан многим.

На протяжении нескольких лет группа влиятельных московских деятелей, основавших Флорентийское Общество, постоянно выступает с различными культурными инициативами, которые ближе знакомят Россию с Флоренцией и способствуют росту интереса к нашему городу. После падения железного занавеса, который более сорока лет разделял Восточную и Западную Европу, такие начинания, как Флорентийское Общество, сыграли важнейшую роль в организации встреч между двумя сторонами, в налаживании отношений и связей, в строительстве многонациональной и поликультурной Европы.

Петр Баренбойм сыграл ведущую роль в создании Флорентийского Общества в Москве наряду с другими выдающимися деятелями, представляющими гражданские и политические круги современной, динамично развивающейся, деятельной Москвы.

Как лицо, ответственное за международные связи Флоренции, я всегда вспоминаю то трепетное внимание, с каким Флорентийское Общество подготовило подписание Меморандума о сотрудничестве между Мэрией Флоренции и Московской думой 6 марта 2003 года. Дата подписания договора была выбрана не случайно: она совпала с днем рождения Микеланджело Буонарроти, сама же церемония проходила в Итальянском дворике ГМИИ им. А. С. Пушкина – имитации внутреннего двора флорентийского палаццо Барджелло, – в котором выставлена копия знаменитой статуи Давида, а также копии других флорентийских скульптур. Это свидетельство жизни Флоренции в российской столице, Флоренции как центра цивилизации и культуры для всей Европы.

⁵ Там же. С. 199–200.

В тот же день прошла презентация прекрасной книги под редакцией Екатерины Гениевой и Петра Баренбойма «Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре». Я был поражен, осознав степень усердия, с которым выдающиеся русские деятели культуры на протяжении двух последних столетий занимались изучением нашего города, различных его аспектов, а также людей, которые в нем жили и творили.

Настоящая книга – еще одно свидетельство того, что изучение Флоренции в русской культуре продолжается, обогащаясь новыми ценными исследованиями. Не-

сомненный интерес вызывает глава «Загадки капеллы Медичи», предлагающая оригинальное прочтение флорентийского шедевра Микеланджело, увековечившего память о Лоренцо Великолепном и его брате Джулиано с использованием скульптурных образов Утра и Ночи. Книга содержит много других ценных свидетельств, касающихся истории отношений Флоренции и Москвы, и закономерно завершается освещением работы Флорентийского Общества.

Если Флоренция действительно является «русской мечтой», то для сегодняшних флорентийцев большая честь с волнением осознавать, какой отпечаток оставил наш город в умах русской интеллигенции, выдающихся деятелей культуры, которые сегодня играют заметную роль в жизни московского и российского общества. Я убежден, что укрепление наших контактов приведет к еще большему взаимному духовному обогащению».



*Петр Баренбойм
Президент Флорентийского Общества
Картина Лолиты Тимофеевой "Человек-Вулкан"*

Ренессанс, который так удался флорентийцам в XV веке, является не чисто историческим (то есть оставшимся в истории) явлением, а скорее путеводителем по настоящему и по истории будущего. Воспоминания о Ренессансе – всегда «воспоминания о будущем». Когда Ренессанс станет прошлым, победит террор и закончится современная цивилизация. Не случайно информационное сообщение о создании Флорентийского Общества опубликовано в газете «Время новостей» от 17 сентября 2001 года под заголовком «Террор и Возрождение».

Приведем дословный текст этого сообщения:

«Ранним утром 27 мая 1993 года сицилийская мафия взорвала во Флоренции всемирно известную галерею Уффици и примыкающие дома. Люди и картины погибли во сне.

Галерея была символом европейской культуры. Торговый центр в Нью-Йорке был символом американской экономики и архитектуры. Это сопоставление доказывает: террор – не борьба мусульман и христиан, бедных и богатых, иноплеменников и соотечественников. Террор – прежде всего подавление духа и цивилизации как таковой.

Учрежденное в Москве осенью 2001 года Флорентийское Общество было задумано еще до американской трагедии. После нее тема Возрождения возникает как бы заново: теперь Ренессанс – это «воспоминания о будущем», о возможности подъема цивилизации после попытки ее разрушения...

Флорентийское Общество ставит своей целью способствовать Возрождению идей и ценностей Возрождения в России».

Флорентийское Общество хочет стать напоминанием о величии и возможности духовного подвига, совершенного во Флоренции XV века. Его, наверное, можно повторить или хотя бы попытаться повторить, конечно, по-другому. Не нужно отказываться насовсем от утопии. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Почему нет? Так бывает. Это навевает Флоренция, как она навеяла Рильке 100 лет назад.

I. Понимаешь – мы в самом начале.

Так, словно ничего еще не было.

За нами – тысяча

и один сон –

и никаких дел.

*II. Нет для меня ничего более блаженного,
чем знать это, Одно:*

что надо стать Зачинателем.
Кем-то, кто напишет первое слово
после тире, растянувшегося
на сотни лет.

Флоренция гордится тем, что в ней написана Чайковским опера «Пиковая дама», а Достоевским – роман «Идиот». Им она помогла. Может быть, сегодня она поможет кому-то из россиян сделать что-то великое.



ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из сохранившихся стенограмм заседаний Флорентийского Общества

П. Д. Баренбойм

Как глава Флорентийского Общества, – такой, знаете, почетный титул, – я должен сказать, что открывать это заседание очень приятно. Во-первых, оно уже третье. Это важно. У нас уже есть история. Во-вторых, представлять замечательные книги, которые нам подготовил Алексей Алексеевич Кара-Мурза, одно удовольствие. После выхода этого трехтомника член Флорентийского Общества Алексей Алексеевич уже вошел в историю так же незаметно, как когда-то вошел в нее автор книги «Образы Италии» Муратов и как все те, кто писали об Италии, особенно о Флоренции и России. Потому что тема оказалась вечной, нескончаемой, видимо, бессмертной.

И еще одно обстоятельство вселяет оптимизм и уверенность в будущем дне. Делегация Флорентийского Общества недавно посетила Флоренцию. Там мы представились флорентийской Синьории. И вот этот флаг, маленький флаг Флоренции, вручен Флорентийскому Обществу в зале Лоренцо Великолепного в Палаццо Веккьо, который является официальным залом Флорентийского правительства для приемов иностранной делегации. Мы были приглашены в президиум на торжестве, которое состоялось на площади Синьории, под статуей микеланджеловского Давида. Подобное действо могло проходить только во Флоренции: празднование годовщины сожжения Савонаролы. Это было костюмированное представление с флагами, в национальных костюмах и т. д. Там выступали официальные лица города, и в их речах продолжался спор: кто больше был прав? Правильным ли был подход первых Медичи в управлении городом? Или верным был подход Савонаролы? Пять сотен лет прошло. А во Флоренции продолжают спорить на эти темы. Было очень приятно и интересно, что мы, оказывае-

ся, можем ответить на это. У нас в Конституционном Суде есть судья Владимир Ярославцев, который является сторонником Савонаролы и большим его поклонником. Имеются другие судьи, например Юрий Данилов, который скорее ближе к идеям Платоновской академии Лоренцо Медичи. Наверное, вообще на свете есть только два места, где могут об этом спорить пять веков спустя. Это Флоренция и Москва. Так что, в общем, легитимность нашего Флорентийского Общества заметно повысилась. Вплоть до того, что мы уже подготовили эмблему общества, идею которой предложил Александр Владимирович Захаров. По трем вариантам эмблемы мы предлагаем провести тайное голосование. Я сразу скажу об идее, чтобы не затягивать процесс.

На эмблеме изображен зубец Кремлевской стены, которую, как известно, построили флорентийцы. А внутри этого зубца – цветок лилии, то есть флорентийский герб. Оказывается, существует громадная разница между французской, анжуйской лилией, которая является мертворожденной, и живородящей флорентийской лилией – лилией, которая цветет.

Таким образом, вниманию присутствующих представлены три картинки, понравившийся вариант следует отметить крестиком.

Мы так понравились флорентийской Синьории, что в итоге нас пригласили на ужин. Шел оживленный разговор. И когда министр иностранных дел правительства Флоренции Еугенио Джани подводил итоги встречи, он сказал: «Надо же, какие вы образованные, как вы много знаете о Флоренции! И особое впечатление на меня произвел господин Захаров, который наизусть знает всю «Божественную комедию» Данте!» Нужно сказать, что Александр Владимирович не дрогнул, опровергать не стал.

А. В. Захаров

Я не понимаю по-итальянски, поэтому....

П. Д. Баренбойм

Но, тем не менее, сразу по приезде Вы купили трехтомник Данте, так что, я думаю, все впредь.

А. В. Захаров

Действительно, у нас была замечательная поездка во Флоренцию, где мы почувствовали этот вот неподдельный интерес, который существует, к развитию отношений в рамках Флорентийского Общества. И один из руководителей мэрии сказал, что он приятно удивлен, что в России такие уважаемые люди проявляют интерес к связям с Флоренцией, к установлению системных и серьезных контактов. Но что касается Данте Алигьери, то действительно, в рамках наших разговоров был затронут этот сюжет. Един-

ственное, на что я сподобился, это цитата из первой части, из «Ада», меня это больше привлекло.

Мы знаем, что интерес к творчеству Данте настолько высок, что в Москве есть общество по изучению его наследия. Не так давно в саду «Эрмитаж» был день Европы, который замечательно организовала Екатерина Юрьевна Гениева. Я давно не видел такой великолепной феерии чувств, мыслей, красок. Все происходило именно в том месте, где установлен памятник одному из великих флорентийцев, Данте Алигьери. Я могу сказать, что до этого момента не знал, что в Москве установлен такой памятник...

Была развернута широкая продажа замечательных книг. Я купил «Божественную комедию» с изумительными комментариями.

Как известно, Данте серьезно разговаривал с теми знаменитыми флорентийцами, которые в том числе содействовали его изгнанию из города. И он выносил приговор по-своему. Многие из них стали знамениты и навсегда вошли в историю благодаря этому произведению и гневу Данте, который обрушился на них в «Божественной комедии». Мне кажется, Флорентийское Общество – своеобразный мост между Москвой и Флоренцией. Наша первая поездка во Флоренцию в рамках Флорентийского Общества говорит о том, что мы переходим от размышлений на эту высокую тему к действиям. И сегодняшняя наша встреча – презентация трилогии, в рамках которой есть рассказ о знаменитых русских во Флоренции, тому хорошее подтверждение. Поэтому, я думаю, мы с удовольствием послушаем автора и узнаем еще много интересного о Флоренции и ее взаимоотношениях с Россией. Спасибо.

П. Д. Баренбойм

Спасибо. Сейчас «Муратов наших дней» Алексей Алексеевич Кара-Мурза представит свою трилогию, но мы договорились, что во Флорентийском Обществе мы будем больше говорить о Флоренции.

А. А. Кара-Мурза

Спасибо. Я благодарю всех хозяев сегодняшней встречи: и Флорентийское Общество, и Никитский клуб, и Биржу. Поверьте, для автора очень ценно внимание к его работе дружеской и квалифицированной аудитории. Я здесь вижу многих товарищей и друзей по науке, по московской клубной жизни. И я отдельно хотел бы поблагодарить издательство «Независимая газета». Тут присутствует директор издательства, одновременно идеолог его издательской политики Ольга Морозова. Действительно, очень многие вещи происходят благодаря счастливой случайности. Получилось, что нас познакомили третьи лица, и проект сразу завертелся, хотя он сначала в планах не стоял. Ну, издательская динамика здесь как-то сошлась с тем, что

и тексты были уже во многом у меня готовы. И все это достаточно быстро вышло. Здесь присутствуют и другие сотрудники издательства. Я их тоже благодарю, поскольку я увидел эту работу изнутри, – тяжелая, прямо надо сказать, работа. И когда автору кажется, что текст готов, для издателя все только начинается. «Независимая газета», на мой взгляд, одно из самых респектабельных и в то же время стильных и изящных издательств. Я очень рад, что попал в хорошую компанию авторов, которые издаются и переиздаются в этом издательстве.

Теперь о самой задумке. Когда я около двух лет работал во Франции, я начал собирать материал о знаменитых русских в Париже. Оказалось, что это тема совершенно неисчерпаемая. И книга все время расплзалась, и очень трудно поставить точку, потому что для профессионального историка (а я по образованию историк) всегда понятна мера своего незнания предмета. Очень трудно выбрать 30 русских фигур из 300 первейших фигур, которые так или иначе связаны с Парижем. И – главное – непонятно, вокруг чего в Париже центрируется сама проблематика. Другое дело – Италия. Все три города, которые уже представлены в серии – это Флоренция, Рим и Венеция. (Кстати, серия будет продолжена: в издательстве уже лежит четвертый том – «Знаменитые русские о Неаполе», куда будут включены также материалы обо всем Неаполитанском заливе – о Капри, о Сорренто, о Помпеях. И там появятся новые интересные персонажи. Но это отступление: сегодня речь идет о презентации уже готовых томов.)

В Италии оказалось, что вокруг каждого города центрируется некоторая проблема. Да, Париж – это очень здорово, я его очень люблю. Но какая проблема могла бы центрировать книгу о русских в Париже? Проблема эмиграции как таковой? Или Французская революция? Немножко банально все звучит. Да, Париж был для русских местом изгнаничества, но в то же время это место некоторого шика, некоторого отдохновения, но все это – не проблема, на мой взгляд. Я ведь по новой своей специальности – философ, сейчас заведу отделом социально-политической философии в Институте философии Академии наук. Для философа профессионального очень важен не просто исторический материал, но и его центрирование вокруг некой философской, если хотите, глубинной экзистенциальной проблемы.

Все три итальянских тома, которые сегодня представлены, концентрируются вокруг серьезных философских проблем. Рим – это проблема вечности истории, вечного города. Что такое в истории вечность? И в римском томе собраны 30 персонажей, которые размышляли над тем, что такое вечность в истории в связи с вечным городом Римом.

Венеция – это тема умирания, умирания цивилизации. Русских она тоже цепляла очень сильно. Многие понимали, что русская цивилизация –

всегда на грани небытия, ее золотой век в прошлом. Это – тоже проблема. Это медленное «проседание цивилизации», подобно тому, как Венеция опускается под воду...

Флоренция, о которой мы сейчас ведем речь, это сразу две темы. Одна тема – в большей степени интеллектуально-политологическая. Здесь правильно говорилось – тема Данте... Мережковский очень точно сказал: «Данте – это священный патрон всей мировой, литературно-политической эмиграции». Да, тема эмиграции и изгнания для русских – одна из самых тревожных и самых значимых. Это одна тема флорентийская. А вторая – это уже связано не с собственным мироощущением русского изгнания, а связано просто с исторической ролью Флоренции. Флоренция – это родина творчества. Там что-то такое произошло, что дало импульс всему европейскому ренессансу. Там жили те люди, которые сейчас являются ключевыми для понимания всей новой Европы. Вот я, когда шел сюда, подумал: а что может вообще в Европе сейчас (да и в мире, возможно) сравниться с культурно-исторической ролью Флоренции, из городов? Из столичных и не столичных городов? Да, Флоренция была столицей великого герцогства Тосканского. Некоторое время, всего несколько лет, была первой столицей объединенной Италии. И все-таки это сегодня не столичный город. И – такая общепризнанная культурно-историческая значимость... Наверное, Санкт-Петербург в чем-то может сравниться, а кто еще? Да, многие сильные и исторически значимые города претендуют на некоторую самостоятельную роль. Приходит на ум Барселона, Эдинбург, но все они недотягивают, безусловно, до Флоренции. И в этом смысле, конечно, Флоренция культурно-исторически выше Венеции. Правильно сказал тот же Мережковский, что «Венеции могло и не быть». Это – такая оригинальная завитушка на истории, но в принципе ее могло и не быть. Да, здорово, что она есть. Но ее могло и не быть. «А что было бы с нами, если бы не было Флоренции?» – спросил Мережковский...

Теперь несколько слов о самой работе над книгой о Флоренции. Да, не все значимые персонажи там присутствуют. Тот же самый Мережковский – у меня очень много материалов по нему. Они с Зинаидой Гиппиус много жили и во Флоренции, и под Флоренцией. Но я, опять же, как профессиональный историк, знаю меру своего незнания, в данном случае – Мережковского, поскольку очень много в западных архивах вещей и там слишком много материалов, чтобы писать об этом скудно.

Отдельная огромная тема: Мережковский и Муссолини. Ведь это лично Муссолини дал ему «грант» на написание книги о Данте... Короче говоря, Мережковский не вошел в книгу не потому, что я его не знаю, а потому, что я его слишком хорошо знаю. И слишком хорошо знаю, чего я о нем не знаю...

Еще предстоит доработать многие вещи. Я, например, много думал, надо ли включать в книгу о Флоренции Иосифа Бродского? Он тоже многократно там был, хотя это не был его город. Венеция – его город. У него есть прекрасные стихи о Флоренции, но, тем не менее, пока я отставил эти вещи.

Кстати, Тарковским написана «Ностальгия» во Флоренции – знаю, где, знаю, как, кто окружал его, но эти вещи тоже требуют еще особой работы. Как, кстати, требуют особой работы и другие тома.

Тут ведь есть еще одна большая проблема – чисто рабочая, творческая. Очень много исследователей, которые всю жизнь пишут биографию одного человека. Есть блестящие совершенно примеры того, как это делалось. И, наверное, все персонажи, которые в моей книге, а там 25–30 персонажей на книгу и иногда они пересекаются, тем не менее, есть блестящие общие биографии того или иного персонажа, героя. А вот я попытался пойти другим путем. Я взял 30 персонажей, которые пишут на одну и ту же тему. Не все об одном, и не один обо всем, а 30 человек великих пишут на одну и ту же тему. Вариации на тему Флоренции в данном случае. А второе – меня интересовала не просто биография. Я хотел почувствовать хотя бы один день из его жизни в городе. Вот это, на мой взгляд, – высший пилотаж историка. Не просто знать вообще обо всем, а если это историк, он должен почувствовать хотя бы один день по-настоящему. И вот там, где мне удавалось это сделать, мне кажется, больше всего я доволен именно этими моментами. Причем не всегда везет с источниками, конечно. Хорошо, когда есть такой источник, такой как дневник Чайковского о том, как он писал «Пиковую даму» во Флоренции. И многие читали сам первоисточник. Естественно, для меня это был базовый источник о Чайковском, хотя очень много дополнительных вещей, которые перепроверяются, сопоставляются: мемуарная литература, переписка и т. д. А вот по Достоевскому таких источников нет. Он жил на трех квартирах во Флоренции. Первый его приезд очень сложно мне достался. Идентификация места, где был он в 1862 году вместе с Николаем Страховым всего неделю. И тем не менее удалось установить место, контекст, через вот такие боковые ходы. Второй адрес, где, собственно, и был написан роман «Идиот». Единственная, кстати, внутри, в черте города мемориальная доска, посвященная знаменитому русскому. Написано: «Где-то в этих местах Федор Михайлович Достоевский написал свой роман «Идиот»...» Прямо напротив Палаццо Питти – это очень известное место, хотя я заметил, что многие даже русскоязычные гиды этого не показывают, все бегут по Виа Гвиччардини прямо в Палаццо Питти. Хотя напротив висит мемориальная доска. Ну не совсем понятно тогда, что ж такой мрачный роман и почему в мемуарах такие мрачные воспоминания об этой квартире – если выходит прямо на королевский дворец. Тогда

получается, что он жил не там, а где-то в переулках. И вот удача такая исследовательская. Я, кстати, сравниваю эту историческую работу с походом опытного грибника за грибами. Он не просто идет и хватает все, что попадется по дороге, – он знает, где искать. Вот, на мой взгляд, высший пилотаж исследователя, к чему я всегда призываю своих студентов и аспирантов, – это научиться знать, где искать. Потому что, прочесывая все подряд, ничего невозможно создать. Нужна интуиция. Идешь в «историчку» и чувствуешь: вот там что-то должно быть... открываешь – и точно: есть!

Так вот в одну из поездок во Флоренцию я зашел в знаменитую библиотеку, «Кабинет Вьесе», как его все называют. Многие русские посещали эту библиотеку. И действительно, формуляр: Федор Михайлович Достоевский, и, естественно, адрес. Адрес, где он останавливался тогда во Флоренции. Я увидел, что это тот же самый дом, на котором мемориальная доска. Но только совместив это с некоторой мемориальной литературой, мемуарами Анны Георгиевны Сниткиной-Достоевской, которая говорила про этот ужасный колодец, когда выглядываешь в окно, и про ту, извините, вонь, которая идет из этого места. Это, конечно же, не напротив королевского дворца, а окна выходили в один из маленьких переулочков. И вот там был написан «Идиот», в дешевой квартире. Анна Григорьевна тогда уже была почти на сносях, выписали тещу, втроем, в одной маленькой комнатке. После этого приходит письмо от Каткова, из «Русского вестника», где печатался порциями «Идиот», о том, что деньги будут высланы в ближайшие дни. И Достоевский, чтоб сэкономить, меняет квартиру и переселяется в худшие условия, в район Нового рынка, а деньги все не идут и не идут. И он уже не экономит, а он уже только тратит. Раньше он платил помесечно, а теперь он платит поденно, а денег все нет и нет, а температура за 40 по Цельсию, потому что это июль и август. И вот тогда многие вещи становятся понятными. Кстати, по Достоевскому работа еще предстоит, вот эта третья его квартира в районе Меркато Нуово... Он пишет в мемуарах о том, что, выглядывая в окно, видит лоджии Нового рынка, слышит жуткий крик людей и ослов, и только успокаивает вот этот знаменитый бронзовый «порчелино» («поросенок») – хотя тот, кто посещал Флоренцию, знает, что это не поросенок вовсе, а большой бронзовый кабан. Так вот, Достоевский видел его из своих окон. Но нет точного адреса; библиотеку он уже не посещал в такую жару, и только можно догадываться, где он жил...

Поэтому это неисчерпаемая, конечно, тема: знаменитые русские во Флоренции. Но то, что Флоренция сделала для русской культуры, это совершенно беспрецедентный вклад. И я хотел в заключение подчеркнуть: Флоренция способна и дальше многое приносить русской культуре. Ведь в 10-е годы по почину знаменитой русской меценатки графини Варвары Бобринской тысячи русских провинциальных земских учителей ездили в

специальные, дешевые экскурсии в Италию. И именно Флоренция была центром этой поездки. И есть воспоминания. Это, конечно, был не просто поверхностный туризм, а это был некоторый шанс для человека, который работает на ниве образования, и этот шанс, я уверен, большинство пыталось использовать. Не знаю, насколько это успело принести пользу всей русской культуре, но то, что стратегический выбор был сделан правильно, безусловно.

Были более элитарные поездки – студенческие, магистерские поездки, под руководством знаменитого русского историка Ивана Михайловича Гревса, знаменитого знатока Флоренции. Эти путешествия Гревс готовил месяцами, готовился вместе со студентами, называя поездку во Флоренцию не просто туризмом, но паломничеством. Они изучали буквально каждый дом в историческом развитии. У них был целый план, они жили три недели во Флоренции. По мысли Гревса, Флоренция выше Рима, тем более Венеции.

Сейчас «русские караваны» (как их называют итальянцы) снова стали заметны на улицах Италии. Кто бывал, знает, что на площади Сан-Марко, например, в Венеции русский голос слышен чаще любого другого. Можно спорить о качестве этих поездок. Но я – оптимист. Меняются приоритеты спустя практически век, вновь складывается ощущение огромной интеллектуальной пользы Италии...

Поэтому я хочу еще раз поприветствовать этот почин создания в Москве Флорентийского Общества, пожелать ему успеха, пожелать всем, кто еще не был во Флоренции, обязательно там побывать. Наверное, она входит в тройку городов, незаменимых для гуманитария. Ну а я обещаю, что будут, наверное, новые книги, хотя после каждой книги я оглядываюсь, думаю, что я больше уже не потяну. И вот когда я издал трехтомник, я отказался от Генуи, отказался от Милана, от Неаполя. Но через два месяца как-то немножко передохнул и для себя сказал: «Нет, Неаполь я все-таки напишу, вместе с Капри и Сорренто». Не знаю, что будет дальше. Я думаю, что наше общение интеллектуальное поможет всем нам. Здесь очень многие относят себя к «русским европейцам». Мы много написали на эту тему. Я думаю, что такие акции, как тот «карамзинский юбилей», который праздновался недавно в Эрмитаже, как те проекты, которые делает Библиотека иностранной литературы; как то, что делается и будет делаться во Флорентийском Обществе, – все это поможет нам создать ту интеллектуальную среду, в которой нам всем будет лучше и интересней работать. Спасибо большое.

П. Д. Баренбойм

Большое спасибо, Алексей Алексеевич. Вы, конечно, имеете право взять слово на любой стадии нашей дискуссии. А теперь начнем дискуссию. Выступления 5–7 минут. Кто возьмет слово?

Е. Ю. Гениева

У меня, Алексей Алексеевич, к вам вопрос в связи с тем, что вы не включили, и сделали это, судя по всему, совершенно сознательно, Иосифа Бродского в число своих великих русских, которые связаны с Флоренцией. Мне было все-таки очень интересно узнать причину.

Но у меня есть еще и второй вопрос. Флоренция прошла по судьбам русских людей, в том числе и современных, не по касанию, а довольно глубоко. Я думаю, что аудитории это известно, а если нет, то Вам-то, конечно, известна связь Андрея Дмитриевича Сахарова с Флоренцией. Есть его заметки по Флоренции, очень любопытные, следует отметить. Мне, конечно, было бы очень интересно узнать, почему Вы так жестоко отсекали такой вкусный, лежащий на поверхности материал. Спасибо.

А. А. Кара-Мурза

Большое спасибо, что вы сейчас заговорили об Андрее Дмитриевиче Сахарове. Это – развитие темы русского изгнанничества. Сюда же относятся и Бродский, и Тарковский. У меня есть большие заготовки, связанные с этой проблематикой русского диссидентства. Причем я начинаю ее издавна. Ведь Великое Герцогство Тосканское было достаточно либеральным. Во всяком случае, в XIX веке там было очень много эмигрантов из Австро-Венгрии, существовали диссидентские клубы. Кстати, Николай I во время поездки по Италии очень быстро покинул Флоренцию именно по причине того, что ему казалось, что это «рассадник диссидентства», он почувствовал там «интеллектуальную фронду». Вот над этим большим проектом, связанным с проблемой русского изгнанничества, я еще буду специально работать. И Андрей Дмитриевич Сахаров займет в нем, безусловно, подобающее ему высокое место.

С. П. Капица

Я поделюсь своими впечатлениями о Флоренции. Они относятся к 1968 году. Приблизительно в то время состоялась моя встреча с Сахаровым. Мне бы хотелось обратить ваше внимание на «Путевые заметки» по Италии Сергея Ивановича Вавилова. Замечали вы их или нет, я не знаю. Екатерина Юрьевна Гениева кивает, видимо, сигнализирует, что она о них знает. Алексей Алексеевич, Вы говорили, что будете писать о Неаполе. В Неаполе была морская биологическая станция, которая, кстати, находи-

лась под большим влиянием русских ученых, Ковалевского и Мечникова. Вы обратили на это внимание? Идеи Мечникова, которые, по существу, лежат в основе современной теории иммунитета, зародились в Неаполе.

Есть еще одна занятая вещь. Галилей жил в Италии, но подпольно его труды издавались в Голландии. Самое любопытное, что то же самое издательство издавало века спустя «Рассуждения о мирном сосуществовании и прочем» Сахарова. Голландия всегда была неким оплотом свободомыслия, и вот почти через 400 лет два великих мыслителя нашли выход своим идеям именно в голландском издательстве. Один из Флоренции, другой в тот момент своей жизни – из Нижнего Новгорода. Об этом мне хотелось напомнить, говоря о великом городе.

Ф. М. Бурлацкий

Я прочел небольшой очерк Николая Бердяева о Флоренции и о взаимопроникновении культуры русских людей и итальянской, в особенности флорентийской культуры. На очень небольшой площадке он высказал самое главное о русском характере, русской культуре, несколько тяжеловесной, углубленной в себя и драматичной, трагической по своей направленности и изяществу, легкости, глубине необычной флорентийской итальянской культуры. Нас всегда тянет к тому, чего недостает нам самим. Мне по дальней ассоциации пришла в голову мысль, может быть, спорная и немножко странная. Соотношение русской и американской культур, и русской и европейской культур, наше тяготение то к Европе, европейской культуре, европеизму, то к Америке.

Меня всегда поражало, что Ленин, который был, в общем-то, культурным и образованным человеком, при всех обстоятельствах так не любил Европу. Он столько времени прожил в Европе, но ненавидел ее установления, постоянно ругал парламент, практически ничего не писал о памятниках исторических европейских и так далее.

Затем Сталин и Ленин в какой-то степени сориентировали нас именно на Соединенные Штаты. Соедините-ка, помните, «соедините русский революционный размах и американскую деловитость». Все мы несколько помешались на этом соединении. И дело дошло до того, что Хрущев, это уже на моей памяти, включил все это в программу партии, догнать и перегнать не Европу, а как раз Соединенные Штаты. Это очень любопытно.

И потом после Хрущева мы все время примерялись к США. Ну, может быть, потому, что мы претендовали на звание сверхдержавы, но и не только поэтому. Мне в этом видится нечто другое. Мы готовы были от Запада заимствовать то, что японцы позаимствовали у Запада еще в 60-х годах прошлого века, то есть технологическую культуру. Вот откуда это тяготение к США. Мы хотели взять технику, организацию, строить паровозы, маши-

ны, пушки, бомбы. И не хотели заимствования подлинной культуры. Отсюда наше пренебрежение к старушке Европе или невнимание к ней вопреки русской национальной традиции, которая прекрасно воплощена в произведениях, которые подобрал для нас Алексей Кара-Мурза. Это ценнейшее в этом смысле издание.

Мне кажется, что мы сейчас подходим к рубежу понимания того, что мы европейцы. Вот говорят, что мы евроазиаты. Это мне кажется (и всегда казалось) вздором. Азиатчина оказала на нас чудовищное влияние – иго, и через него многие другие невкусные сюжеты. На самом деле изначально мы были европейцами, потом стали утрачивать эти качества. А теперь, может быть, мы возрождаемся как русские европейцы. Русские европейцы до революции дают нам блистательные в этом отношении рецепты и указания, где искать, что искать, чему учиться.

Флоренция в этом смысле – оазис. И архитектура, и изобразительное творчество в целом, и поэзия, и политическая культура. Мы начинаем «обнюхивать» политическую культуру Флоренции. И мне кажется, что наше сообщество могло бы содействовать через Флоренцию, через Италию тенденции европеизации, духовной, культурной европеизации. Это не значит переориентацию, антиамериканизм, который мне совершенно не нравится, но все-таки это возвращение, духовное возвращение в Европу.

В заключение я хочу поблагодарить от всей души Алексея Кара-Мурзу. Я общался с ним на политическом поприще и не знал, как глубоко и как интересно он «копает» в сфере культуры и как полезно работает на ниве духовности. Спасибо.

В. К. Кантор

Я начну с книг, ради которых мы, в общем-то, собрались. Перед нами совершенно удивительные книги. И я хотел бы поставить их в некоторый контекст. Я как раз занимаюсь проблемами русского европеизма и даже выпустил книжку «Русский европеец». Меня всегда поражало, что, говоря о русском европеизме, мы поминаем обычно Германию, разумеется, Францию, известна галломания русских дворян, Англию, англоманов меньше, но все-таки и они были. И почти никто, как правило, в историко-культурных трудах не упоминает про Италию. Это удивительно. Меня еще в университете поразило, что «Мертвые души» строятся как трехчастная Дантова «Божественная комедия». И написан только первый акт, «Чистилище» не дописано, а на «Рай», исходя из материалов о России, у него, конечно же, и духу не хватило. Какой же рай в этой стране? «Рай» можно сделать только так, как сделал Данте.

И потом, дальше – больше. Как-то какие-то отголоски я увидел у Гончарова, даже немного об этом написал. Все говорят о Данте. Анне Андре-

евне Ахматовой однажды задали вопрос, читала ли она Данте? На что она горделиво подняла голову и ответила: «Я всегда читаю Данте». Вот камертон русской культуры!

Я не случайно вспомнил Гоголя и поминаю сейчас Ахматову. Я уж не говорю про Мандельштама с его разговором о Данте и так далее. Алексей Кара-Мурза вспоминает здесь своих родственников, деда с бабушкой, которые бывали в Венеции. Мой дед – бывший профессор геологии латвийского университета, написал две пьесы. Одна называлась «Сандро Боттичелли», а другая «Виктория Коломна». Таким образом, у меня, так же как и у Алексея Алексеевича, тяга к Флоренции носит семейный характер. Как выяснилось, русских европейцев не так мало.

Мне было очень приятно и интересно читать книги Алексея Кара-Мурзы. Я не говорю о том, что чтение само по себе захватывающее, можно сидеть, листать, можно открывать в середине, а можно читать подряд. Было бы время, поскольку эта книга требует какого-то времени. Но я сейчас о другом. Алексей увидел здесь, на мой взгляд, очень важную вещь. Он не случайно начал с Данте, фигуры знаковой для русских изгнанников. Мы сейчас вспоминаем Флоренцию как место европейской святой культуры, но не надо забывать, что Флоренция была местом, из которого Данте был изгнан.

Между прочим, у Савонаролы и Медичи, о чем упоминал Петр Давидович, были очень серьезные столкновения. Савонаролу ведь казнили не просто так, его сожгли. Надо вдуматься, до какой энергии и ярости доходили эти споры.

Наверное, все уважаемые мной здесь присутствующие читали Томаса Манна, где этот вопрос будет поставлен, и где Томас Манн так и не ответил, кто же прав. И не помню кто, по-моему, Пико делла Мирандола, спрашивает Лоренцо Медичи о Савонароле. «Мне трудно ответить, – говорит он, – но кажется, нравственность стала возможна». Савонарола – символ нравственности, а Лоренцо Медичи – символ прекрасного, эстетики. Два этих момента сошедшиеся, гениально угаданные Томасом Манном в Италии, во Флоренции, Алексей замечательно показал в своих книгах. Это касается не только Флоренции, я имею в виду и Венецию, и Рим, разумеется. И каждый город со своей темой. Хотя тема все та же. Вот это странное и естественное сближение трагического и возвышенного, которое, может быть, выразил Мандельштам в своих строчках: «Может быть, из тяжести недоброй и я когда-нибудь высокое создам».

Я считаю, что эти три книги заполняют нишу в сознании, повествуют о взаимопроникновении двух культур. Италия сыграла важную роль для России. И Алексей сумел это нам показать. Как говорил Хайдеггер, чтобы понять, надо показать. Европа пошла из Италии. Италия – родина Ренес-

санса, который потом охватил всю Европу, по своему переворотил, вызвал ответную Реформацию. Скажем, был небезызвестный немец, Гете, влюбленный в Италию. Он считал, что это лучшее, что ему в жизни довелось увидеть. По-моему, это говорит о многом.

Любой крупный деятель европейской культуры, конечно, пережил боль и очарование Италией, и русские мыслители и художники тоже. Именно это Алексей отчетливо нам показал, за что, в общем, кроме спасибо, сказать, наверное, ничего нельзя.

Удивительно, всегда кажется, как просто то, что он сделал – собрал, прокомментировал, издал. А ведь самое простое – это надо придумать, это надо осознать. Именно это осознание дорогого стоит.

П. Д. Баренбойм

Да, Флоренция стоит бедни. Все-таки приятно быть президентом Флорентийского Общества. Хочется себя считать главным флорентийцем в Москве, поскольку должность главного европейца уже занята. Дело в том, что у нас выходит журнал «Вестник Европы». Его главным редактором является Ярошенко Виктор Афанасьевич, который с факелами и фейерверком утвердил свое право называться главным европейцем Москвы. Поэтому, Виктор Афанасьевич, я думаю, надо что-то сказать.

В. А. Ярошенко

Должен признаться, сегодня я испытываю глубокое чувство зависти к Алексею Кара-Мурзе. И я рад за него, потому что читал его книжки политологические, философские. Они высокопрофессиональны, они умны. В них видно глубокое эмоциональное напряжение и такой внутренний восторг души, который переворачивает жизнь. Я представляю, с каким удовольствием он писал их и работал над этим благодарным материалом.

Я думаю, Алексей Алексеевич вряд ли остановится на серии этих блестящих книг, он пойдет дальше. Я думаю, что все меньше и меньше его душевных струн будут затрагивать такие важные для России вещи, как политология, как структура нашей власти. Такие глубокие исследования, связанные с историческим обоснованием в русской душе тяги к этим священным камням, не случайны. Я вспоминаю презентацию книги Владимира Кантора года три назад, когда была фотовыставка Алексея Алексеевича «По священным камням Европы». Блестящие фотографии. Он ведь, наверное, мог воспользоваться правом автора и, как многие, собственными фотографиями иллюстрировать свою книгу. Но даже в этом он достаточно скромно.

Взгляните внимательнее, вроде бы это просто русские о Венеции, русские об Италии, русские о Риме, но в качестве единой нити повество-





вания все время идет очень ненавязчивая, интеллигентная и увлеченная авторская интонация.

Россия и Европа – это абстракция, а если рассматривать взаимосвязь России и конкретной страны, конкретного человека или города – это уже острая находка.

В числе будущих тем автор, на мой взгляд, мог бы затронуть российское православие и итальянский католицизм. Это совершенно не банально. Ведь Россия всегда в какой-то степени противопоставляла себя Италии именно из-за католицизма. И поэтому темы России и Рима, России и Флоренции, которая была как бы диссидентом Рима, невероятно интересны.

Я когда-то, лет двадцать назад, на протяжении двух лет работал в журнале «Сельская молодежь». Те два года я просидел в исторической библиотеке. И написал некий такой текст «Любовь к Венеции». Я помню, что он начинался с того, что моя любовь к Венеции создана из текстов, из книжек и картин.

В то время никуда нельзя было поехать, поэтому я написал: «Сидите дома, мой читатель. Любите, как я, на расстоянии». В общем, я до сих пор продолжаю «любить на расстоянии», потому что так нигде и не бывал. А вот недавно побывал в Греции, и в этом номере описал свои восторженные бульканья неофита, который прикоснулся к античным камням.

Нам предстоит снова пройти Европу пешком, нам предстоит всю Европу прожить. Европеизм и антиевропеизм состоит из нашего к нему эмоционального отношения. Русское сознание всегда очень противоречиво. Мы постоянно позиционируем себя с Европой в какой-то очень сложной комбинации.

В заключение хотелось бы отметить, что для Алексея Алексеевича Венеция – это город смерти, а для меня это город, который разрушил Константинополь, разграбил и погубил Грецию, в некотором смысле уничтожил Акрополь. Спасибо.

М. С. Киселева

Я – доктор философских наук и работаю в журнале «Человек». В связи с теми красивыми и действительно очень содержательными книгами, которые мы сегодня имеем счастье прочесть, мне пришло на память когда-то читанное и не раз пересказанное студентам ощущение новизны досуга, о котором говорил Никколо Макиавелли. Досуг – это великое счастье человека, и только тогда человек и может жить, когда он имеет этот досуг и употребляет его на обогащение своего духовного мира. И вот после тяжелого рабочего дня, придя домой и сняв с себя пыльные, официальные одежды, ты облачаешься в прекрасную тогу, берешь в руки книги, открываешь их и начинаешь прекрасную беседу с людьми, которые тебе дороги.

Люди, дорогие сердцу Никколо Макиавелли, жили в античности. В наши дни с помощью книг Алексея Кара-Мурзы мы можем ощущать себя почти в том же состоянии, в каком ощущал себя Макиавелли, когда он открывал книги своих друзей. Мы тоже можем открыть книгу «Знаменитые русские...» благодаря нашему другу Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе, звездному историку, что для меня, например, является большой неожиданностью. Эту сторону его таланта я не знала. А благодаря Флорентийскому Обществу мы имеем возможность беседовать о прекрасных минутах, пережитых когда-то русскими людьми во Флоренции. Чувства, пережитые этими людьми, переполняют наши сердца.

И еще один вопрос: предполагается ли присутствие прекрасных флорентиек на заседаниях Флорентийского Общества? Ведь Флоренция, как известно, оставила в искусстве замечательные художественные образы великолепных дам эпохи Возрождения. Очень, надо сказать, ученых дам.

П. Д. Баренбойм

Как председатель Флорентийского Общества хочу вас заверить, что мы создавали общество, конечно, ради и из-за прекрасных флорентиек. Флоренция, да это ведь женщина, это вечная весна! А мы, мужчины, просто на службе великого флорентийского женского начала.

М. В. Левнер

Сегодня много говорилось о том, что на улицах Италии все чаще слышна русская речь, а на площади Сан-Марко она превалирует. А прислушивался ли кто-нибудь к содержанию этой речи? О чем говорит молодежь или более взрослые люди? Никто из них не знает истории итальянских городов, по большому счету многие вообще не понимают, где они находятся. Путеводители, используемые туристами, дают им абсолютно поверхностные знания.

На мой взгляд, очень важно, чтобы люди, особенно молодые люди, дети знакомились с Флоренцией через воспоминания, мемуары великих соотечественников и сопоставляли свои ощущения от современной реальности с прочитанным. Поэтому, мне кажется, Екатерина Юрьевна, что в Вашей программе «Пушкинская библиотека» подобные книги должны обязательно попасть и в сельские библиотеки, и в школьные библиотеки. Хотя бесспорно, нельзя познавать и любить мир только через книгу. Мне кажется плодотворной идея о том, что Флорентийское Общество могло бы способствовать поездкам школьников и студентов во Флоренцию. Конечно, они должны ехать в эти места уже с определенным гуманитарным багажом, обогащая свои знания не с помощью поверхностных путеводителей,

а, например, с помощью таких великолепных книг, которые всем нам подарил сегодня Алексей Кара-Мурза. Книги действительно замечательные. От имени моей семьи большое Вам спасибо.

В. И. Радченко

Ну, а теперь о Флоренции. Меня как юриста, давно пришедшего к убеждению о целесообразности отмены смертной казни, не может не привлекать тот факт, что Флоренция, точнее герцогство Тоскана, стала первым государством в Европе, а возможно, и в мире, отменившим в законодательном порядке смертную казнь. Произошло это в 1786 году, когда эрцгерцог Леопольд обнародовал Уголовный кодекс, исключивший лишение человека жизни в качестве меры уголовного наказания.

Обычно это событие связывают с именем Чезаре Беккариа, выдающегося гуманиста, провозгласившего в середине XVIII века необходимость отказа от смертной казни, чьи идеи были положены в основу Уголовного кодекса Тосканы. Отдадим должное Беккариа, но без особой ауры, которая свойственна Флоренции, вряд ли его идеи стали бы реальностью.

Окунувшись в атмосферу Флоренции, ознакомившись с ее историей, начинаешь понимать, почему именно здесь произошло столь значимое событие. С начала XII века город становится коммуной, в нем устанавливается республиканская форма правления, и несмотря на то, что временами власть сосредотачивалась в руках кучки олигархов, широкие политические и экономические свободы, присущие Флоренции, способствовали превращению города в один из центров Возрождения. С ним связана деятельность таких титанов той эпохи, как Данте, Боттичелли, Микеланджело, Макиавелли.

Свобода мысли, свобода творчества предрасполагали к развитию идей гуманизма, высокая концентрация шедевров искусства на единицу площади, естественно, приводит к мысли о высокой ценности человеческой жизни.

И я думаю, не случайно именно во Флоренции были впервые реализованы мечты гуманиста Беккариа. Сегодня отмена смертной казни стала свершившимся фактом, но тех, кто был первым, забывать нельзя.

У нас серьезные проблемы с установлением правового государства. Не могут нормально работать законы в той стране, где больна экономическая база общества, наши политические и экономические неурядицы не позволяют реализовать тот потенциал, который заложен в нашей правовой системе, воплотить в жизнь те возможности, которые мы получаем в ходе судебной реформы. Когда бываешь в Европе, видишь, что там во многом решены экономические проблемы, а значит, и в полной мере работает правовая система.

Нам сегодня приходится состязаться с Португалией. Я был в Португалии. Заезжаешь в португальскую деревню и вдруг чувствуешь, что это очень напоминает мою родную брянскую деревню. С одной разницей: у них в деревне есть таверна, а у нас таверны нет, поэтому пьют каждый в индивидуальном своем огороде. Думается, у нас есть надежды на сближение экономического уровня, а это сблизит нашу правовую систему с европейской.

Впечатления от поездки во Флоренцию просто великолепные. Видимо, правильно, что в конце XIX века Флоренция шесть лет была столицей объединенной Италии, потом Вечный город вернул себе честь быть столицей. Но все-таки несколько лет духовная столица страны (именно так я воспринимаю Флоренцию) была юридической столицей. Когда выходишь на площадь Синьории, невольно попадаешь под впечатление той концентрации истории, государственного интеллекта и искусства, которые там сосредоточены. Статуи великих флорентийских скульпторов, галерея Уффици – это, конечно, производит впечатление, особенно когда ты попадаешь туда впервые. Сами флорентийцы привыкли, по-моему. На центральных площадях коренных флорентийцев встретить сложно. В основном там разноречивая речь. Но, что правильно было отмечено, часто слышен русский язык. Сегодня здесь много говорилось о том, что молодежь плохо знает Италию. Что же, можно только посочувствовать. С другой стороны, очевидно, что в 20–25 лет вес имеют другие ценности, чем в 40 и старше. Поэтому не будем особенно упрекать нашу молодежь. Но, естественно, следует по мере сил помогать молодым в обретении знаний о том, что такое Италия, что такое Флоренция.

Современная Европа во многом начиналась с Италии, потому что без эпохи Возрождения, наверное, не было бы ни блестящей культуры Франции, ни великого технологического прорыва Англии и Германии. Повидимому не было бы реформ Петра Первого и всего, что благодаря им происходило с Россией впоследствии.

Говоря о современной правовой системе, также нельзя не отметить, что ее родиной, колыбелью права была Италия. Курс римского права юристы изучали в советские годы, изучают и сейчас. Именно поэтому мне очень приятно, что сегодня здесь с разных точек зрения мы говорим о Флоренции, которая действительно, наверное, один из самых замечательных и один из самых выдающихся городов мира.

Наше Флорентийское Общество представляет собой весьма необычную форму объединения людей, интересную арену для интеллектуального общения. А одним из важнейших результатов деятельности общества и лично его президента, Петра Давидовича Баренбойма, на мой взгляд, является просветительство, благое дело по сближению двух культур.

П. Д. Баренбойм

Я должен сказать, что, конечно же, в Москве не хватает тепла. Нам не хватает, всем нам не хватает Ренессанса. И почему возвращение к идеям Ренессанса сейчас наиболее обостренно? Ведь что такое была Флоренция? Маленькое государство на карте Европы. С военной точки зрения, совершенно беззащитное. Но они противопоставили более сильным соседям величие духа, красоту, культуру и преодолели все свои затруднения.

Здесь есть какие-то аналогии с современной Россией. Кроме того, просто хочется чувствовать себя хоть чуть-чуть флорентийцем, чувствовать себя хоть чуть-чуть причастным к Ренессансу. Нести этот Ренессанс в себе. Ведь в России он, Ренессанс, еще не состоялся. А так хочется, чтобы все случилось, чтобы начало Ренессанса пришлось на наши дни. Если нет Ренессанса в стране, создадим его в отдельно взятом помещении, в отдельно взятом сообществе людей. Мы будем на этом настаивать.

Я должен сказать, что Алексей Алексеевич Кара-Мурза, безусловно, человек Ренессанса, только, как и каждый из нас до объединения во Флорентийское Общество, он нес это в себе в одиночестве. Он, конечно, сделал невероятный прорыв. Его трилогия крайне важна. И то, что выйдет «Неаполь», это очень хорошо. Но у меня есть предложение. Алексей Алексеевич, а почему обязательно идти все время вширь? Может быть, сосредоточиться после Неаполя на доработке Флоренции? Вы представляете, это будет великая книга, если вы включите туда пожелания Екатерины Юрьевны Гениевой, свои собственные наработки. Не откладывайте на потом. Сделайте сейчас, пока есть Флорентийское Общество, выпел, президент, наконец. Я уверен, Ваши усилия будут поддержаны. Эта книга может разойтись и будет в любой библиотеке страны. В каждой школе. Школьники будут писать. Школьники будут ездить. И все это объединится вокруг Вашей книги.

П. Д. Баренбойм

А теперь внимание! Сейчас Александр Владимирович Захаров будет наизусть читать «Божественную комедию».

А. В. Захаров

Мы все находимся под вечным впечатлением от Флоренции, и книги Алексея Кара-Мурзы помогают нам облечь наши ощущения в слова. Благодаря этим замечательным книгам, даже находясь в России, мы имеем возможность путешествовать по флорентийской земле, вновь открывать для себя этот огромный мир. Я бы сказал, что Флоренция – это не просто город, это какое-то особое место, которое обладает эффектом магнетической

вспышки, произошедшей уже почти пять столетий, и даже более, назад, но светящей до сих пор.

Читая трилогию Алексея Кара-Мурзы, я ознакомился с первыми впечатлениями Бенуа от Флоренции. Он пишет, что его пленило во Флоренции сочетание чего-то очень строгого, почти мрачного, с тем, что является необычайно ласковым. Именно таковы и мои личные ощущения от этого города, но для того, чтобы сформулировать их подобным образом, надо, видимо, родиться Бенуа и приехать во Флоренцию в конце XIX века.

Ссылаясь на замечательную книгу Алексея Кара-Мурзы, я привел вам первые впечатления Бенуа от Флоренции, а вот первые впечатления австрийского поэта Рильке: «Вырасти рядом с такими вещами, созреть в окружении всего этого великолепия, это же должно в известном смысле воспитывать даже самых темных...» Рильке пишет об одном великом флорентийце: «Ни один человек на свете не в состоянии создать столько красоты, чтобы полностью ею облечься». Так вот, если говорить о Флоренции как о некоей совокупности людей, которые создавали красоту, то это, на мой взгляд, как раз и есть то место на земле, которое воплощает в себе столько красоты, что человечество вполне способно ею облечься.

Я думаю, тема красоты и воспитания в себе высоких эстетических начал будет актуальна всегда. Она всегда будет звучать в рамках Флорентийского Общества серьезно и высоко. И поскольку я, после нашего ужина с флорентийским министром Еугенио Джани, обречен не только выучить несколько строф «Божественной комедии», но и стремиться к тому, чтобы когда-то, может быть, к концу пути, знать наизусть всего Данте, я хочу завершить наше сегодняшнее заседание цитатой из «Чистилища». На мой взгляд, строки, которые я сейчас хочу предложить Вашему вниманию, как нельзя более перекликаются с целями и замыслами Флорентийского Общества. Ведь что такое Флорентийское Общество? Это вечное паломничество в вечный мир Флоренции, что весьма созвучно драматургии, которая есть в «Божественной комедии». Ведь это же большое путешествие, путешествие в иные миры. Данте начинает «Чистилище» как раз такими словами:

*Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине.*

Так и мы будем блуждать в этой яростной пучине духа и красоты, которая называется Флоренция, черпая в ней все лучшее.



*Заседание Флорентийского Общества,
посвященное 750-летию флорина и
600-летию государственной карьеры Джованни Медичи*

12 ноября 2002 года

П. Д. Баренбойм

У нас осталось три юбилея и последнее заседание в этом году. Поэтому начнем с самокритики. Третий юбилей – 500-летие Леонардо да Винчи. После серьезного обсуждения мы поняли, что тема слишком значительная для объединения с другими. И поскольку это 500 лет со дня рождения, то решили, что несколько месяцев разницы погоды не сделают, и мы проведем это юбилейное заседание в феврале следующего года. Примерно так. И тема будет не просто юбилей Леонардо да Винчи, а универсальность знаний, которые этот человек сочетал в себе наиболее ярко. Но два других юбилея мы не можем пропустить. Это 750-летие со времени чеканки первого золотого флорина, первой единой валюты Европы. Я здесь буду давать свидетельские показания, потому что в культурной столице Европы 2002 года, бельгийском городе Брюгге прошла выставка «Ганза – Медичи», и, к сожалению, те схемы, о которых я вам расскажу, и географическая и структурная, в каталоги выставки не попали. Выставка уже закончилась. Поэтому по памяти я восстановлю то, что напрямую связано с Россией и напрямую связано с Флоренцией.

Второй юбилей – это 600-летие с того времени, когда Джованни Медичи, которого намного меньше знают, чем его сына Козимо Старшего или правнука, Лоренцо Великолепного, занял первую государственную должность во Флоренции. Он занял ее всего на два месяца, потому что во

Флоренции государственные должности замещались на такой срок на основе выборов, слепых выборов. Вслепую вынимали бумажку из сумки, куда набрасывались записки с именами граждан, которых можно было избирать. И вот на два месяца Джованни занял первую свою государственную должность. Потом он еще несколько раз ее занимал, каждый раз на два месяца, и тем самым создал конституционное чудо, которое во Флоренции сыграло критическую роль в развитии искусств. Вот эти две даты.

Я с присущей мне легковесностью сделаю короткий «доклад» по обоим юбилеям. У нас, кстати говоря, к традиционному флорентийскому знамени, которое подарила нам флорентийская Синьория, прибавилось еще знамя провинции Тоскана, врученное нашему Обществу. Очень интересно, что гербом провинции Тоскана является Пегас. Чуть позже мы скажем о той серьезной работе, которая сейчас проводится обществом, отчитаемся о поездке во Флоренцию, расскажем о ближайших планах. Но пока я начну свой так называемый доклад с материала, которого до выставки «Ганза – Медичи» в городе Брюгге мне никогда видеть не приходилось. Там я впервые увидел схему структуры банковско-промышленной группы Медичи, увидел и поразился, потому что по изощренности и разветвленности, она может дать фору многим современным финансово-промышленным группам.

Ганза в представлении авторов выставки начиналась с нашего Великого Новгорода, проходила через германские города и заканчивалась в Брюгге. То есть горизонтально, если иметь в виду карту Европы, от Новгорода, через Германию до Брюгге, шел поток товаров, туда и обратно. Брюгге был в то время ключевым портом Ганзы. Вертикально, из Италии, шли финансовые потоки. Оказывается, Медичи и целый ряд других итальянских банковских домов, из которых Медичи, благодаря и вкладу в историю, и, кстати, вкладу финансовому, оказались наиболее знаменитыми, финансировали эту торговлю. Получилась такая вот горизонталь с вертикалью. И оказалось, что золотой флорин, который был 750 лет назад отчеканен во Флоренции, являлся одной из основных валют, которые применялись в Ганзе, на всем этом великом европейском торговом пути. Он был особенно ценен тем, что его достоинство обеспечивалось торговой мощью Флоренции, а также финансовой мощью банкирского дома Медичи и других банков.

Кстати, первая биржа мира, это была валютная биржа, была создана именно в городе Брюгге. Очень интересна ее история. На площади в Брюгге рядом с домом, когда-то принадлежавшим купцу Ван Берсу, и через дорогу от снесенного сейчас «флорентийского дома» – центра флорентийского купечества, торговали купцы. Бартер не очень у них был, видимо, в ходу, и когда нужно было менять монеты различных стран, расчетной еди-

ницей у них часто был золотой флорин. Так вот, на этой площади производились расчеты и обмен валют. А когда шел дождь, (который в Брюгге идет довольно часто), купцы уходили в дом Ван Берга. В итоге его имя превратилось в название биржи и разлетелось по свету, переведенное на все языки. Это случилось в XIV веке.

Медичи имели филиал своего банка в Брюгге. Этот филиал сыграл очень важную роль, как показывает та же выставка в развитии итальянского искусства, а также в развитии фламандского искусства. Глава отделения банка Медичи в Брюгге скупал лучшие произведения фламандских мастеров, и они попадали во Флоренцию, оказывая явное влияние на местных мастеров. Благодаря Медичи и некоторым другим флорентийским и нефлорентийским банкирам, которые заказывали фламандские произведения искусства и финансировали Ганзу, фламандские купцы богатели и, в свою очередь, заказывали во Флоренции творения итальянских мастеров. В итоге, знаменитая скульптура Микеланджело и произведения многих итальянских скульпторов и художников находятся в музеях и соборах Брюгге, абсолютно уникальных, которые могут бросить вызов любому собранию живописи в любой столице.

Так произошло первое взаимовлияние в рамках Ренессанса. Вернемся к Медичи. У Медичи было отделение банка в Брюгге, которое финансировало французских королей. У них было отделение банка в Лондоне, которое финансировало английских королей. И, как показывает выставка и та схема, о которой я вам рассказывал, они финансировали или обеспечивали своими финансовыми потоками торговлю в рамках Ганзы.

И вот, глядя на Великий Новгород, который единственный из российских городов замыкал эту цепочку Ганзы на Востоке, я подумал о том, что Иван Грозный, кажется, первый начал прорубать окно, форточку или брешь в Европу, в свою очередь, уничтожив все вольности и торговлю Великого Новгорода. А на самом деле у нас была дверь в Европу, и если бы она сохранилась, может быть, многое бы пошло по-другому.

Ну что ж, теперь коротко о Медичи. Джованни Медичи – самый скромный из Медичи. Не с него начинается род Медичи, который до этого несколько столетий был во Флоренции достаточно известным. Представители этого рода избирались на государственные должности на пару месяцев, не больше, с правом иногда повторного избрания, если им выпадал жребий. Те представители семейства Медичи, которые участвовали в государственной жизни Флоренции до Джованни, участвовали в формировании, я бы сказал, концепции этого правления. Все мы знаем о восстании чомпи. Восстание пролетариата, которое привело, кстати, во Флоренции к расширению числа цехов ремесленников, допущенных к государственной власти. Так вот, представитель семейства Медичи, который был на два месяца из-

бренным правителем как раз в период восстания чомпи, поддержал восставших, почти единственный из всей тогдашней Синьории. И хотя потом восстание было подавлено, у народных масс, как мы любим говорить, так же как и у среднего сословия, и у пролетариата, осталось уважение к семейству Медичи.

Но все-таки в своей основе семья знаменитых Медичи начинается с Джованни, который заложил основы знаменитого банкирского дома и который в периоды, когда он был у власти непосредственно или в периоды, когда он мог влиять на власть, провел во Флоренции налоговую реформу. Флоренция с тех времен и почти до настоящего времени остается образцовым местом, где платят налоги. Он ввел прогрессивный налог, подвергнув ему всех, и бедных и богатых, чего до него не было. Тем самым он ввел во Флоренции систему социального и политического баланса. Семья Медичи, кстати, семья не аристократическая, потому что во Флоренции ко времени, когда Джованни пришел к власти, аристократы не допускались к государственным должностям. Если человек аристократического происхождения хотел занять государственную должность во Флоренции, он должен был отречься от аристократического титула. Это был единственный из известных и крупных городов Европы с такой традицией. Джованни, тихий, скромный человек, основал мощнейший финансово-банкирский дом, финансово-промышленную группу, потому что туда входили не только банки, но и много предприятий, в первую очередь по переработке шерсти.

Его сын, Козимо Медичи Старший, по мнению многих, является образцом правления, при этом он крайне мало занимал государственные должности, был главой той самой партии, которая объединяла простой народ и средний класс. И уже на базе этого партийного правления он развивал, во-первых, свой банкирский дом, во-вторых, искусство, поощряя художников, заказывая им работы, занимаясь тем, что называется благотворительностью, но в масштабах невероятных. Даже Джордж Сорос и то, наверное, при пересчете на деньги ему бы уступил. Кроме того, Козимо – это человек, который спас произведения Платона, которые находились в различных монастырях Европы. Их не переводили на латынь, так как греческого языка почти не знали. Они погибали в этих хранилищах, были неизвестны. Козимо скупил эти рукописи по всей Европе. Он организовал переводы произведений Платона на латынь, позднее на итальянский, он вернул их к жизни. То же самое он сделал с книгами Каббалы, но это мы сейчас не будем обсуждать, чтобы не расширять слишком рамки нашей дискуссии. Козимо Медичи был человеком, который предпринял гигантскую последнюю попытку объединить церкви, православную и католическую. Он обеспечил проведение во Флоренции в течение двух лет Флорентийского Собора, итогом которого была Уния об объединении церквей. Уния не продержалась

и нескольких лет, она была нарушена с обеих сторон. Но если говорить о влиянии (после Великого Новгорода я долго не вспоминал Россию), о влиянии на Россию, то оно было фундаментальным, как любое флорентийское влияние. Потому что там была и московская делегация, состоящая из монахов греческого происхождения, которые вывезли из Флоренции рецепт аквавита, скандинавской водки, настоянной на травах. Этот рецепт и послужил основой для начала производства русской водки. Так что в любом случае дело Козимо не пропало даром.

Теперь я бы перешел к короткому творческому отчету о том, что сейчас делает Флорентийское Общество. А может быть, мы это отложим ближе к концу, потому что это и конкурс для школьников, студентов и аспирантов о Флоренции. Победители поедут во Флоренцию. Это целый комплекс взаимоотношений с Флоренцией, включая отношения с флорентийским университетом, и Торгово-Промышленной Палатой, и «Русским обществом» во Флоренции. Но, чтобы мы не оторвались от темы Медичи и флорина, от темы денег власти и власти денег, от темы олигархов в хорошем смысле этого слова, я думаю, что дискуссию следует продолжить в этом направлении. В процессе разговора свой отчет о поездке во Флоренцию нам представят присутствующие здесь члены московской делегации, которые рецепта водки не вывезли в этот раз. Сзади нас уже «реют» два флага, флорентийский и тосканский, и, кстати говоря, специалисты говорят почему-то не о флорентийской, а о тосканско-флорентийской культуре.

Е. Ю. Гениева

Во-первых, я хочу всех порадовать. Закончен огромный труд, Петр Давидович Баренбойм посмотрел его весь, как ответственный редактор книги «Хождение во Флоренцию». Я очень надеюсь, что в следующий раз, когда мы окажемся в этом замечательном городе, мы сумеем подарить этот труд друг другу и нашим флорентийским коллегам.

Второе, это конкурс творческих работ о Флоренции для детей, о котором мы уже так много говорили. Первоначально программа задумывалась как конкурс сочинений, но фонд предлагает провести ее в жанре дебатов, школьникам и студентам первых курсов будет предоставлена возможность говорить на темы Флоренции, ее истории, культуры, ее значения для России. Если у высокочтимых членов Флорентийского Общества не будет возражений, мы начнем эту программу после 13 января. Она сейчас будет опубликована, информация о ней будет разослана, как предполагается, во все 89 регионов России, и к тому моменту, когда в апреле мы будем подводить ее итоги, она пройдет, по нашим подсчетам, в 10–12 городах нашей страны.

М. Андреев

Лоренцо Великолепный

Род Медичи дал Флоренции, Италии и Европе много заметных имен, среди которых два папы римских (Лев X и Климент VII) и две королевы Франции (Екатерина, жена Генриха II и вдохновительница Варфоломеевской ночи, и Мария, жена Генриха IV). Их первоначальное семейное ремесло, врачи и аптекари, отразилось в родовом имени и гербе (знаменитые медичейские шары – это изображение обыкновенных пилюль), но известности и влияния Медичи достигли, занявшись торговлей и финансовыми операциями. Их участие в политической жизни Флоренции отмечено начиная с середины XIII века, но значительным оно становится только к концу следующего столетия, когда Сильвестро Медичи, избранный гонфалоньером справедливости, возглавил восстание чомпи. Представитель другой ветви рода, Джованни ди Биччи, основал в 1397 году банк Медичи, быстро выдвинувшийся на первые роли не только в Италии, но и во всей Европе. Его сын Козимо не только успешно продолжил дело отца, но и стал в 1434 году некоронованным правителем Флоренции: власть Козимо и его наследники в трех поколениях осуществляли, не обладая никакими титулами, не получая никаких инвеститур и не занимая никаких государственных должностей. На рубеже XV–XVI веков Медичи трижды изгонялись из Флоренции, пока в 1530 году не вернулись с помощью имперских войск к власти окончательно. Алессандро был первым герцогом Флоренции (с 1532 г.) и последним представителем старшей ветви рода – в 1537 году он был убит двоюродным братом Лоренцино (или Лоренцаччо) Медичи (история, давшая сюжет знаменитой трагедии Мюссе), и ему наследовал Козимо, выходец из другой ветви (восходящей к брату Козимо Старшего), первый великий герцог Тосканский, сын прославленного кондотьера Джованни делье Банде Нере. Его потомки правили Тосканой на протяжении двух веков, пока в 1737 году эта династия не угасла и власть не перешла к герцогам Лотарингским. Последним видным политическим деятелем из рода Медичи был Луиджи, в начале XIX века в течение почти двух десятков лет возглавлявший правительство королевства обеих Сицилий.

Среди множества этих имен, существенно важных для истории Италии, два выделяются особо – Козимо Старший и его внук Лоренцо, прозванный Великолепным. Козимо – потому что с ним Медичи впервые пришли к единоличной власти, потому что власть эта осуществлялась невиданным в истории образом (без титулов, званий и должностей, фактически без какого-либо изменения старых республиканских форм), потому, наконец, что этот, выражаясь современным языком, делец, не получивший никакого систематического (ни по старым, ни по новым, гуманистическим меркам) образования, – был наделен поразительным чутьем ко всякой перспективной

культурной инициативе. При нем Флоренция вырвалась в архитектурные лидеры Италии и, следовательно, всей Европы, при нем не испытывали недостатка в заказах Брунеллески и Микелоццо, Донателло и Филиппо Липпи. Но дело не ограничивалось меценатством, скорее то, чем он занимался, можно назвать, опять же впадая в грех терминологической модернизации, целенаправленной политикой в области культуры. Он не только основывал и пополнял библиотеки – он создал своего рода идеальную модель библиотеки, которая легла в основу типового современного книгохранилища. Он не только поддержал молодого Марсилио Фичино – он направил его на тот путь, который привел к созданию прототипа базовой европейской научной институции, академического сообщества.

Еще более разносторонней личностью был Лоренцо. Единственное, в чем он уступал деду, это в таланте финансиста: банк Медичи при нем захирел, филиалы в Лондоне, Брюгге и Авиньоне обанкротились. Как государственный деятель он был, по крайней мере, не ниже: оказавшись у кормила власти неполных двадцати лет, он уверенно провел Флоренцию через внутренние смуты (самая известная из которых – заговор Пацци 1478 году, стоивший жизни Джулиано, его брату и соправителю) и через внешние угрозы (самая опасная из которых – война 1478–1480 годов с папским Римом и Неаполитанским королевством) и добился установления в Италии системы политического равновесия, которая чуть ли не впервые со времен Древнего Рима на значительное время покончила с внутриитальянскими войнами. Для культуры он сделал не меньше деда: существенно пополнил собрания антиков, поддерживал Верроккио и Боттичелли, не стеснялся скромным учеником посещать заседания флорентийской Платоновской академии и почтительно внимать урокам Марсилио Фичино. Но в одном Лоренцо деда, безусловно, опередил: он был поэт, и поэт незаурядный.

Писать стихи Лоренцо начал с молодых ногтей и не переставал до конца жизни. Работал чуть ли не во всех тогда известных поэтических жанрах, кроме эпического. Начал с комической поэзии: «Ненча да Барберино» – портрет деревенской красавицы, данный глазами и языком ее поклонника и односельчанина; «Охота на куропаток» – бытовая зарисовка почти в духе фламандской школы; «Пир» – каталог прославленных флорентийских пьяниц, оформленный как пародия на петрарковские «Триумфы». Затем обратился к поискам классической гармонии: в пасторальных картинах «Коринто» и «Аполлона и Пана», в философских размышлениях небольшой поэмы «О высшем благе», в мифологических стилизациях «Амбры». В последние годы не без влияния Савонаролы (отношения с которым у Лоренцо были сложные, но во всяком случае не односторонне враждебные, как их раньше изображали) на первый план вышла религиозная поэзия. И все

время продолжала отделяться и пополняться книга лирических стихов, «Канцоньере». Масштаб дарования Великолепного оценивали по-разному, но никто не оспаривал того факта, что в послепетрарковский период Лоренцо как лирический поэт если кому-то и уступал первенство, то лишь одному Анджело Полициано.

Лоренцо часто вменяли в вину как раз разнообразие его творчества, отсутствие в нем единого центра и общего пафоса. Действительно, трудно себе представить, что один и тот же поэт является создателем исполненных самого традиционного благочестия лауд и ликующей вакхической песни (припев которой, кстати, *Chi vuol esser lieto, sia: Di doman non s'è certezza* относится к числу самых знаменитых поэтических строк, когда-либо сказанных по-итальянски). Общее, на самом деле, есть – в отношении к языку. Лоренцо Медичи начинал писать в то время, которое Бенедетто Кроче не без основания назвал «веком без поэзии»: победоносная экспансия гуманистических вкусов превратила латынь в единственный язык культуры, и даже на творчество трех «флорентийских венцов» стали поглядывать свысока и не без пренебрежения. Принципиальная универсальность гуманистической латыни, не признававшей никакой пространственной и временной конкретики, вполне могла лишить Флоренцию центрального места в языковом и литературном процессе, и тогда все дальнейшее развитие итальянской литературы пошло бы по другому пути. Доказать совместимость гуманистической программы и итальянского, в основе своей тосканского, языка взялся Лоренцо Великолепный, и это его личная инициатива и личный почин – к этому его не подталкивали и не побуждали те, у кого он учился, ни Кристофоро Ландино, ни Марсилио Фичино. Как поэт он всю жизнь этим и занимался: доказывал, что писать обо всем и одинаково красиво можно и должно по-итальянски. Доказал – чему в равной степени способствовал и его поэтический, и его политический авторитет. Вряд ли совершенно случайно то обстоятельство, что старейшая европейская академия, Академия дела Круска, вот уже пять столетий занимающаяся защитой и сохранением итальянского языка, с 1974 года размещается в одном из красивейших дворцов, построенных при Лоренцо – в Палаццо Медичео ди Кастелло.

А. Н. Шохин

Я в первый раз присутствую на заседании Флорентийского Общества и не ездил во Флоренцию в составе делегации. Но в свое оправдание могу сказать, что я только вчера вернулся из Флоренции.

Мне кажется, что одна из проблем состоит в решении вопроса о том, стоит ли нам в рамках наших исследований по изучению флорентийского наследия выходить за рамки города. Безусловно, лучшие свои дости-

жения Флоренция показала именно как город, а не как великое герцогство Тосканское.

Однако будет ли полноценным знание о Флоренции, если мы не посетим, скажем, Монтепульчано, где, как известно, производятся лучшие тосканские вина, которые в свою очередь являются лучшими итальянскими винами? И дело не только в винах. Я видел в Тоскане великолепные средневековые города, во многом похожие на средневековую Флоренцию. В равной степени это касается и других направлений. Например, могущество Флоренции неразрывно связано с Ливорно. Возможно, деревенька Винчи также будет представлять для нас интерес в силу известных причин. Может быть, какие-то другие тосканские города нужно включать в орбиту деятельности общества?

Я, к сожалению, не был подключен к ранним проектам деятельности Флорентийского Общества, и, в порядке приобщения, мне хотелось бы быть проинформированным обо всех направлениях его деятельности, обо всех проектах, с тем, чтобы не предлагать того, что уже делается. Затем я бы с удовольствием включился в работу по конкретным направлениям. Спасибо.

П. Д. Баренбойм

Спасибо. Очень важное замечание, потому что далеко выходить за пределы флорентийской городской черты мы не должны. Нужно иметь в виду, что на довольно узком пятачке во Флоренции сосредоточена пятая часть всех мировых шедевров: живописи, скульптуры, архитектуры. И местные психиатры хорошо знают так называемый «эффект Стендаля», когда блестящий молодой человек, в прошлом наполеоновский офицер, упал в обморок в галерее Уффици, не выдержав обилия впечатлений. У некоторых людей, по сведениям местных психиатров, случаются не только обмороки, но и более серьезные психические расстройства. Поэтому следует выезжать в Тоскану, на природу, но потом обязательно возвращаться к городским истокам.

Есть такой Международный брюссельский банковский клуб, российско-европейский. По нашей инициативе он планирует проведение своего заседания во Флоренции в мае следующего года. Дело в том, что в Тоскане находятся старейшие банки Италии. Там очень интересные банковские традиции. Кстати, власти и Флоренции, и Тосканы с большим энтузиазмом относятся к проведению подобных банковских форумов на своих территориях.

Там есть маленький тихий город Лукка, который так и не поддался Флоренции в течение всей истории. Но сейчас справедливость восторжествовала, он включен в территорию Тосканы, подчиняется Флоренции.

Лукка – город, который известен своими банками, до сих пор функционирующими. Такими тихими, надежными банками. В этом городе только 10 лет назад стал развиваться туристский бизнес. До этого город не поощрял приезд иностранных туристов, несмотря на то, что находится по соседству с Пизой и многими памятниками архитектуры, такими интересными для туристов. Власти Лукки считали, что это вредно для молодежи, для тишины города, в рамках которого развивался банковский бизнес.

Кто хотел бы выступить с отчетом, самоотчетом, прошу только не забывать Медичи и особенно золотой флорин. Федор Михайлович Бурлацкий, Вас я представляю сам.

Ф. М. Бурлацкий

Спасибо большое. Я, прежде всего, хотел бы выразить свое глубокое удовлетворение и признательность членам группы, в составе которой я был во Флоренции. Пожалуй, я никогда не путешествовал с такими высокообразованными, интеллигентными и приятными людьми, хотя во Флоренции был уже многократно.

Моя первая поездка во Флоренцию, в Италию, страшно сказать, была в 1957 году. Я поехал туда в составе делегации партийных функционеров средней руки. Мы огромными, широко раскрытыми глазами смотрели на необыкновенный мир Флоренции, и эта поездка укрепила меня в мысли, которую впоследствии очень точно сформулировал президент Флорентийского Общества Петр Давидович Баренбойм: «Мы живем в эпоху Макиавелли, все еще живем в эпоху Макиавелли». Находясь там, я очень часто размышлял о том, что роднит нас с макиавеллиевским периодом в истории Флоренции и всей Европы.

Я не очень верю в то, что в России в ближайшей перспективе возможно нечто, подобное тому фантастическому взлету культуры, искусства, который произошел во Флоренции. Это дается откуда-то свыше, и я не думаю, что такая благодать падет на наш народ. Но по-прежнему актуальным остается, на мой взгляд, использование флорентийского опыта.

Стоит продолжить размышление о нашей политической действительности не только глазами Макиавелли, а вслед за ним, конечно, и Гвиччардини, и других крупных фигур итальянского Возрождения, но и Томаса Мора, и многих других политических фигур XIII–XIV–XV веков. Этот опыт крайне важен для нас, потому что мы с нашими политическими институтами и нравами ползем, на мой взгляд, как раз по этой эпохе.

Символично, что в политической и духовной жизни Флоренции, как и в современной России, немаловажную роль играли финансовые структуры, например банкирский дом Медичи. В этой связи уместно будет задуматься о нравах в нашем бизнесе.

Макиавелли довольно сурово судил политиков, однако, на мой взгляд, нравы в бизнесе во Флоренции или в Западной Европе даже в те времена стояли на несколько порядков выше, чем в современном российском бизнесе. Это несопоставимо. В то время простое пожатие руки обозначало сделку, никто не убивал соседа только потому, что тот не вернул вовремя долг. Я не знаю, в каком виде можно пропагандировать привнесение каких-то нравственных начал в современное российское предпринимательство, но в целом эта тема мне кажется весьма актуальной.

Ну а всем членам Флорентийского Общества я бы от всей души пожелал хотя бы краткосрочной поездки во Флоренцию с тем, чтобы возродить в себе флюиды высокого духа. И поверьте, жизнь станет немножко слаще. Спасибо.

А. Н. Шохин

Федор Михайлович, а Вы не идеализируете нравы тех времен? В частности, если взять более раннюю, чем XV век, историю, там и гвельфы с гибеллинами, и изгнание Данте только по принципу партийной принадлежности, и воровство тела Микеланджело, и так далее.

Ф. М. Бурлацкий

Я как раз разделил политические нравы и нравы в сфере бизнеса. Как ни странно, я все-таки настаиваю на том, что нравы в сфере бизнеса были намного чище, если можно говорить вообще о чистоте нравов в подобной сфере, чище и достойней, чем политические дрязги, о которых вы говорите. Ну, может быть, я сужу об этом со стороны и не знаю всего.

П. Д. Баренбойм

Когда мы впервые попали во флорентийскую Синьорию и представились, министр иностранных дел городского правительства внимательно расспрашивал нас о Флорентийском Обществе. У него в кабинете висела огромная картина «Допрос Савонаролы» (вообще, когда мы оказались в кабинете мэра, то убедились, что лучшие произведения искусства можно увидеть именно там).

Так вот, когда министр узнал, что членом нашего общества является судья Конституционного Суда Владимир Григорьевич Ярославцев, который в книге «Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века» написал статью о Савонароле (она называется «Джироламо Савонарола и Никколо Макиавелли. Несостоявшийся диалог»), доверие к нам значительно увеличилось, и мы были приглашены на площадь Синьории под статуей Давида в президиум. Там как раз в этот день праздновали то, что только во Флоренции

и можно праздновать, – годовщину со дня сожжения Савонаролы. Так что благодаря Владимиру Ярославцеву мы попали на это торжество.

В. Г. Ярославцев

Как верно отметил в своем выступлении Федор Михайлович Бурлацкий, мы действительно должны пытаться через призму эпохи Макиавелли и Савонаролы разглядеть приметы нашего времени. Ничто в истории не бывает напрасно, и если общество не извлекает уроков из истории вообще и из истории Флоренции в частности, то мы тогда напрасно, с моей точки зрения, живем, создаем всевозможные институты, партии, проводим всевозможные политические и гуманитарные мероприятия.

Не случайно в моей статье использовался своеобразный литературный прием, он называется «несостоявшийся диалог» между Макиавелли и Савонаролой. Я искренне благодарен Федору Михайловичу Бурлацкому за то, что по его книге познакомился с творчеством Макиавелли. Это было очень давно. Постепенно мое увлечение крепло, и совершенно случайно я узнал, что Макиавелли и Савонарола были современниками, жили рядом, в одном городе. Однако им не довелось повстречаться. Но как интересно видеть, как один и тот же событийный ряд проходит через мироощущение, мировоззрение, на первый взгляд, совершенных антиподов, абсолютно разных людей, объединенных в то же время преданностью Флорентийской республике. И вот как раз этот своеобразный их несостоявшийся диалог подвиг меня к попытке угадать то, что говорится о современности.

Мы видим и синдром послушания, и властную вертикаль, – все то, что живой нитью пронизывает нашу новейшую историю. Не стоит полагать, что это кем-то придумывалось и существовало лишь умозрительно.

Для того чтобы избегать будущих ошибок в управлении государством, нам, безусловно, необходимо учитывать опыт прошлых лет, в данном случае я говорю об опыте Флоренции. Все мы прекрасно понимаем, что управляемой демократии нет и быть не может. Только от нас зависит, чтобы демократия в нашем обществе была подлинной, единственно возможной, чтоб мы действительно жили в обществе XXI века, а не плелись в хвосте событий, повторяя прошлые ошибки. Спасибо.

А. А. Галкин

Я не убежден, что все содержание нашей деятельности следует сводить к попыткам почерпнуть что-то конкретное, практически-политическое из опыта Флоренции XIII–XIV–XV веков. Мы ведь не ставим перед собой задачу по превращению Флорентийского Общества в структуру, занимающуюся исключительно разработкой политической теории либо способ-

ствующую законодательной деятельности Думы и Совета Федерации. Мы – общество, которому интересен феномен культуры, и Флоренция, на мой взгляд, для нас интересна, прежде всего, как феномен культуры, художественный феномен, феномен-загадка.

Ну вот, спрашивается, как это получилось? Один из городов Италии в условиях общего упадка в Европе вдруг становится факелом, по-настоящему, светочем, который освещает своим огнем на протяжении столетий всю европейскую и не только европейскую историю. Можно ли это связывать только с феноменом Медичи при всем том огромном, безусловном влиянии, которое Медичи оказали на развитие Флоренции того периода? А может быть, где-то во Флоренции, где республика возникла еще до Медичи, были заложены какие-то основы, которые уходят своими корнями в более глубокие исторические слои? Стоит покопаться в истории, ведь что-то же определило такое удивительное явление.

В этой связи я вспомнил один эпизод, произошедший со мной много лет тому назад на главной площади Флоренции. Я беседовал с одним из представителей местной интеллигенции и культуры и бросил фразу: «Смотрите, какой интересный кирпич, и как здорово сделана стена!» Он говорит: «Ну, ведь производство кирпича и архитектура – это наше историческое достояние». Я легкомысленно задал вопрос: «Вы имеете в виду итальянцев или тосканцев?» Он ответил: «Не итальянцев и не тосканцев, мы этруски. Мы представители одного из самых древнейших народов Европы. Когда эти дикие римляне ходили еще в волчьих шкурах, у нас была огромная культура, у нас впервые на этом полуострове, а может быть, и в Европе было кирпичное производство. У нас были прекрасные здания – жаль, почти никто в Европе об этом не вспоминает». И я вдруг подумал: действительно, а почему, когда речь идет об Апеннинском полуострове, мы знаем только римскую историю, а как же все остальное?

А. А. Кара-Мурза

Во-первых, я тоже хотел бы поблагодарить организаторов поездки. Я думаю, что наше Флорентийское Общество может выставить сразу несколько первых составов для любого зарубежного представительства. Но тот состав, который ездил, конечно, был блестящий. И, кажется, флорентийцы почувствовали, что мы серьезные партнеры. Свидетельство тому – организация для нас сразу нескольких сугубо эксклюзивных экскурсий. Например, экскурсия в знаменитейший «Коридор Вазари», куда я много раз мечтал попасть (и один раз был очень близок к этому), но так и не попал. Как известно, это коридор, соединяющий два дворца – Палаццо Веккьо и Палаццо Питти. Там расположена самая знаменитая в мире галерея автопортретов великих художников. Когда-то это было туристское место – те-

перь туда простым смертным не попасть. Так вот, вице-мэр Флоренции два часа лично водил нас. Но надо сказать, что мы тоже не ударили лицом в грязь. Вице-мэр все тащил нас к автопортрету Шагала – это была «русская кульминация» экскурсии. А мы, помните, показали ему по дороге автопортрет Ореста Кипренского – мэр не имел представления ни об этом портрете, ни о самом художнике. Он не знал, что Кипренский много работал в Италии, был чрезвычайно знаменит, особенно в Риме и в Неаполе, и что он скончался и похоронен в Риме, и поскольку был католиком в конце жизни, похоронен в очень престижной римской церкви. А для русских художников автопортрет Кипренского в «Коридоре Вазари» был культовым местом. Есть мемуары, что Суриков, Васнецов, Врубель стремились к этому месту как к символу признания русских в Италии, давали там клятву сделать все, чтобы, как и Кипренский, прославить Россию и прославить себя.

Или другая суперэкскурсия – по внутренним апартаментам Палаццо Веккьо, где сейчас находятся рабочие помещения флорентийской Синьории и куда никого, разумеется, не пускают. Нам удалось даже постоять на знаменитейшем балконе Палаццо – абсолютно историческом месте, откуда выступали многие исторические личности – от Савонаролы до Муссолини. Сейчас это место известно по некоторым блокбастерам – например, по фильму «Ганнибал Лектер» с Энтони Хопкинсом в главной роли. Кульминация фильма происходит на этом балконе – попасть туда нельзя было и мечтать.

И конечно, после всего этого задумываешься уже не о том, что для нас может сделать Флоренция, а как нам дальше развивать сотрудничество с флорентийцами. И здесь есть несколько предложений. Во-первых, очень трогательна была встреча с Италияно-российским обществом в их офисе. Это офис, но видно, что это очень обжитое, родное для местных активистов место. И у меня ощущение, что надо подготовить какую-то программу по патронажу этого, в общем, уникального места для Флоренции, для Италии, действительно поддержать этих подвижников, любителей России, которые изучают язык, культивируют русскую культуру. Следует помочь им, может быть, с комплектованием библиотеки.

Во-вторых, переговоры наши показали, что мы сейчас находимся в очень интересной точке возможного сотрудничества русских с Флоренцией. Я имею в виду планы флорентийской Синьории и правительства по санации того района, который раньше принадлежал семейству Демидовых, русскому семейству. Это тоже, в общем, уникальное место для русской колонии во Флоренции, потому что долгое время именно там, в Сан-Донато, была единственная православная церковь, более или менее демократичная, куда приезжали очень многие. И после этого в XX веке эту территорию совершенно трансформировали, там заводы и так далее. Сейчас они со-

бираются санировать эту территорию, превратить ее в культурный центр с некоторыми университетскими кампусами, с новым культурным пространством, и, судя по тому, что нам говорил вице-мэр, они хотят сохранить за этим пространством имя Демидовых. И уже ближайшие годы станут кульминацией этого проекта. Екатерина Юрьевна Гениева обсуждала с ними конкретные вещи, связанные с возможностью контактов. Здесь очевидно, что и мы могли бы помочь, работающие в Академии наук, и представители бизнеса. Это будет большой культурный проект, в котором, на мой взгляд, русские имеют преимущество. Они в ближайшие годы хотят провести какие-то демидовские акции, в которых мы можем принять участие. Кто, как не Флорентийское Общество, может здесь лидировать с российской стороны? Во Флоренции, вы знаете, есть и другие демидовские места. Это Палаццо Никколо Демидов, Палаццо Серристоры, где он жил, и несколько других палаццо в том же районе. Это и его знаменитая усадьба и парк в пригородах Флоренции – в Пратолино.

Теперь несколько слов о культурно-политическом феномене Флоренции, о чем здесь многие говорили. Мировое значение флорентийской культуры бесспорно, а вот что касается финансово-политической стороны дела, тут не стал бы, например, фетишизировать уровень демократичности флорентийской коммуны или какую-то уникальную предпринимательскую этику. Там всякое бывало: постоянные войны, заговоры, изо щренное коварство власти и пр. Конечно, миф о предпринимательско-политической уникальности Флоренции – это полезный миф, как был полезен для всей Европы нового и новейшего времени миф об уникальности афинской демократии и о полисной демократии вообще. В истории это был очень сложный феномен, и чем все это кончилось для греческих полисов, тоже известно. И последнее. Александр Николаевич Шохин затронул вопрос, где кончаются концентрические круги нашего интереса к Флоренции и к державе Медичи – к Великому герцогству Тосканскому. Был назван город Ливорно, главный порт Тосканы. Это, кстати, один из центров пребывания русских в Италии. По одной простой причине. Это было, конечно транзитное место для русских, но очень важно, что там была действующая греческая православная церковь, которая сохранилась. Я ее видел в сентябре – это, безусловно, священное место для очень многих русских. Туда, например, специально приезжали из Рима. В Риме долгое время существовали лишь домовые церкви при русских представительствах. А вот место, которое многократно описано в русской мемуарной литературе, в письмах и так далее, это греческая православная церковь в Ливорно. Ну и, кроме того, конечно, уникальные тосканские места – и Лукка, и Пиза, и Сьена, и Сан-Джеминиано. Я добавлю сюда, может быть, к «этрусской теме», и Фьезоле. Это тосканские места, которые тоже могли бы быть объектом нашего внимания, коль скоро

речь идет не только о флорентийской коммуне, но и о государстве Медичи, о феномене Великого герцогства Тосканского. Спасибо.

П. Д. Баренбойм

Вообще, конечно, хорошо быть выходцем из хорошей семьи. Это можно сказать, и вспоминая Медичи, и говоря о семействе Кара-Мурзы. Потому что в книге «Хождение во Флоренцию» фигурируют два Кара-Мурзы.

Я все-таки рискну поспорить, сказав, что деловая и политическая эстетика флорентийского государства это все-таки не миф, и не миф ни Козимо Медичи, ни Лоренцо. Если Лоренцо после десяти лет правления в один день повесил 50 человек, так это когда его брата зарезали в церкви. Уж извините, другого выхода, наверное, не было, когда Римский Папа послал легатов, и вместе с семейством Пацци они устроили резню в церкви и зарезали любимого брата Лоренцо, Джулиано. А что, Вы думаете, спасло самого Лоренцо? Физическая сила? Он отличался необыкновенной физической силой, был победителем всех рыцарских турниров на площади Санта-Кроче. Нет, его спасла приверженность к философии, потому что представители Платоновской академии прикрыли его своей грудью от кинжалов убийц. Так что все это не миф семейства Медичи, особенно Козимо и Лоренцо. И я думаю, что мы, когда отмечаем 600 лет прихода Джованни к государственной власти, имеем для этого основания.

Е. Ю. Гениева

Я очень хочу продолжить то, о чем говорил Алексей Кара-Мурза. После каждой такой вот поездки, во всяком случае, у меня возникают неизбежные обязательства. Церковь (я не о церкви в Ливорно, я о той русской православной церкви, где находятся знаменитые деревянные двери, купленные Демидовым, и которая на следующий год, в сентябре, будет отмечать свое столетие), – замечательная, красивая маленькая церковь, все изразцы которой сделаны, естественно, во Флоренции, что вызывает какие-то особые ностальгические ощущения, потому что они похожи на наши изразцы.

А. И. Комеч

Передо мной все говорили о любви к Флоренции, и я не хочу нарушать эту традицию. Однако разговоры о торжестве гуманизма, праве, справедливости рисуют нам все-таки мир идеализированный и не очень похожий на сложную, драматическую и часто жестокую картину жизни города в XV веке. Даже слово «гуманизм» понималось в ту эпоху иначе, чем сейчас. Когдаходишь в капеллу Медичи и погружаешься в атмосферу этого искусства, то в ней не слишком много от торжества справедливости,

оптимистической веры в право и демократию. Это искусство высокого элитарного духа и трагизма, и стихи самого Микеланджело – «мне любо спать, а пуще быть скалой, когда царят позор и преступления» – свидетельствуют об этом с безусловностью.

Мифы нашего времени часто искажают действительность в двух направлениях. Одно связано с наивным представлением о розовом моральном совершенстве. Но этот же век дал множество примеров и героизма, верности, и цинизма, предательства. С другой стороны, распространено суждение о прямой связи стремления к большему визуальному реализму художественного языка эпохи с отходом от духовных ценностей христианской религии. Но и это наивно, глубокая вера светится в произведениях многих художников, и тот же Микеланджело – одна из самых глубоких подобных фигур эпохи. Не надо забывать, что это была эпоха жестоких и глубочайших столкновений духовных интересов, эпоха религиозных войн.

Но было качество человеческой индивидуальности, на котором держался и гуманистический пафос времени, и высокое понятие о справедливости. И оно было сущностным для эпохи и новым в отношении к прошлому. Оно воплощалось в понятии доблести – *Virtu*. В нем соединялись необыкновенная энергия и предприимчивость, вера в свои силы и чувство собственного достоинства, чести. И это качество было проявлением индивидуальным, мощным, подчас суровым и резким. Оно рождало героев и гениев. Нам сумасшедшим образом не хватает людей такой ответственности, силы, энергии, увлеченности своим делом.

Флорентийцы, в целом, люди отчетливые, деловые, лишённые венецианского *délce far niente*. Флоренция – каменный город, и воздух Тосканы ясен и прозрачен. Высокое интеллектуальное напряжение эпохи цивилизовало энергию нового класса, открыло для него искусство – и поток инвестиций в эту сферу вместе с поклонением общества прекрасному породил поколения художников-новаторов.

Я очень сожалею, что за потоком дел и обычных забот приезжающие во Флоренцию обычно не видят большей части того прекрасного, что наполняет ее улицы, церкви, дворцы. Высказанная здесь идея создания CD, могущего для многих раскрыть художественные богатства города, кажется мне очень привлекательной. Я был бы счастлив, если бы все члены Флорентийского Общества, сидящие за этим столом, прошли улочки и переулки Флоренции, заглянули в ее дворики, дворцы, церкви.

Общение с Флоренцией полезно и в некоторых конкретных отношениях. Во время нашего последнего пребывания в городе я спросил Александра Николаевича Крутова, как он провел утро. Услышав, что он гулял на южном берегу Арно, и помня, что он первый раз во Флоренции, я сказал ему, что большая часть шедевров искусства находится на северном берегу.

Он меня привел в восторг своим ответом: «Дело не только в шедеврах, есть еще и очарование исторической среды». Это замечательное высказывание для человека, который живет в Москве, где историческая среда изгоняется из города необыкновенно интенсивно и практически ежедневно. Примеров тому масса, последние украшения – высотка на площади Павелецкого вокзала или здание в начале Арбата, напротив ресторана «Прага». Может быть, научимся ценить среду в Москве, и хоть где-то она уцелеет.

Чувство малой родины, духовной особенности и идентичности сохраняют и люди, в ней выросшие. Мы были с Екатериной Юрьевной Гениевой в Фонде Ромуальдо дель Бьянко во Флоренции. Они проводят ежегодно до 70 международных недельных семинаров, всячески поощряя все связанное с городом и Тосканой, содействуя духовному развитию и становлению молодежи. Они готовы принять нашу молодежь, рассмотреть наши темы. Они, кстати, выпустили небольшой альбом, посвященный русским во Флоренции. Я думаю, что конкретные дела явились бы наиболее важной формой деятельности Флорентийского Общества. Я полностью согласен с необходимостью поддержки Русского общества во Флоренции. Пребывание великих русских – Демидова, Чайковского и других – это замечательный повод нашего присутствия и соучастия. Я, например, с душевной болью увидел удручающее состояние мрамора на фасадах Баптистерия, знаменитого Сан-Джованни. Но им итальянцы займутся, видимо, сами. А вот визуализация пребывания русских во Флоренции могла бы стать нашей заботой. И если сохранилась гостиница, где Чайковский написал «Пиковую даму», то на ней надо установить мемориальную доску. У нас есть в составе общества замечательные специалисты-историки, я имею в виду, прежде всего, Алексея Алексеевича Кара-Мурзу, и мы могли бы составить конкретную программу действий.

К. М. Долгов

Сегодня я первый раз пришел на заседание Флорентийского Общества. Я думаю, это замечательно, что подобное общество существует, а состав его впечатляет любого, кто имеет возможность с ним познакомиться.

Прежде всего, мне хотелось бы сказать пару слов о том, что, с моей точки зрения, мы можем сделать для Флоренции или для укрепления наших отношений с ней. Благодаря институту «Открытое общество» я работал целый месяц в архивах Флоренции и искал там неопубликованные письма, неопубликованные донесения Макиавелли. Я нашел более 50 документов, которые не были напечатаны даже в Италии, и занялся их расшифровкой. Но это далеко не все наследие Макиавелли, потому что он написал более 4000 писем, и из них опубликовано, может быть, 4/5. То же самое можно сказать о Гвиччардини и о Лоренцо Великолепном, хотя итальянцы уже из-

дали много томов его писем. Насколько я знаю, у нас пока нет этих переводов. Я думаю, что в рамках Флорентийского Общества нам стоит каким-то образом способствовать тому, чтобы наследие корифеев итальянской культуры переводилось на русский язык и действительно стало достоянием нашего народа, нашего общества. На мой взгляд, это очень поучительно.

Личность Макиавелли всегда воспринималась и воспринимается неоднозначно. Но, говоря о том, что Макиавелли является в какой-то степени основоположником современной политики, не следует забывать, что, в первую очередь, Макиавелли можно назвать основоположником современной дипломатии. Все его политические идеи сформировались в то время, когда он был на дипломатической службе. А был он на ней 14, почти 15 лет. За это время он написал огромное количество дипломатических посланий, где были сформулированы, в основном, все принципы, на которых зиждется современная политика.

К сожалению, в России практически нет опубликованных дипломатических посланий Макиавелли, и, мне кажется, Флорентийское Общество могло бы способствовать их переводу и изданию. То же самое можно сделать по целому ряду других мыслителей Италии. И прежде всего тех мыслителей, которые жили во Флоренции. Поверьте, это огромное богатство.

Наша дипломатия сейчас переживает трудное время. Если бы нам удалось опубликовать труды Макиавелли, Гвиччардини, всю эту переписку, для наших дипломатов это было бы просто открытие. Ведь во времена Макиавелли дипломатия во Флоренции переживала колоссальный расцвет, и искусство ведения переговоров было там на самом высоком уровне. И вот если бы нам удалось что-то сделать для опубликования архивов того времени, я думаю, что российские, да и не только российские, дипломаты сказали бы нам за это огромное спасибо.

Ф. М. Бурлацкий

Мне бы хотелось сказать пару слов о нашем Флорентийском Обществе и об отдельных его представителях, что я сейчас и сделаю с большим удовольствием. Вот, например, Константин Михайлович Долгов, с моей точки зрения, человек уникального духа. Он, еще будучи советским министром, удивил меня своим глубоким интересом к работам Макиавелли. Советский министр, который интересуется такими вещами, это просто поразительно. Он опубликовал целый ряд очень интересных вещей. Так что мы двигались параллельно. Я чуть раньше начал свои исследования, он чуть позже, потому что я постарше. Но интерес к Макиавелли шел все-таки от нашей советской, русской действительности.

Сейчас Константин Михайлович Долгов продолжает свои работы, связанные с Флоренцией, и, как видите, заинтересовался возможностью

опубликования произведений, которые не изданы в самой Флоренции. Его интерес к работам Макиавелли в дипломатической сфере не случаен, поскольку в настоящий момент Константин Михайлович, по моим сведениям, заведует кафедрой в Дипломатической академии.

Вообще, мне кажется, что на заседания Флорентийского Общества всякий раз собираются очень интересные люди. И независимо от того, какие практические выводы следуют из всего сказанного в ходе наших обсуждений, уже само общение, на мой взгляд, приносит огромную пользу. Очень приятно чувствовать себя среди людей, которые увлечены тематикой Флоренции, которые обмениваются мнениями свободно, по-человечески, безо всякого стремления обнаружить свои лучшие качества. Это, собственно, еще пушкинская традиция. Сама игра интересна, потому что игра – это и есть жизнь. И наша встреча – это часть такой игры, независимо от того, как много практического мы сделаем. Тут не надо переоценивать себя и не надо надрываться, мне кажется. Потому что сделать следует очень много, и каждый индивидуально делает свое дело, но все вместе мы можем сделать намного больше.

Но, как я уже сказал, само общение для меня имеет колоссальную ценность. Мне кажется, больше всего следует ценить тот особый дух Флоренции, который витает на наших собраниях. Через формирование этого духа на основе взаимности, на основе общения, на основе великих идей, которым мы поклоняемся, можно оказывать какое-то влияние на современность.

П. Д. Баренбойм

Спасибо. Вы высказали очень мудрую мысль о том, что не нужно надрываться.

Г. П. Падва

Федор Михайлович Бурлацкий напомнил мне многое связанное с Флоренцией, когда говорил о приятности общения. Когда я много лет тому назад в качестве частного лица (тогда еще не было Флорентийского Общества) попал во Флоренцию, меня там тоже принимал вице-мэр. Он пригласил меня на обед, угощал отменным вином и беседовал со мной. Он сказал, что счастлив встретиться с русским юристом и что у него ко мне много очень интересных, важных вопросов. «Вот скажите, – спросил он, – как вы относитесь к смертной казни?» Я открыл рот, а он продолжал: «Я отношусь к этому вопросу так...» И минут 15 рассказывал мне о том, что смертная казнь не должна существовать нигде, в том числе и в России. После этого он сразу спросил мое мнение о суде присяжных и дальше еще минут 15 рассказывал мне о своей позиции. Мы пообедали, а я так и не успел

вставить ни слова. А на следующий день мне сказали, что вице-мэр был в полном восторге от общения с российским юристом, потому что он давно не имел такого приятного и умного собеседника. Я думаю, что если наши с вами беседы будут проходить по примеру этого моего флорентийского знакомого, то это будет замечательно. Это к вопросу о приятности общения.

Кроме того, я должен вам признаться, что в свое время как истый советский человек, не читая Макиавелли, относился к нему крайне отрицательно. Но совершенно по другой, не советской, а по тайной, диссидентской причине.

Дело в том, что я где-то когда-то прочел, что томик Макиавелли был настольной книгой Иосифа Виссарионовича Сталина. И с тех пор до того, как я познакомился с трудами Федора Михайловича Бурлацкого и самого Макиавелли, я был уверен, что все те мерзости, которые творились в нашей стране, произошли от Макиавелли. Я очень благодарен судьбе, что все-таки сумел познакомиться с тем, что писал сам автор. А затем, благодаря вступлению во Флорентийское Общество, стал более глубоко изучать труды Макиавелли, и должен признаться, что я очень сильно заблуждался. Не все мерзости, которые встречались в нашей стране, были связаны с именем Макиавелли. Благодарю вас.

А. В. Захаров

Надо сказать, что сегодня очень оптимистичное заседание. Во-первых, благодаря Ф.М. Бурлацкому мы открыли и утвердили один из новых принципов Флорентийского Общества. Принцип называется «не надрываться». Я думаю, это должно войти в устав нашего общества. Во-вторых, сегодняшнее наше заседание вновь подтвердило, что мы продолжаем жить в эпоху Макиавелли, и, значит, связи Общества с Флоренцией развиваются и крепнут. В-третьих, мне хотелось бы отметить существование известного утверждения, которое, насколько мне известно, еще ни один из адвокатов не опроверг, что все дороги ведут в Рим. Так вот, сегодня, по итогам нашего обсуждения, мы можем сказать, что многие дороги ведут во Флоренцию.

Флоренция вообще интересна с разных сторон. И я бы, например, выделил четыре момента: мир флорентийских ценностей, Флоренция как экономическое хозяйство, Флоренция как мир идей и Флоренция как мир высокого искусства. Сегодня мелькали такие термины и фразы, как институционный процесс, цеховая культура, то, о чем сейчас так много говорится в контексте корпоративной культуры.

Золотой флорин... Если посмотреть на Флоренцию с этой стороны, то она представляет для нас огромный интерес как пример весьма значимого экономического успеха, который перерос в совершенно потрясающий духовно-эстетический прорыв. Не так много, наверное, в истории совре-

менной и не современной мы найдем таких примеров, когда сначала возникла цеховая культура, цеха ремесленников, институты самоуправления, и это сопровождалось таким гуманитарным подъемом...

Даже если говорить вскользь, мир флорентийских ценностей очень гармоничен и противоречив одновременно. С одной стороны, отмена смертной казни, а с другой стороны, как это сегодня звучало, – флорентийское рукопожатие.

Когда мы были в одной из наших поездок в Синьории, в Палаццо Веккьо, нам показали кабинет герцога Франческо Медичи, куда он водил для последнего разговора своих оппонентов. У Медичи был на руке перстень с шипом, пропитанным ядом. Смысл флорентийского рукопожатия в данном случае сводился к тому, что Медичи было достаточно лишь одного пожатия руки, чтобы его оппонент отправился в мир иной.

В соответствии с уставом, очень строгим уставом Флорентийского Общества, каждый его член обязан словом и делом пропагандировать высокие идеалы Флоренции и исповедующего их Флорентийского Общества. Так вот, я хотел бы доложить к вопросу о цехах и самоуправляемых организациях. Не далее как сегодня в Государственной Думе были слушания по законопроекту, только не о самоуправляемых, а о саморегулируемых организациях. И ваш покорный слуга, как член Флорентийского Общества, в качестве примера прототипа, прообраза, привел именно цеха Флоренции. Потому что, как известно, цеха стали бурно создаваться в Италии в IX–X веках.

Однако очень интересный пример дает именно Флоренция, когда в XII веке она становится серьезной самоорганизующей силой, подчас и политического свойства. Известно, что к концу XII века Флоренция в составе 21 цеха пришла в городское самоуправление. Таким образом, законодательное оформление институтов самоуправления имеет уже исторический прообраз, в том числе во Флоренции.

Когда мы обсуждаем возможность принятия подобного закона, мы говорим о том, что предприниматели должны объединиться по своим профессиональным интересам, отдать часть своих полномочий саморегулируемым организациям, то есть позволить им вырабатывать стандарты профессиональной и иной этики, а за это цеха (в нашем историческом контексте – саморегулируемые организации) будут защищать профессиональные объединения перед государством. Флоренция – живой пример этому. Вот что, на мой взгляд, имеется в виду, когда мы говорим о том, что живем в эпоху Макиавелли. Таким образом, сегодня в стенах Государственной Думы прозвучала пропаганда идей Флорентийского Общества.

Мне кажется, нам, всем вместе, предстоит длительное, бесконечное путешествие в мир Флоренции. Если рассматривать Флоренцию как

мир идей, то в основном это будут идеи платоновского или, в крайнем случае, неоплатоновского свойства. Когда я смотрю на купол работы Брунеллески и облака, которые его окружают, мне кажется, в них парят эйдосы Платона, эйдосы прекрасного.

Почему концентрация высокого, красивого и культурного, как бы мы сказали, во Флоренции столь велика? Об этом сегодня говорил президент Флорентийского Общества. Потому что увлечение платоновскими и даже неоплатоновскими идеями привело к очень большой концентрации мира эйдосов, который содержит и эйдосов эстетики и прекрасного, которые, как бы сказали философы, эманлируя, преосуществляются или преосуществились в произведении самого высокого искусства, которое до сих пор, как купол Брунеллески, радует, удивляет и увлекает нас всех. Поэтому путешествие по миру Флоренции продолжается. Видите, сколько дорог ведет во Флоренцию! Я их только четыре обозначил, но их гораздо больше.



ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Заседание
Московско-Петербургского философского клуба
и Флорентийского Общества
в Институте философии РАН

14 апреля 2010 года

А. А. Гусейнов

Государство как произведение искусства – тема неожиданная, необычная, в этом сила и слабость этой темы. У нас сейчас сложилась такая ситуация, когда ни в нашей политологии, ни в нашей философии, ни в нашей юридической науке, насколько я понимаю, нет какого-то устоявшегося представления о том, что такое государство. В рамках нашей политологии и политической мысли тема государства сведена на какой-то маргинальный уровень. А ведь традиционно государство было концентрированным, высшим воплощением политики.

Если говорить о государстве как произведении искусства, что, прежде всего, должно иметься в виду? С одной стороны, эстетическое оформление государства, парадность, ритуальность – одним словом, все, что связано с дизайном пространства государства.

С другой стороны, то место, которое отведено культуре и искусству в государственных приоритетах. Этот аспект темы уходит своими корнями как раз в Ренессанс, во времена расцвета итальянских государств.

Но мне кажется, эту тему – государство как произведение искусства – можно понимать не только в том смысле, что государство, как и всякое иное явление, имеет свой эстетический аспект. И оно может быть осмыслено с эстетической точки зрения. Государство, на мой взгляд, может быть понято и в прямом значении – государство как произведение искусства, как, скажем, роман Толстого «Война и мир» или опера Чайковского «Евгений Онегин». Такой подход может пролить некий новый свет на понимание государства.

Эстетическое как срез реальности есть единство смысла и чувственной конкретности. В этом случае предметы берутся в их самоценности, их рассмотрение соответствует их собственной мере. Если хотите, когда смысл вещи не отрывается от самой вещи, в отличие от других форм культуры. Наука отрывает смысл вещи от самой вещи, который задается в форме каких-то упорядоченностей, законов и так далее. Мораль отрывает смысл вещи от самой вещи тем, что задает некие обязательные правила поведения. Даже религия отрывает вещь от самой себя тем, что помещает эту вещь в какую-то другую реальность, где эта вещь уже не является причиной самой себя. Искусство тем и отличается, что оно рассматривает вещь не в какой-то пассивной или страдательной перспективе. Здесь предметы утверждаются в их уникальности, индивидуальности и самодостаточности.

На самом деле государство – это всегда определенная общность людей. И вне ее государство не существует. Что это за общность? Здесь наиболее ясно высказался Аристотель. Исходным пунктом его рассуждения, поскольку у него политика вырастает из этики, является человек, который стремится к некоему совершенству. Он стремится к добродетельно-счастливому существованию.

Рассуждая далее, Аристотель приходит к выводу, что для добродетельной счастливой жизни нужен досуг, нужно свободное время, чтобы человек был свободен от тягот жизни, от всего того, что задается и предписывается ему природной и социальной необходимостью – забота о пропитании, семье, собственной безопасности и т. д. Одним словом, он должен иметь досуг.

Досуг – это пространство эвдемонии, или пространство человеческого счастья, говорит Аристотель. В нем человек может реализовать свое стремление быть совершенным, наполнить свою жизнь тем смыслом, который он, как разумное существо, находит наилучшим. Это пространство находится по ту сторону экономики, по ту сторону семьи, по ту сторону всех потребностей.

Аристотель задается вопросом – хорошо, попал человек в это пространство, и что он там находит? Ничего, кроме таких же индивидов, как он, озабоченных тем же, что и он, – желанием или стремлением к лучшему, к совершенному, к бессмертию. И между ними устанавливается общение, в ходе которого и возникает то, что Аристотель называет политическим общением. Возникает полис, возникает государство. Вот где исток и тайна государства. Это – свободное общение индивидов, или общение индивидов, поскольку они свободны, общение индивидов в той мере и поскольку они стремятся к высшему благу. Это общение, в ходе которого индивидуальное стремление каждого из них к высшему благу становится общим благом всех. Общее благо всех оказывается тем солнцем, вокруг которого все объединены, но, в отличие от солнца, которое видят все, это мысленно заданное и невидимое солнце их совместного существования.

Итак, согласно Аристотелю, политика – это публичное пространство, внутри которого люди и ведут разговоры, совершают поступки, которые имеют определенную нацеленность – на высшее благо. Потом появляется справедливость как принципиально новый способ организации отношений между людьми в рамках этого пространства, в отличие от того, как эти отношения задаются, скажем, социальной необходимостью, где обязательно должна быть иерархия, насилие и так далее. Здесь принципиально другая ситуация, связанная с тем, что мы обобщаем в понятии справедливости ее назначение быть цементирующим основанием этого публичного пространства.

Почему же государство есть произведение искусства? Да просто потому, что из такого подхода вытекает, что государство – это то, что создают граждане в процессе своего общения, когда они общаются ради прекрасной цели и в формах прекрасной деятельности. Это означает, что нет каких-то изначально данных канонов, что государство не является экземпляром какой-то серии, частным случаем каких-то законов. Оно есть изначально, прекрасная в себе реальность в том виде, в каком ее люди создают. И при таком понимании государство, конечно, есть произведение искусства. Граждане в их совместной деятельности творят и создают то, что отдельный художник создает своим индивидуальным творчеством, когда он пишет роман, рисует картину и так далее.

Излишне говорить, что такое понимание государства, конечно, имеет огромные следствия, в том числе, достаточно важные и актуальные и для нашего российского государства, для его демократического строительства.

Но здесь возникает вопрос, является ли наше государство, как оно представлено, союзом граждан, и где эти граждане.

П. Д. Баренбойм

«Государство как произведение искусства» как тема и концепция вытекает из вопроса соотношения государства и культуры. Политологи, философы и, тем более, юристы, как мне кажется, привыкли несколько снисходительно относиться к идеям представителей художественной литературы и искусства, например, о природе того же государства. Поэт Евгений Евтушенко написал: «Плохой вкус – это рычаг политики... Плохой вкус – это наша национальная проблема... Когда политика, ведущая себя, как путана, напяливает подвенечное платье, плохой вкус не делает ее девушкой... Употребление блатного лексикона, чтобы «стать ближе к народу», – это плохой вкус... Считать войну до победного конца единственным выходом, даже если война бесконечна, – это плохой вкус... Да и сам наш парламент – это выставка вопиюще плохого вкуса некоторых избирателей... Считать, что спасение России лишь в устаревших системах, скомпрометированных историей, – в монархии, в капитализме, в тоталитарной версии социализма, не предлагая ничего нового, – это плохой вкус». Строки из книги «Памятники не эмигрируют» (2005) заслуживают цитирования, хотя их автор, на мой взгляд, не может считаться мыслителем уровня Бродского, провозгласившего в своей Нобелевской лекции необходимость развития эстетической концепции государственности в качестве противовеса современному государству. Мандельштам в трех стихотворениях 1933 года («Мы живем, под собою не чуя страны...», «Квартира тиха, как бумага...» и, конечно, «Власть отвратительна, как руки брадобрея...») лучше выразил суть сталинской государственности, чем тысячи (в основном последующих) томов философских, исторических и юридических исследований. Именно о нем (сознательно) и Бродском (невольно) очень удачно сказал Евтушенко:

*...Немыслим профессионал-пророк.
Бессмертны лишь герои-дилетанты,
Неловкие с эпохой дуэлянты,
Не знающие, как нажать курок.*

Можем вспомнить умевшего нажимать на курок охотника и бойца Эдуарда Багрицкого, который посмел при жизни писать и печатать, что

«зеленое сукно на столе вождя как болото всасывает в себя карандаши и пресс-папье», чтобы в другом стихотворении уже продолжить образ:

*Стол раскидывался как страна,
В крови и чернилах квадрат сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клочок –
Всё друга и недруга стерегло...
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.*

Правда, он умер раньше 1937 года, который пережить у него шансов не было, но ведь печатал в цензурных условиях, и его, в отличие от литературных критиков XXI века, понимали некоторые его современники. У культуры, как мы видим, в любых условиях прорывается врожденная функция одергивания зарвавшегося государства, но также придания смысла и содержания его существованию, если мы, конечно, заговорим о конституционном правовом государстве.

Недавно скончавшийся великий сербский писатель Милорад Павич писал, что государство может иметь родословную, а может быть и выскочкой, может быть дешевой проституткой или дорогой женщиной, может быть хорошо или плохо одето, может предать свой род. Далее он пишет: «Государство приходит в упадок, если в нем хорошо живут те, кто его разрушает, и плохо живут те, кто его укрепляет... Должен признаться, что мне было довольно неуютно в государстве, созданном нашими отцами, боровшимися за светлое будущее, я никогда не чувствовал себя в нем хорошо. Потому что государство отцы кроили не по моим, а по своим меркам, они создавали его не для потомков, не для детей, не для нас, а только для себя». Павича еще в XX столетии критики заслуженно называли «первым писателем XXI века». И он, по сути, выразил то, что должны чувствовать современные молодые люди в России по отношению к нашему более старшему поколению.

Боюсь, что не все мы, родившиеся до, скажем, 1970 года, осознаем, что государство под названием Россия (официально СССР) благополучно (то есть почти без крови) исчезло с лица Земли, а в новом, ранее никогда географически и геополитически не существовавшем, государстве тоже под названием Россия мы не более чем не очень понятные пришельцы из советского прошлого. Мы люди, потерявшие свое государство, а значит, и не обладающие каким-либо авторитетом перед лицом его нынешних граждан, тем более что мы продолжаем мыслить старыми категориями: кто в

масштабе СССР, кто – Московской Руси. Подлинные же хозяева современной России – люди, родившиеся в ней, и, пожалуй, те, кто не успел в СССР присягнуть Ленину и партии даже в качестве пионера, то есть родившиеся не раньше 1983 года. Они другого государства, кроме нынешнего, не знают. Кроме того, они все больше отдаляются от нас на волне современной технологической революции. Между сегодняшними и постсоветскими россиянами не просто разрыв поколений, а разрыв стран и среды обитания. Если старшее поколение и сейчас, когда Россия географически отброшена от Европы на тысячи километров, все еще продолжает говорить об окнах и форточках в Европу, то наша молодежь не нуждается даже в дверях, так как просто не видит никакой стены.

Возможность съездить дешевым туром пока не лимитирована, а при желании, настойчивости и знании языка каждый из них может надеяться прорваться по грантам на учебу, а без грантов и на работу. Скоро любой референдум, выборы, опрос об отношении к любому законопроекту можно будет проводить в 12 часов московского времени одновременно по всей стране с использованием компьютеров и мобильных телефонов с контролем, предотвращающим подтасовку результатов. Думаю, через несколько лет они просто разгонят всю политическую элиту, играющую с ними сейчас в комсомольские поддавки типа «наши – ваши», а заодно и научную элиту, если та не предложит идеи, соответствующие задачам XXI столетия.

Я так прямо говорю об этом сейчас в здании Института Философии Российской академии наук потому, что организатор нашей дискуссии, самый мудрый человек России и по должности, и по существу, Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов так сильно поставил вопрос о современном звучании идей Якоба Буркхардта для современной России, что к этому уже нельзя не прислушаться. За такие идеи молодежь будет только благодарна старшему поколению. Думаю, публикация нашей дискуссии внесет положительный перелом в изучение философско-правовой проблемы формирования новой конституционной модели правового государства в России XXI века. Такая модель поможет становлению страны и, в конечном счете, может стать образцом для многих других государств.

Для Буркхардта, как я понял, главным было обратить внимание на выдвинутую (хотя и не сформулированную) самим временем Ренессанса концепцию государства как произведения искусства. То государство, которое делает культуру одним из главных приоритетов, в его понимании подходит под такую категорию.

Николай Рерих, которого все знают как художника, а многие знают его и по другим каким-то увлечениям, в том числе по политической деятельности невероятного направления, оказался еще и теоретиком государственоведения, теоретиком государства как произведения искусства. Он

продолжил мысль Буркхардта о приоритете культуры в государстве и мысль Достоевского о том, что красота спасет мир, оформив их в конкретные юридические формы.

Пакт Рериха есть набор идей, каким должно быть государство и каким должен быть путь к тому, чтобы государство стало произведением искусства. По Рериху, это такое государство, в котором доминантой является культура. Кажется, утопическая мысль, очень абстрактная, легко может быть оспорена с таких же абстрактных позиций. Но Рерих с этой наивной формулой покориł половину земного шара, то есть почти половину независимых государств того времени. Он не только добился от них поддержки этой идеи, но и подвиг их к подписанию конкретного юридического документа – Пакта Рериха, значимость которого до сих пор еще не осознана, а идеи не воплощены в жизнь. Завтра будет как раз 75-летие, когда в кабинете Франклина Рузвельта, в Овальном офисе в Белом доме 21 государство подписало Пакт Рериха.

В чем суть этого короткого документа? Рерих быстро убедился после Первой мировой войны, что ничего сделать нельзя с ростом уровня насилия и агрессии, который существует в мире. Поэтому он добивался обуздания военной силы, запрета для военных разрушать произведения культуры и науки, в том числе и университеты, которые оказывались под защитой Пакта Рериха. Он выдвинул простую и – я еще раз говорю – наивную мысль, чтобы запретить уничтожать произведения искусства в ходе войн. Был принят документ о приоритете культуры над военной необходимостью. Советский Союз, надо сказать, приглашенный к участию в этом Пакте, замалчивал его и не подписывал. Сразу после войны появилась Гаагская Конвенция ООН, где идеи Пакта Рериха и сам Пакт упоминаются в тексте Конвенции, но его главная мысль была перевернута: военная необходимость была поставлена первой, а затем уже шла речь о защите культурных объектов.

В соответствии с этой конвенцией каждая страна должна представить список своих культурных объектов, которые, после регистрации их в ООН, подлежат защите в случае военных действий. И Советский Союз, и нынешняя Россия до настоящего времени не подали список своих культурных объектов в соответствии с этой конвенцией для защиты от войны. Скажу специально для наших гостей из Санкт-Петербурга, что сейчас юридически защищает город от военного удара нахождение под охраной ЮНЕСКО, потому что он имеет особый статус, единственный в России. Кстати, продолжение строительства небоскреба Газпрома приведет к тому, что вскоре защита ЮНЕСКО будет снята.

Государство как произведение искусства – это то государство, в котором поощряется творчество; которое верит в идеалы. Что касается Пакта

Рериха, у нас среди юристов почти никто не знает о существовании этого документа. Поэтому мне кажется, что государство как произведение искусства – это государство, где ценятся идеи Пакта Рериха.

А. А. Гусейнов

Можно так сказать, что государство – это пространство, где процветают свободные занятия. Правильно? Свободные занятия – искусство, культура, философия...

В. М. Межуев

Я сторонник не сакрализации государства, ни его эстетизации, а его рационализации. Потому что эстетизация государства – это есть своеобразный вид его сакрализации.

Теория государства, которая была разработана Аристотелем и Платоном в какой-то степени, Платон просто больше преимущества отдавал не политикам, а философам, это была теория для избранных. Это была теория свободного пространства, но только предназначенного для граждан, для эллинов, и то не для всех, а для афинских эллинов. Эллины были свободно-рожденными, а все остальные – варвары, и их судьба – быть рабами.

Только возникает вопрос – а кто их кормить будет? Кто будет заниматься производством? Кто будет заниматься созданием тех жизненных благ, без которых слишком много философией не позанимаешься? Здесь возникает другая проблема – государство должно определиться в отношении этих вопросов. Ну хорошо, оно будет вольным сообществом философов, художников и кого еще. Тогда непонятно, зачем нужна политика.

В новое время государство, конечно, обрело иные функции. Оно стало синонимом уже не избранных, не полиса, а общества. Если общество – это прежде всего сфера приватности, тогда, спрашивается, каким здесь должно быть государство? Государство выступает действительно как некоторая машина, но никак не эстетическая конструкция. Это во времена Возрождения можно было так говорить, потому что Возрождение, конечно, было очень эстетизированное мировоззрение. В новое время государство выступает как машина, которая принуждает частных собственников, людей, преследующих свой частный интерес, действовать так, чтобы они не перегрызли друг другу горло – вот его главное назначение.

Государство здесь выступает не функцией произведения искусства, оно выступает функцией правового государства. Правовое государство – это и есть рационализация государства, есть правовой рационализм. Что там эстетически можно объяснить – я понятия не имею!

Эпоха Возрождения – это время имперских театров, имперской архитектуры, имперской музыки, имперского зодчества. Вся высокая культу-

ра работала на покровителей, не только светских, но и религиозных. Все делалось по заказу либо двора, либо священных иерархов. Надо сказать, что вкусы, видимо, были достаточно высокими у заказчиков, потому что создавались шедевры, несмотря на то, что работали на государственный заказ.

Правовое, рациональное государство патронирует не художника, а потребителя. Единственное, оно обязано обеспечить следующее. Все то, что создал художник как свободный творец, должно дойти до потребителя. Это и обеспечивает государство демократическое, в отличие от недемократического государства, которое патронирует искусство. Буркхардт мог как угодно описывать деяния государства, но он не жил в новое время. Он описывал не эпоху демократии правового государства, а жизнь отдельных княжеств и королевств итальянского периода Ренессанса.

Совершенно очевидно, что жить в XXI веке и идти по пути эстетизации и сакрализации государства, отбрасывая момент рационализации, это путь в никуда. А что такое рационализация – я повторяю еще раз: введение государства в правовое пространство, вот чего мы никак в России не можем достигнуть.

И. Г. Яковенко

Безусловно, в государстве присутствует эстетическая составляющая. Иными словами, государство в глазах его подданных, в глазах его граждан выступает как эстетический феномен. Видимо, это связано с природой сакрального. Государство сакрально – нравится это Вадиму или мне или не нравится, но такова реальность. А сакральное понимается как антитеза безобразного. Но дело в том, что эстетическое субъективно, всякое суждение эстетическое есть суждение вкуса, а вкус – вещь субъективная. Скажем, я – человек европейских ценностей и ориентаций. Для меня формы репрезентации какого-то азиатского владыки лишены эстетического, они выражают запредельный характер власти, ее величие, несоразмерность этой власти мне, человеку. И в этом отношении они глубинно безвкусны. А для носителей других ценностей и другого мировосприятия эти формы, в которых являет себя государство, – архитектурные, эстетические, ритуальные, – прекрасны и органичны. Поэтому надо понимать, что об этих формах как о прекрасном говорить трудно. Можно говорить о государстве как об искусстве, выражающем дух общества. В этом отношении это искусство, но говорить о том, что государство объективно или универсально прекрасно, с моей точки зрения, сложно.

Я так полагаю, что сакрализация государства коренится в природе государства. Люди не могут относиться к государству только как к некоторому социальному или политическому институту. Это вещи довольно извест-

ные, и нет смысла об этом много говорить. Любое государство всегда будет себя эстетизировать. Оно всегда будет работать на ритуальные формы, на самопредставление, всегда будет самовыражать себя некоторым образом, который предполагает особое отношение к государству. И в этом отношении оно неотделимо от искусства. Только, я повторяю, это очень частное искусство, по частному поводу, которое адекватно конкретно данному обществу данной локальной цивилизации и данной эпохи.

В. Н. Шевченко

Государство как организация совместной жизни людей на определенной территории есть очень часто результат неосознанного творчества по законам красоты и вместе с тем оказывается постоянно создаваемой и пересоздаваемой конкретной вещью, которую можно рассматривать и как произведение искусства. Как все это выглядит с точки зрения рассмотрения бытия государства в истории во взаимодействии с другими государствами. Государство как деятельность и верховной власти, и низов озабочено прежде всего не эстетикой и не рационализацией. Любое государство, в том числе и российское, если оно желает и далее существовать в истории, должно быть озабочено тем, как преуспеть в истории, говоря сегодняшним штампом, как быть конкурентоспособным на мировой арене. И вместе с тем оно стремится, так или иначе, к реализации общего блага для всех, носителем которого оно и является. Так вот что на первое место должно ставить государство – права, свободы, демократические процедуры или выживание государства в условиях нередко жесточайшей конкуренции на мировой арене, включая и объявленные и необъявленные против государства войны. По замыслу, по идее, российское государство всегда было, есть и будет носителем идеи общего блага, и всегда будет потребность в сакрализации российского государства. Но это сегодня совершенно не актуальная проблематика, она становится все более и более маргинальной. Теперь для нас на первое место выходят совершенно другие вещи, о которых здесь говорил Вадим Михайлович, – права и свободы человека. Но если реализацию прав и свобод ставить во главу угла, то это путь, который нами не будет успешно пройден, это тупиковый в этом смысле путь.

Если говорить сегодня, то нужно говорить не просто о проблемах модернизации, в том числе и государства как основы политической системы. Нужно говорить о том, как сегодня выжить российскому государству, почему сегодня актуальной вновь становится идея особого пути развития российского государства. Именно особого. И тогда в этом плане мы можем говорить о том, что и право, и демократия есть средства решения вполне определенных задач, связанных с развитием европейской, шире – западной цивилизации.

Мы сможем успешно существовать только как державное, централизованное государство. Отсюда и неизбежный патерналистский характер российского государства (формы патернализма бывают разные). В противном случае мы остаемся недостроенным национальным государством, тяготеющим к распаду, потому что федерация может спокойно быть только в том случае, если субъекты федерации находятся на более-менее одинаковом уровне развития, как в ФРГ. Но у нас сегодня в государстве все обстоит по-другому. Нельзя на это закрывать глаза.

Для нас самая главная проблема – это не строительство демократических институтов на западный манер. Самая главная проблема, которая стоит для российского государства, – как избежать реальной и большой опасности выпадения из истории.

Сегодняшние рассуждения об эстетике и рационализации российского государства должны быть соотнесены с той великой целью, которую мы должны перед собой ставить. Иначе выпадение из истории неизбежно, и оно может привести к тому, что мы станем еще одной Грецией или Египтом, куда будут ездить туристы, чтобы посмотреть культурное достояние великого прошлого страны. Сегодня мы наблюдаем, что идущий вот уже двадцать лет процесс деградации и регресса российского общества замедлился, но он еще не остановлен. Деградация по всем параметрам – социальным, культурным, экономическим, политическим – продолжается. И в этом отношении нужно еще раз поставить вопрос о том, чем же действительно сегодня должно заниматься государство.

Все меньше мы занимаемся проблемой развития российского государства в сегодняшней весьма динамичной истории, и все больше мы ставим в центр внимания трудности внедрения западных ценностей в российское общество. Самым лучшим решением этого вопроса будет, если Россия распадется на 30–40 маленьких, по-настоящему демократических государств. Вот тогда действительно в каждом из них можно построить настоящую демократию – маленькую, аккуратную, где все будет рационализировано, эстетически красиво и никакой сакральности. Неужели мы обречены на такой бесславный конец российского государства?

А. А. Ливеровский

У меня будет два очень конкретных вопроса. И они будут обращены к Вам, уважаемый Абдусалам Абдулкеримович, председательствующему на нашем круглом столе, и к Вам, Вадим Михайлович.

Первый вопрос: ответьте мне, пожалуйста, как работать с вашим понятием государства в научных, в частности, правовых исследованиях. Второй вопрос. Когда заказчиком произведений искусства и его потребителем становится население, в демократическом государстве, то не приведет

ли это, как мы уже видим, к появлению массового искусства и массовой культуры?

А. А. Гусейнов

В каждой Конституции говорится о том, что у государства есть какие-то цели – процветание, благо граждан. Правильно? И государство должно служить этим целям. Если понимать государство правовое так, как говорит В.Межуев, что оно должно обслуживать потребителей. Иначе говоря, общество – это совокупность частных граждан, каждый из которых преследует свои цели, а государство их обслуживает, чтобы не передрались. Да будь трижды проклято это правовое государство, если оно в этом состоит! Не может такого быть. Тогда лишены всякого смысла все исторические поиски каких-то совершенных форм организации общественной жизни. Поэтому я должен сказать, на самом деле, и в нашем государстве, и в современном мире есть какие-то стороны, сквозь которые просвечивает модель государства Аристотеля. Например, почему у нас каждый гражданин имеет один голос? Кто может мне ответить? Почему самый последний бомж имеет такой же голос, как Абрамович, Путин и так далее? Из какого понимания государства это исходит? Это исходит из аристотелевского, из того, что это союз граждан, союз равных. Или другой пункт – почему наши правители все время хотят убедить, что они работают ради общего блага, как рабы на галерах? Из чего они исходят? Почему они всех нас хотят убедить, что они не ради себя и своих дружков, которых они тянут во власть, работают, а ради всех нас? Да потому, что они тоже исходят из этой общей, сидящей в голове у каждого правителя, мысли о том, что деятельность государства концентрируется вокруг общего блага.

В. М. Межуев

Понимаете, у нас так повелось в России – мы все время искусство называем культурой. Никакой художник культуру не создает, он создает произведение искусства. Тогда будет понятно, в чем должна заключаться деятельность государства. Простой пример. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» был написан к 1940 году. Это было произведение искусства. А в культуру роман вошел в 1966 году, когда он был издан и стал достоянием читателей. Кино, которое сняли и положили на полку, никому не показали, может быть произведением искусства, даже выдающимся. Культурой оно становится тогда, когда доходит до зрителя. В правовом отношении это очень важная вещь. Значит, культуру создают художник и потребитель в своем взаимодействии. Где происходит встреча художника и потребителя? Это называется институтом или учреждением культуры. Если мы возьмем, скажем, театр как союз драматурга, художника, режиссера, актера, то это

вид искусства. Театр, куда приходит публика, – это учреждение культуры. Это может быть кинотеатр, это может быть консерватория, музей и т.д. Вот за учреждения культуры отвечает государство. Государство не указывает художнику, какую музыку ему писать, пьесу или роман сочинять. Это глупости. Искусством управлять нельзя. Искусство неуправляемо, это продукт свободной деятельности. Управлять можно местом, где происходит встреча художника и зрителя. Вот это подлежит правовому регулированию. Значит, эти места должны быть всем доступны, они должны быть всем по карману, они должны быть обращены в равной степени ко всем.

Действительно, когда художник переориентируется с патернализма государственного на рынок, происходит то, что вы называете массовой культурой, то есть когда художник работает на рынок. Он не поднимает до себя читателя или зрителя, а опускается до их уровня, до массовой, потребительской культуры. Культура становится товаром. Что можно этому у нас противопоставить? Это действительно большая проблема, которая решается в теории за счет освобождения человеческого времени от давления рабочего времени.

Свободное время – это время, где я сам себя делаю. Каждый человек – художник в одном смысле слова. Любой человек создает одно, уж точно одно произведение – самого себя. Это произведение может быть интересным, нужным, вызывающим какое-то уважение, какой-то авторитет, а может быть и так – скорее отвернуться и забыть. Чтобы я был интересен, нужен, вызывал к себе интерес, находил общение с другими, я должен с собой что-то делать. Если перед человеком такую задачу поставить, он будет искать в искусстве не то, что его на сегодняшний день развлекает, а завтра он забудет, а тот самый материал, из которого он может вылепить самого себя. Вот как я это понимаю. Если человек перед такой необходимостью не стоит, ему все равно, кто он, – тогда он штампуется в обществе как точное производство какого-то предмета на заводе. Сегодня это, к сожалению, и происходит. Это есть главная проблема, над которой ломают головы философы: как выйти за рамки массового общества и массовой культуры. Возложить здесь надежду на государство – извините, не верю.

В. И. Лафитский

Я вернусь к теме нашего заседания – государство как произведение искусства. Я выскажу такую четкую мысль, четкий тезис – государство не возникло бы, если не было бы искусства. Можно приводить множество примеров. Израиль был создан только благодаря Торе и другим священным книгам Танаха. Не было бы этих священных книг – не было бы Израиля. Появление священных гимнов Авесты Заратустры привело к созданию древнеиранского государства. Если мы пойдем дальше на восток, в Индию,

мы увидим, что без Рамаяны, без Махабхараты не было бы ни арийских княжеств, ни древнеиндийских царств. Можно упомянуть такие великие памятники, как поэма Гесиода, «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Без них не было бы эллинского мира. То есть искусство так или иначе, но оно рождало государство. И в дальнейшем искусство сопровождало развитие государства, оно оценивало государство, оно корректировало его развитие.

И последний тезис. Сейчас есть два пути: либо путь искусства, либо путь технократизма. Как раз я стою за то, чтобы государство развивалось по пути искусства, а не технократизма, который убивает душу государства.

И. С. Филиппов

Мне кажется, что, в конечном счете, нет уж такого большого противоречия между рационализацией государства и его эстетизацией. В конце концов, математика может быть даже очень красивой. В этом смысле нашему государству, мне кажется, недостает как рационализации, так и определенной эстетизации. Посмотрите, какого качества наше законодательство – один закон противоречит другому, один кодекс другому. Не успеет издать какой-нибудь кодекс, как он немедленно обрастает десятками и сотнями поправок. Кто же думал, как же такое может быть? Почему его нельзя было сделать истинно красивым изначально, непротиворечивым? У нас действительно много делается для сакрализации государства. Разрабатываются ритуалы. Они могут быть и красивыми. Но сказать, что управление страной у нас организовано как-то красиво, было бы невозможно. Так же, как нельзя сказать, что оно организовано рационально. Об этом неприятно говорить, но смотрите на наших депутатов – как они выглядят и как они себя ведут. Мне кажется, что в известных границах рационализация и эстетизация государства совместимы.

И. Голованова

Во многом споры и дискуссии между философами и юристами возникают в силу того, что все-таки юристы исходят из понимания государства как средства. Классическое определение государства, которым оперирует современная доктрина, это, в общем-то, концепция государства как средства. То, о чем сегодня говорил А. А. Гусейнов, – это все-таки государство как цель. Без понимания этого водораздела мы вряд ли сможем благотворно дискутировать на эту тему. И, в частности, тема сегодняшнего заседания – государство как произведение искусства – это, прежде всего, разговор о государстве как о цели. Это моя первая реплика.

Второе мое замечание состоит в том, что принципиально различаются между собой достаточно одномерная романская концепция государства и метафизическая германская концепция государства. Только при

ясном понимании того, что это абсолютно разные подходы, возможна плодотворная дискуссия.

С. Ю. Кашкин

Мы в ходе дискуссии как раз и пытаемся увидеть государство как средство, ведущее к цели. Улавливаете? И через эту призму мы выделяем в государстве несколько важных элементов. Это искусство создания государства, искусство управления государством, далее культура управления государством, которая разделяется на политическую культуру, правовую культуру и нравственно-этическую культуру. Последняя тоже есть составная часть государства как произведения искусства. При этом никуда не денешься еще от одной стороны – красота государства как гармония исторически изменчива, как и всякая красота.

Д. Д. Осипов

Я услышал в главных докладах три варианта определения того, что есть государство как произведение искусства.

В предыдущем выступлении говорилось о том, что в государстве должна быть гармония – это есть аристотелевская мера. Государство есть мера гармонии между чем и чем? Между формой и содержанием. А дальше можем уже определять, насколько, в какой мере одно соответствует другому. Я согласен с тем, что говорил А. А. Гусейнов. У Аристотеля речь идет не просто об эстетической форме, в том числе об этической форме. Государство Аристотеля – это государство дружбы, которое, скажем так, красиво выстроено.

Второй вариант понимания государства как искусства, о чем говорил П. Д. Баренбойм, это то, что государство как искусство имеет некую культурную функцию. Я согласен с этим. Мне кажется, это очень важная тема, которая не разработана, прежде всего, культурная политика. На основе чего мы можем говорить о культуре, как о юридическом явлении, имеющем правовые основания? Главная часть культурной политики – культурное право – вообще выпало из нашей государственной практики, его просто не существует.

Здесь Рерих очень интересен как яркий пример человека, который вообще не был юристом, но он дошел до юридических оснований того, что мы называем культурой.

Третий вариант для меня более близок. Первоначально государство все-таки творило не просто государство, но власть. Мы можем говорить о власти, об эстетике власти. Властвующая персона, как ее ни называть – царь, император, – они пытались творить государство. В древнем мире, конечно, к этому процессу подключалось 15–20 процентов греков/римлян,

которые участвовали в процессах творчества государственных форм бытия. Но 80 процентов, конечно, были лишены этой возможности.

Суть демократии, когда мы начинаем говорить о современной ситуации, заключается в том, что правовое государство как раз и выступает средством подключить к процессу творчества как можно больше людей. Я считаю, что единственная форма достижения гармонии в современном государстве это, конечно, юридическая форма. Других способов творить государства нет.

Правовая система понимается как то, что творится не только юристами, но и всеми другими людьми. Право на создание законов должны иметь не только элита, не только юристы, но и то, что мы называем гражданским обществом. То есть, все люди, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, должны иметь возможность участвовать или, по крайней мере, влиять на создание юридических норм.

Я считаю, что современное правовое государство имеет прочную философскую базу. Начиная с XVII–XVIII веков философы-просветители создавали демократическое правовое государство. Это уникальная ситуация, когда философы в свое время имели большую значимость, чем властители. Короли склоняли головы перед философами. До этого, конечно, мы вряд ли сегодня доживем, но важно найти форму участия философов в решении нынешних проблем государства.

Самое последнее, хотел бы сказать, что сегодняшняя дискуссия, мне кажется, является формой такой беседы, которая, собственно говоря, и демонстрирует бытие государства как некий творческий процесс. А где его еще творить в интеллектуальной форме? Здесь, на нашем круглом столе.

Л. О. Иванов

Говорят, что наиболее близким аналогом Конституции России является французская конституция. Но взгляните на наше государство и на Францию – это совершенно разные вещи. Исходя из этого сравнения, я вижу, прежде всего, очень плодотворный подход, связанный с тем, чтобы дать феноменологическое описание нашего государства. Вот какое оно в реальности, каковы реальные отношения. Вроде бы формально у нас должно быть много похожего, а этого нет. Ведь участником построения государства является не только власть. Конечно, действия власти очень важны. Но и все мы, граждане, тоже вносим свой вклад. Поэтому и получается такой очень сложный синтез государства и гражданского общества. Далее. Отношения власти и, скажем, электората, наши межличностные отношения на уровне коллектива по сравнению с каким-либо европейским научным учреждением, а мне приходилось с ними сотрудничать, это, вы знаете, большая раз-

ница. И так во всем. Было бы очень важно описать то, что можно назвать нашим государственным бытом. В свое время француз де Кюстин описал николаевскую Россию, он оставил для последующих поколений очень интересный срез тогдашней нашей жизни. И вот, если мы сегодня смогли бы получить, условно говоря, такое описание, мы бы тогда, наверное, сказали – вот наше государство как произведение искусства. Это может быть сделано и в виде научного трактата.

Г. Г. Бернацкий

Будем ли мы рационализировать государство или, напротив, его поэтизировать – все равно мы, по-моему, рисуем некоторый идеал государства, к которому стремимся или который хотим на земле создать. А идеал, видимо, имеет и рациональные, и эстетические черты. Можно сказать, что идеал – это рационально-эстетический конструкт, который мы создаем в теории и к которому мы хотим приблизиться в жизни. Аристотель сформулировал этическое понимание государства. В современном понимании идеал государства, видимо, выражен в современных конституционных универсалиях, таких как демократическое, правовое, социальное государство. Скажем, мы записали в Конституции идеи правового демократического государства. Но мы очень далеки от них.

Но представим себе, что этот идеал политико-правового современного конституционализма реализован, и мы сформировали новый тип личности в нашем обществе. А что это за тип личности, соответствующий современному конституционализму? Это человек, видимо, самостоятельный, инициативный, рациональный. Причем сугубо рациональный, который хорошо понимает законы, им четко следует. Эмоциональность здесь особенно не приветствуется. Это человек – индивидуалист, который смотрит на жизнь так, чтобы хорошо обеспечить себя, свою жизнь, свою семью, в этом его задача. Этот человек должен подозрительно смотреть на свое государство и правительство и каждый раз, каждые четыре года, переизбирать высшее руководство.

Рассмотрим еще один из тех идеалов, которые заложены в нашей Конституции. Вторая статья Конституции России говорит так (любимая моя тема – это вторая статья Конституции). Статья звучит так: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В свое время, в 90-е годы, был знаменитый спор, правда, заочный, между нашим первым мэром Санкт-Петербурга – А. А. Собчаком и Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Собчак, естественно, исходя из либеральной модели, упирал на то, что права и свободы человека превыше всего, они есть высшая ценность. А митрополит Иоанн отвечал ему следующее. Замечательно высокая мысль о верховенстве прав человека фактически пита-

ется эгоизмом и самомнением. Она ведет к изоляции людей друг от друга, к классовой борьбе, к разъединению общества. В нашей православной культуре, он говорил, всегда на первое место выступали обязанности, а не права.

Поэтому, мне кажется, когда мы говорим об идеале государства и политико-правовом идеале, нужно иметь в виду, что этот идеал часто сталкивается с культурой народа. К примеру, американцы насаждают этот политико-правовой идеал демократического государства в Ираке, но ничего из этого не получается. Ирак не хочет жить по модели американцев. Я не думаю, что мы сейчас можем насадить такой идеал и в Китае. Китай живет и процветает, но они не хотят западную модель государства насаждать у себя в обществе. Если мы берем разнообразие культур в мире, то тот идеал, который сейчас сформулирован – политико-правовой, правовое демократическое государство, – это далеко не идеал для многих стран и далеко не всегда он формирует тот тип личности, который мы с радостью примем.

А. В. Захаров

В начале нашей дискуссии уже было отмечено, что «Государство как произведение искусства» – тема неожиданная и необычная. Споры нет. А вот насколько выбранная тема актуальна? Насколько важно в начале XXI века вновь вернуться к разговору, начатому более 100 лет назад швейцарским мыслителем о «государстве как сознательно задуманном построении»? Некоторые современные ученые полагают, что будущее невозможно предсказать, его нужно создавать. В условиях, когда миром правит многообразие, по их мнению, именно вопросы, а не ответы определяют будущее.

Сегодня модернизация – ключевое слово в современном российском политическом лексиконе. При этом, толкование этого термина имеет достаточно широкий диапазон. В узком смысле под модернизацией понимается придание экономике инновационного характера. В широком понимании этого слова речь идет о необходимости достаточно серьезных изменений во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической и социальной. Из уст политических экспертов нередко звучат весьма образные метафоры на заданную тему. Вот одна из них: «Российская модернизация – это такой политический евроремонт, наполненный инновационным технологическим содержанием». Можно спорить о том, как назвать процесс обновления общества: политическим евроремонтом или построением правового государства. Для определенной части мыслящей элиты ясно одно: изменения в стране необходимы. Остается лишь ответить на вопрос о сути предстоящих изменений. Подходы здесь могут

быть самыми различными. Например, когда речь зашла о создании в России своей Силиконовой долины, на вопрос о том, чего не хватает для реализации этого проекта, председатель правления Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юргенс ответил: «Адекватного законодательства, инфраструктуры, культуры общества». И далее добавил: «Проект получится, если будет готовиться свободными людьми, в свободной стране в творческих условиях. А в подготовленном в феврале 2010 года ИНСОРОм докладе «Россия XXI века: образ желаемого завтра» содержится утверждение, что без социально-политической модернизации невозможна и экономическая. Это означает, что наше общество должно готовиться к переменам или, по меньшей мере, осознать их необходимость. Для этого необходимо создать определенные предпосылки. Одна из важнейших предпосылок – реализация задачи построения правового государства.

В этой связи можно сказать, что разработка доктрины понятия правового государства на уровне XXI столетия – это не благое пожелание, а обязанность государства и общества. Эстетические же концепции государственности могут стать ключом к разработке понятия правового государства, то есть понимания, в каком государстве мы живем, а точнее – какое государство надо строить. Сама концепция государства как произведения искусства не была сформулирована Якобом Буркхардтом в каком-то законченном виде. Она сводилась, в основном, к мысли, что государства и их правители того времени считали достижения в сфере культуры и искусства крайне важными для укрепления престижа государства и их собственного. В итоге это привело к государственной защите и поощрению наук и искусства. Отсутствие четкости в формулировании концепции нетрудно объяснить ее, с одной стороны, интуитивной творческой очевидностью, с другой – крайней трудностью увязывания с реальной государственной жизнью.

Начиная с первых лет XX века Николай Рерих стал разрабатывать эстетическую концепцию государственности, основанную на примате вопроса развития и защиты культуры и искусства перед всеми остальными направлениями государственной деятельности. По его мнению, эти приоритеты должны быть обязательно учтены в распределении государственного финансирования. Рерих полагал, что развитие культуры и искусства само по себе приведет к оздоровлению жизни государства и общества. Судите сами, насколько актуально звучит сегодня один из его заветов потомкам: «Сперва опознаем и сбережем культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными».

Размышляя об этом, следует также задаться вопросом о степени нашей восприимчивости к Слову великого соотечественника. В качестве лишь одного примера того, с каким трудом прививаются идеи Рериха к будущим поколениям, можно привести «диагноз», который поставил совет-

ской России Андрей Тарковский, писавший спустя много лет после появления рериховской концепции: «Если падение искусства очевидно, – это как раз налицо, а искусство – душа народа, то народ наш, наша страна тяжело больны душевно».

Главное положение философско-правовой концепции государства, разработанной Рерихом, гласит: обязанностью государства является поддержание и развитие духовной общности проживающего в нем населения. При этом государство должно быть в первую очередь ориентировано в своей созидательной деятельности на расцвет будущих поколений и эволюционное построение новой будущей цивилизации с помощью развития и поощрения образования и культуры. Эстетическая модель государства дает науке конституционного права и философии права необходимые подходы для начала разработки доктрины правового государства, которая, в свою очередь, должна обеспечить конституционную основу Возрождения в России и создания в ней (говоря словами Николая Рериха), «государства будущего». Сегодня в повестке дня стоит вопрос о возможности достижения идеи правового государства с высокой эстетической составляющей.

Хочется верить, что идея правового государства должна стать движущей силой достижения благосостояния и процветания граждан России. Не думаю, что такой подход выглядит утопичным. В конце концов, как сказано в одной умной книге: «Сильное воображение порождает событие». Идея правового государства записана в тексте Конституции – это закон, который власть обязана претворять в жизнь.

Создатели американской Конституции считали, что истинной целью человечества является стремление к счастью. В российской Конституции записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Это означает, что главной целью при разработке стратегии России XXI века, включая ее правовую составляющую, должна стать личность, ее права, свободы и обязанности. Философы учат, что быть личностью значит быть свободным.

В начале 70-х годов XX века Андрей Тарковский, размышляя об ответственности за судьбу будущих поколений, написал также строчки: «Какими будут наши дети? От нас многое зависит. Но от них самих тоже. Надо, чтобы в них жило стремление к свободе. Это зависит от нас». Как воспитать в наших детях стремление к свободе? Наверное, в том числе через стремление к познанию прекрасного. Ф. Шиллер считал, что только путем красоты можно достичь свободы. Художник может и должен воспитывать красотой. И. Кант к тому же полагал, что красота немыслима без истины. Поэтому формула его философской системы содержит истину, добро и красоту, взятые в их единстве, замкнутые на человека, и его культурное творчество. Вспомним также утверждение Канта, что два человеческих изобре-

тения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать.

Сегодня один из важнейших вопросов повестки дня страны можно сформулировать следующим образом: как в рамках объявленного модернизационного проекта наилучшим образом спроектировать будущее России? Практически речь идет об осуществлении своего рода управленческого реинжиниринга страны. Это означает, в том числе, и овладение правящей элитой искусством управления самим процессом преобразований и непрерывно происходящих изменений.

И еще раз о самом важном. Прежде чем приступить к осуществлению перемен в стране, необходимо, чтобы Государство и Общество впервые в отечественной истории твердо заявили, что главной целью проекта комплексной системной модернизации России должна наконец-то стать личность, защита ее прав и свобод. И что это не просто декларация и очередное сотрясание воздуха, а реальная цель. Тогда из такого целеполагания должна вытекать готовность к реализации соответствующих задач. В числе приоритетнейших хотелось бы назвать как минимум две: обеспечение в России в XXI веке Верховенства права и Верховенства культуры. А одним из базовых условий продвижения к намеченной цели должна стать реформа образования. Совершенно недопустимо для страны, которая рвется в завтрашний день, чтобы ее образовательная система готовила специалистов вчерашнего дня.

Главное средство производства в современном мире – интеллект. По мнению шведских экономистов – авторов нашумевшего бестселлера «Бизнес в стиле фанк», 300 лет назад богатство определялось наличием прав на землю. Затем главным фактором стал капитал. Теперь – это образование. При этом образование – это не заполнение голов голыми фактами. Образование – это эмоции и душа. А где эмоции и душа, там уже можно поговорить о воспитании и культуре. И именно новые поколения специалистов и ученых, получивших современное образование, смогут создать образ будущей России и практически реализовать проект государства как сознательно задуманного построения, то есть проект под названием «Новая Россия».

Скорость изменений, происходящих в мире, ошеломительна. К этому новому состоянию мира трудно привыкать и адаптироваться, но с этим всем приходится жить. По мнению некоторых аналитиков, эпохи перемен в ускоряющейся информационной и социальной реальности – это перманентное состояние развития человечества. Вот, например, о чем говорится в видеоролике одной известной интернет-компании: «В середине первого десятилетия XXI века в год производится больше уникальной информации, чем за предыдущие пять тысячелетий». И далее: «Студенты, которые полу-

чат образование сейчас, будут работать по профессиям, которые еще не созданы; использовать технологии, которых сегодня еще нет; решать задачи, о которых мы сегодня даже не знаем».

Из всего сказанного хочется сделать один простой вывод: необходимо, чтобы Государство поставило в качестве приоритетной задачи реинвестирование значительной части своих доходов в свое Будущее, то есть – в Культуру, Образование и Науку.

П. Д. Баренбойм

В заключение реплика – это после яркого выступления нашего финансиста. Государство как произведение искусства – это, наверное, государство, которое хотя бы умеет нарисовать свои деньги. Дело в том, что у нас сторублевая, пятисотрублевая банкнота, тысячерублевая банкнота – все нарисованы с ошибками. Например, на одной из них изображен памятник Ярославу Мудрому – не тот, что в Ярославле, а тот, что в Киеве, то есть в иностранном государстве. И в сторублевой банкноте тоже ошибка. Памятник Петру – не из Архангельска, а из Таганрога, и т. д.

Кстати, Мандельштам отлично сказал о ценностях культуры, используя образ флорентийской валюты XV века – золотого флорина: «То, что ценности гуманизма ныне стали редки, как бы изъяты из употребления и подспудны, вовсе не есть дурной знак. Гуманистические ценности только ушли, спрятались, как золотая валюта, но, как золотой запас, они обеспечивают все идейное обращение современной Европы и подспудно управляют им тем более властно. Переход на золотую валюту – дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей – бумажных выпусков – золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок».

В стране, которая фактически тратит три четверти из дошедших до расходной части бюджета бумажных денег на военные и близкие к ним дела, давно пора произвести их конвертацию в «золотые флорины флорентийского гуманизма» и при любом раскладе тратить не менее половины на культуру, образование и здравоохранение.

А. А. Гусейнов

Мне кажется, возможно, даже против ожидания, у нас разговор получился. В заключение мне хотелось бы подчеркнуть только одну мысль, прозвучавшую здесь. Хорошо было показано, что эстетизация государства не противоречит его рационализации. Хочу еще добавить и сказать – эстетизация государства совсем не означает и не обязательно ведет к его са-

крализации. В. М. Межуев в своем выступлении хорошо сформулировал одну вещь. Он сказал, что в свободном публичном пространстве каждый свободный человек создает свое произведение искусства – он создает себя, свою собственную жизнь. Это совершенно замечательная мысль. Но особенность публичного пространства в том, что это такое пространство, где все мы граждане, и в той мере, в какой мы граждане, тоже все вместе создаем одно произведение. Это произведение есть государство.

Одним из выступавших было прекрасно сказано: конституции Франции и России очень схожи между собой, а какие это разные государства! Вы просто посмотрите реально, и мы увидим, что каждое государство – это какая-то необычная конструкция. Правовое государство как символ рационализма – хорошо. Откуда берутся законы? Мы их создаем. Юристы и многие другие граждане создают эти законы. Это продукт нашего творчества. Мы же создаем сами свое государство! Центральная власть – откуда она? Она формируется в соответствии с теми конституционными началами, которые мы задаем. И напрасно думать, что государство – это некая иррациональная реальность, которая находится вне сознательного контроля людей. Это такая социальная вещь, которая создается людьми. Одни ее формы рушатся, другие создаются в ходе творимой людьми своей собственной истории.



Pietro Barenboim¹

FIRENZE A MOSCA

*Un sogno. Firenze. Finora
Ricordo come noi che non potevamo uscire dal Paese,
In barba agli ostacoli del secolo,
Chiusi gli occhi, giravamo,
Sfogliando le vie e gli stili,
Lungo l'Arno che è più che un fiume.*

Yan Brushtein

IL SOGNO RUSSO DI FIRENZE

L'Arno è più che un fiume

I versi del mio amico Yan Brushtein nell'epigrafo possono risultare incomprensibili persino ai giovani russi di oggi. Loro ignorano il concetto sovietico di «persone prive del diritto di uscire dal Paese». Mentre tutta la mia generazione prima del crollo del regime sovietico era priva del diritto di andare all'estero. Nessuno ormai ci potrà restituire la giovinezza passata senza l'Italia e senza Firenze. Yan finora non vi è potuto andare per motivi di salute.

Per questo i suoi versi penetranti fanno percepire le emozioni di un'intera generazione nata subito dopo la Seconda guerra mondiale.

*Firenze è come un salvagente
Nella lotta letale tra il dolore e la luce.
Chi vincerà... lo saprò
In quella vita dove di nuovo entreremo in gioco.
Il sogno della Toscana è più forte del vino,
Di chi è la colpa in questo strano non-incontro...
Brindo al bollo con cui sono marchiato,
e la coppa forgiata non ha né orlo né fondo.*

¹ Avv. Barenboim P.D. – il Presidente della Società Fiorentina a Mosca

È indubbio il primato di Firenze rispetto alle altre città d'Europa nel campo dell'arte e dell'architettura nell'arco dei due millenni passati della nostra era.

I fiorentini di allora e i loro successori hanno saputo riedificare e dipingere non solo la grande Roma e la metà dell'Europa, compresi i due aspiranti al titolo della "Venezia del Nord", la nostra San Pietroburgo e Bruges in Belgio, ma pure le cattedrali del Cremlino di Mosca. "La dolce Assunzione, Firenze a Mosca", scrive Ossip Mandel'st'am. Il soprannome russo "Frjazin" dato ai sei diversi architetti italiani del Cremlino deve risalire probabilmente ai primi artigiani o pittori che ancor prima dei suddetti architetti i primi ambasciatori russi in Italia (1439-1441) avevano portato da "Fjarenze" - Firenze. Non a caso il cronista del viaggio a Firenze ("a Fjarenza"), il monaco Simeon scrive che dopo i due anni passati là il Metropolita Issidor parlava in "frjaski"². Più tardi iniziarono a chiamare "Frjazin", "frjaz'", "frjaski" ogni italiano, e poi ogni straniero. Così gli abitanti della località Frjazino nei dintorni di Mosca forse non presumono neanche di essere legati con Firenze nella maniera diretta.

È stato interessante leggere che la Silicon Valley nella California di oggi, dove in un territorio comparabile a Firenze si sono concentrate decine di migliaia dei creatori delle nuovissime tecnologie elettroniche, viene paragonata proprio alla Firenze rinascimentale. Qui all'inizio del ventunesimo secolo, al posto dei pittori e scultori vivono e lavorano le persone che "si ispirano agli schemi integrali non meno di Michelangelo che si ispirava al marmo"³.

Nell'articolo appena citato si racconta che il governo e i maggiori banchieri della Francia hanno tentato di creare il progetto di una simile Silicon Valley nel proprio Paese. Il fatto è comprensibile perché grazie alla congiunta potenza intellettuale degli abitanti della Silicon Valley situata vicino a San Francisco, tra le famose Università Berkeley e Stanford, proprio grazie ad essa gli Stati Uniti in un paio di decine di anni hanno superato il mondo intero nelle tecnologie elettroniche avanzate.

I francesi però non hanno saputo ricreare quell'atmosfera di libertà, ardimento, disinvoltura e rispetto al talento che hanno reso la Silicon Valley l'"incubatrice del sogno". Qui il già famoso computerista Bill Hewlett non ha buttato giù la cornetta del telefono quando ha ricevuto una telefonata da un ragazzino dodicenne che gli chiedeva alcuni pezzi mancanti per il suo schema elettronico, ma invece si è fatto il suo tutore. Alcuni anni dopo questo ragazzino diventa il creatore del famoso computer "Apple". Per ottenere il successo

² Soloviev V. *Istoria Rossii 1054-1462*. Mosca, 2001. Volume 3, p.833.

³ Newman C. *Silicon Valley. Inside the dream incubator*. National Geographic, December 2001, p. 37.

nella Silicon Valley “bisogna avere la voglia di ascoltare ciò che dicono i gruppi di persone dall'età media di 27 anni”⁴.

“L'aria dell'intellettualismo” della Silicon Valley dà un'idea nel presente dell'“aria dell'intellettualismo” della Firenze quattrocentesca, portata via dal vento dei secoli.

Lo “Studio Italiano” creato nel 1918 fu il prototipo dell'attuale Società Fiorentina. La stessa presso la Biblioteca delle letterature straniere M.I.Rudomino ha curato la preparazione di questa antologia. A proposito dell'attività dello “Studio Italiano” negli anni 20 del secolo scorso il famoso letterato Boris Zaitsev scriveva: “...Ed ecco il nostro Studio Italiano. Presso la bottega degli scrittori “Lavka Pisatelei” è esposto fuori un manifesto: “Ciclo di Raffaello”, “Venezia”, “Dante”... Durante i corsi invernali, nella nostra aula faceva freddo! Le signore e le signorine, ma anche altri corsisti, sedevano con le pellicce addosso. Eccetto la Russia è molto difficile che da qualche altra parte del mondo le letture potessero continuare in tale contesto”.

A noi membri della Società Fiorentina, Assessore ai Rapporti Internazionali del Comune di Firenze, Dott. Eugenio Giani ha raccontato dell'esistenza di comunità costituite da fiorentini e operanti all'estero, ma è la prima volta che il dottore sente di una società come la nostra, che raduna a Mosca soprattutto cittadini russi, i quali nutrono una fervida passione per la città di Firenze e la cultura fiorentina.

Come mai la città di Firenze, situata al centro dell'Italia e per noi russi così lontana, è diventata l'argomento di una antologia? Tale domanda non è retorica, necessita di una risposta concreta, affinché si possa spiegare il perché del legame dei russi con la cultura fiorentina. È all'interno di questa antologia che possiamo trovare le relative risposte.

A tal proposito bisogna almeno brevemente soffermarsi su una serie di brani tratti da varie opere, incluse nella presente raccolta. I redattori di tale serie guidati da Jurij Fridstein cominciano, e non a caso, con le lettere del pittore russo Valentin Serov.

“Attendevo tanto da Firenze, ma non avrei mai pensato di trovarvi tale ricchezza: Firenze è un insieme di opere di pittura e scultura... Per la prima volta in vita mia ero fortemente commosso, figurati, piangevo, il che non mi capita spesso, fuorché nei teatri, ma davanti alla pittura e alla scultura – mai. Ma qui, dinnanzi alla Madonna di Michelangelo a Firenze, sono rimasto sconvolto. Sì, con questi signori non si scherza...”

“Passate le prime emozioni, si ha la miracolosa possibilità di vedere le varie tele dello stesso maestro nella loro atmosfera storica, in cui furono

⁴ Newman C. Op. cit. P. 61.

create e così ben conservatesi. Fa piacere, dopo aver guardato attentamente tutte le opere dello stesso artista, vedere e capire con chiarezza quale sia la sua concezione sul mondo, diventando chiari il suo ideale, i suoi gusti e i suoi scopi", - così scrisse in una lettera da Firenze il poeta Innokentij Annenskij. Checov, invece, usa un'espressione laconica sulla pienezza della vita generata da Firenze: "Chi non è stato in Italia, non ha ancora vissuto". Invece secondo A.P.Merezhkovskij nei capolavori dei maestri fiorentini, "lo spirito fiorentino ha trovato la sua piena espressione, una forma indistruttibile...Su tutto c'è l'impronta dello spirito fiorentino - cupo, libero ed irrefrenabile".

Ciò che a lungo in maniera dettagliata e tormentata Merezhkovskij scrisse nel suo stranissimo romanzo su Leonardo da Vinci, lo ha espresso Balmont con una poesia di poche righe:

*Un pittore dal corpo flessuoso di leopardo,
Saggio quanto un serpente furbo,
In tutte le sue opere c'è una tendenza:
Lo spirito di belladonna, di incenso e di nardo.
In lui l'architetto dei sogni amava la musicalità del poeta...*

Infatti, i poeti sono i creatori della lingua, come Dante per l'Italiano e Pushkin per il Russo.

Maxim Gorkij si innamorò subito della città: "Firenze mi ha catturato con la sua bellezza e con il fatto che dal retro di ogni casa, gli occhi tranquilli della Storia mi guardano in faccia ..." La "città miracolosa" suscitò in Gorkij non tanto interesse storico, quanto speranze per il futuro dell'umanità.

Firenze è di genere femminile, e l'immagine della donna prevale nell'arte fiorentina.

*Voi, fiorentine dei giorni passati! Voi
io sognavo così serenamente negli inganni della luna,
l'istantanea lucentezza dei vostri occhi grandi.*

Questo è Brùssov. Sempre lui, di "Monna Lisa":

*Presentire le parole, gli occhi,
I discorsi nascosti nel cuore,
Sognare, come sono neri i capelli,
Che hanno scottato casualmente le spalle.*

Il poeta Volòscin nei suoi appunti di viaggio elaborò una fine nozione, secondo la quale la poesia di Dante è “la voce dei dieci secoli taciturni precedenti”. Volòscin scrive: “Il gotico passò all'Italia come un debole germoglio... Il vero gotico italiano si manifestò nel verbo, anziché nella pietra. La più splendida cattedrale gotica in Italia è la “Divina Commedia”.

Guardando il cupolone della maestosa cattedrale di Santa Maria del Fiore, Vassilij Rosanov scrisse con parole acute: “Che enormità di lavoro, di cura, di amore, di pazienza per tagliare, intagliare ed incidere sasso per sasso tale quadro voluminoso, enorme, arabescato... Ci vuole una fede non nel lavoro del singolo, ma nel lavoro dell'intera nazione, in modo che uno possa posare la sua prima pietra con calma e sicurezza, che essa non sia buttata giù, dimenticata e disprezzata un anno dopo. Tutto ciò forma la “cultura”, un fenomeno che nella sua impalpabilità e interezza presuppone la connessione e la successione, senza cultura la civiltà non è iniziata e continuano soltanto le barbarie”. Il pensiero incorporato nelle pietre fiorentine è un messaggio particolarmente importante per la Russia odierna.

In base allo stile di vita attuale è difficilmente realizzabile la raccomandazione di Grevs, secondo il quale per conoscere Firenze “in maniera approfondita”, prima bisogna viverci almeno due settimane, continuare il viaggio per l'Italia e al termine di esso tornarvi ancora per alcuni giorni. Però prestiamo attenzione al suo concetto di “civiltà fiorentina-toscana”, in quanto la Toscana nei secoli si è fusa inseparabilmente con la città di Firenze.

Là, a Firenze, come scrisse il famoso poeta simbolista Vjaceslav Ivanov, “il desiderio di oltrepassare il confine, dove comincia il miracolo, turba e tormenta un artista”. E inoltre un vero artista, secondo Ivanov, non è quello, che può solo risalire alle somme sfere spirituali, ma invece quello che è in grado di riscendere da quelle sfere tra la gente.

Il poeta Blok ora maledice Firenze per il suo desiderio di non stare al passo con i tempi moderni: “Muori, Firenze, Giuda”, ora si mette subito a farle una dichiarazione d'amore: “Firenze, sei un iris tenero; Di cui solo io soffrivo...” E infine, c'è un inno a Fiesole, come esito delle visioni fiorentine di Blok:

*Batte l'ascia, e dai campanili
Il suono fiorentino delle campane dalla valle
Veleggia verso noi, è arrivato e ha destato
Un sogno dorato ed antico...*

Ed ecco come scrive il pittore Petrov-Vodkin: “Quando capiti nella città di Firenze distorta, strapensata, creata dai maestri d'arte, non sai chi ringraziare, forse il clima benefico, o la bellezza dei dintorni, che hanno fatto crescere Giotto, o la padrona della mia stanza, la vecchia Benedetta, perché

suoi nonni hanno conservato per me Firenze, o ringraziare i ragazzi monelli, che non hanno staccato nessun naso dai marmi di strada? Gli italiani sono estasiati e teneri nei confronti dei loro tesori”.

Karsavin dice, “Botticelli può essere ben apprezzato solo in originale”. È bene, che ora leggiamo queste righe ma non alla maniera del recente periodo sovietico, noi possiamo vedere quelle opere in originale. L'appunto di Karsavin è soprattutto valido nei confronti dei quadri “La nascita di Venere” e “La Primavera”, dove le figure sono ad altezza umana.

Non sarà inutile ricordare, che Firenze è la patria della prima opera lirica, e che anche “La Dama di Picche” fu completata proprio in questa città. P.I.Ciajkovskij scrisse a Firenze, che da quel momento in poi la storia dell'umanità si sarebbe divisa in due periodi: prima della “Dama di Picche” e dopo di lei. Non per niente Rakhmaninov lavorò sulle sue opere a Firenze.

Confessando la sua dedizione alle opere di Fra Beato Angelico, i cui affreschi ornano il monastero di San Marco a Firenze, il poeta Gumiliòv scrive gli splendidi versi:

*Che sia grande il celeste Raffaello,
Il prediletto dal dio delle rocce, Buonarroti,
Da Vinci, che ha gustato l'ubriachezza stregata,
Cellini, che diede al bronzo l'enigma della carne...*

*A Fiesole, tra i pioppi sottili,...
Su tutto ciò che fece il mio maestro, c'è l'impronta
Dell'amore profano e della semplicità umile.*

Sàscia Ciòrnij ha descritto le sue sensazioni su Firenze con un'espressione poetica:

*In una città antica, estranea e stranamente affine,
La quiete ha imprigionato la mente con un sogno,
Senza pensare al temporaneo e al vile,
Ti trascini a casaccio lungo le strette vie...
Alle pinacoteche, nel corpo moscio
Si sono svegliate tutte le melodie dei miracoli,
E alle Madonne del Botticelli estraneo,
Senza crederci, celebri tante messe quiete...*

E ancora una poesia:

*...Rimango immobile come una farfalla notturna...
guardo dalla finestra con gli occhi affamati
e bevo lentamente la gioia della vita,
come un vino raro inestimabile.*

Quanto sono affini queste righe alle reminiscenze fiorentine di Anna Akhmatova:

*Ho appreso a vivere semplice e saggia,
a guardare il cielo, a pregare Iddio,
e a vagare a lungo innanzi sera,
per fiaccare un'inutile angoscia.*

Non si sa niente delle permanenze di Osip Mandel'stam a Firenze durante i suoi brevi viaggi in Italia. Però le sue poesie "fiorentine" sono note, e vengono citate spesso. Queste poesie sono anche la prova, che l'amore per Firenze è anzitutto l'amore per lo spirito fiorentino, per il Rinascimento, per il meglio che in questa città è stato creato per l'umanità. È proprio l'amore per Firenze, non la nostalgia, che emerge dalle sue poesie; seppure nel 1937, ormai alla fine della sua vita, scrive della "nostalgia fiorentina", comprendendo che non ci sarebbe più tornato.

Nel 1916 è stato proprio lui a scrivere, forse meglio di tutti gli altri, del legame tra Firenze e Mosca:

*Nella discordanza di un coro di fanciulle,
Tutte le tenere chiese cantano a voce sua,
E negli spiriti di pietra della cattedrale dell'Assunzione
Mi sembrano le sopracciglia alte ad arco...
Non sarebbe uno stupendo miracolo,
che sogniamo una cittade,
Onde i piccioni veleggiano nel blu caldo,
Dove una monaca canta la musica
scritta con segni a gancio ortodossi,
La dolce Assunzione, Firenze a Mosca.*

Firenze, forse, è uno dei più brillanti componenti di questa cultura nella sua dimensione europea.

Quindi è sempre costante nei secoli l'attrazione dei russi esercitata dalla città di Firenze.

FIRENZE COME UTOPIA

Per la prima volta sono arrivato a Firenze il 27 maggio del 1993, la mattina di quel giorno alcuni terroristi hanno fatto esplodere una potente bomba, e questa, secondo i loro calcoli avrebbe dovuto distruggere completamente la galleria degli Uffizi. La città la conoscevo più per sentito dire, tramite i romanzi sul mio artista preferito, Michelangelo, del quale ho potuto ammirare le copie in gesso al Museo Pushkin. Alla sessione primaverile presso la facoltà di giurisprudenza dell'Università di Mosca, nel 1968, anziché preparare l'esame di storia del PCUS, io leggevo un romanzo su Michelangelo scritto dal ceco Karel Schulz "La pietra e il dolore", di questo riporto alcune righe significative: "Lui respirava la città dormiente, e insieme ad essa la primavera, una primavera fiorentina, mille volte più bella di tutte le altre: quella primavera fiorentina, in cui c'è sempre la musica, c'è sempre qualcosa di profumato e metallico, in cui c'è sempre la magnificenza e il sangue, finché da tutto ciò non appare la rosa fiorentina – dalla musica, dal metallo, dalla bellezza, dal sangue e dal profumo, la rosa, che si nasconde nel crepuscolo e che è silenziosa, fremente nel sonno azzurro della sera"⁵.

Queste parole facevano perdere il fiato, e i vocaboli "sangue", "metallo" si percepivano come metafore brillanti. Appena arrivato a Firenze quanto scritto da Schulz è confermato, è riscontrabile. Nel maggio del 2002 il dottor Eugenio Giani, assessore al Comune di Firenze, mi fece vedere il punto, in cui i terroristi avevano lasciato la macchina piena di esplosivo. L'onda d'urto dell'esplosione è stata bloccata dalla torre fiorentina del '700, la quale frantumandosi, ha salvato la galleria degli Uffizi e la maggior parte dei capolavori in essa conservati. I severi costruttori fiorentini dei tempi di Dante già pensarono al necessario margine di sicurezza, così salvando la galleria e consegnandola intatta ai posteri.

Le mani sporche della violenza tentano sempre di deturpare ciò che è bello. Però che progresso rispetto alla violenza dei tempi nazisti: questi nel 1944 non osarono far saltare in aria il Ponte Vecchio, e né i cannoni, né i carri armati sparavano dalla linea del fronte, che passava per la città lungo il fiume Arno. Nel 2001, 6 giorni dopo la demolizione barbarica del monumento dell'architettura moderna a New-York, abbiamo costituito a Mosca la "Società Fiorentina". È interessante, e vi è l'analogia con quanto creato nel pieno della guerra e del terrore nella primavera del 1918. Il prototipo della Società Fiorentina nasce sotto la guida del più raffinato ed appassionato conoscitore di Firenze, Pavel Pavlovič Muratov. Un'altro conoscitore autorevole della cultura fiorentina, Boris Zaitsev, scriveva su di sé e Muratov: "In quegli anni orribili ci

⁵ Karel Schulz. *La Pietra e il Dolore*. Volume 1, Mosca, Ed. Terra, 1997, p. 5

vedevamo spesso, e cercavamo, cibandoci di quella letteratura estranea alla modernità, di evadere dalla stessa e maledetta modernità”⁶.

Ma non è questo lo scopo della nostra Società Fiorentina. Più che altro, il nostro è un desiderio di unirci intorno agli aspetti migliori, che la modernità ha ancora conservato. In genere, i progetti di costituire delle Società Fiorentine e persino una Società Fiorentina Mondiale ci sono sempre stati in tempi e paesi diversi. Un emigrato russo Alexandr Rognedov cercava di organizzare una società mondiale degli amici di Firenze sotto la presidenza di Berenson, un famoso studioso britannico delle arti, con la partecipazione di eminenti finanziari e politici di vari Paesi, ma l'idea non ha avuto un seguito. L'umanità da tanto tempo considera Firenze come sua proprietà, e ciò conferisce a Firenze il carattere della internazionalità. Cinque milioni di turisti passano ogni anno per le vie e per le piazze di questa piccola città e 25 Università americane hanno qui le loro scuole estive. Negli ultimi 150-200 anni gli abitanti più illustri della città erano non più i fiorentini indigeni, ma stranieri. La città, la cui parte storica non è difficile percorrere a piedi, accoglie un quinto dei capolavori universali di pittura, scultura ed architettura. Per osservare attentamente ognuno di questi capolavori, ci vorranno alcuni anni. Tra i 200 mila degli abitanti di Firenze nella seconda metà del '800, circa 30 mila (il 15%) erano inglesi o americani. Già allora nella città si notavano le comunità dei polacchi, dei francesi, dei tedeschi e dei russi.

Negli anni '60 la città liberale è diventata una dimora degli hippy, anche loro di maggior parte inglesi o americani. Negli anni aventi numeri doppi e con gli intervalli di circa un secolo – 1333, 1466, 1557, 1844 – nella città si verificano brutali inondazioni. La prossima è attesa per tradizione nel 2055 o nel 2077. Finora la più paurosa è stata l'inondazione del 1966. Allora i ragazzi e le ragazze dai capelli lunghi e dai blu jeans strappati, apparentemente distratti su tutto, per più settimane volontariamente si diedero da fare alacremente in condizioni proibitive. Nelle cantine della Biblioteca Nazionale, nonostante acqua fredda e fango liquido sino alla cintola, tramite un passamano riuscirono a salvare manoscritti e libri rarissimi, (in tutto 700 mila). A loro si unirono molti stranieri, tra i quali il pianista russo Svjatoslav Rikhter e un senatore americano Robert Kennedy. Andrej Voznessenskij ha scritto un saggio su questo evento, intitolato “Gli Angeli del Fango”.

Noi consideriamo Firenze non come una città straniera, ma come una città nostra e a noi familiare. Perché Firenze, e non Parigi, Londra, Vienna, Berlino? – domanda un autore americano David Leavitt. E poi egli stesso dà una risposta: le persone vogliono soddisfare a Firenze la loro “idea della pienezza

⁶ Alexey Kara-Murza. I famosi russi sulla Firenze. Mosca, Ed. Nezavissimaja gazeta. 2001, p. 199-200.

personale". Se di buon ora, poco dopo l'alba voi usciste dalla parte del fiume Arno, passando vicino alla Galleria degli Uffizi, sulla ancora vuota Piazza della Signoria, "vi fermereste meravigliati al centro dell'Universo"⁷. La semplicità e la chiarezza dei capolavori che vi circondano, la loro concentrazione in uno spazio molto ristretto, creano una straordinaria (per le persone che vengono a Firenze la prima volta per intuito) forza di attrazione in questo "centro del mondo". Ringraziamo Leavitt per queste parole brillanti, sullo sfondo delle quali sembrano ridicole ulteriori sue spiegazioni, connesse alle ipotetiche libertà sessuali del passato. Persone comunissime possono cadere a Firenze in una trappola psichica, detta dai psichiatri locali "la sindrome di Stendhal". Il coraggioso giovane veterano delle campagne napoleoniche è svenuto nella cattedrale di Santa Croce. L'abbondanza dei capolavori e uno scatenato desiderio di vedere tutto nell'arco di una giornata, o di una settimana o di un mese, portano spesso i turisti più insistenti alla confusione mentale.

* * *

Firenze e la Russia. Lo stemma dei Demidoff sulla facciata della famosa cattedrale Santa Maria del Fiore, il Duomo della città. Il legame tra Firenze e la Russia è antico e nel secolo attuale si sta intensificando.

La Russia non è più quell'impero potente, quale è stata per 300 anni. Economia e politica di per sé non possono cambiare niente, soprattutto se non sono accompagnate dai segni di una crescita spirituale. Forse, proprio ora dobbiamo renderci conto di come l'Italia frantumata e quasi del tutto priva della potenza che una volta appartenne all'Impero Romano, è riuscita 5-6 secoli fa a diventare un vulcano dalla straordinaria potenza spirituale. Tali esempi per noi cittadini di un impero crollato sono da imitare. Dopo la caduta dell'utopico e malfamato ideale sovietico, dovremmo capire, come e perché l'utopia realizzatasi nella Firenze del '400 (cioè, prima del 1492) è rimasta nei secoli come esempio di ordinamento costituzionale, che ha assicurato maggiori possibilità per grandi realizzazioni non solo nell'arte, ma anche nella politica, nell'industria, nell'attività bancaria.

Il pellegrinaggio a Firenze è un viaggio alle sorgenti di molti esempi migliori dell'architettura russa, ed è il ritorno alla memoria di un sogno avveratosi dell'umanità, di un'utopia realizzata. Il concetto dell'"utopia realizzata" non è accettato da tutti, quindi avremo bisogno di illustrarlo con esempi storici, legati al famoso libro di Thomas More.

⁷ David Leavitt. *Florence, a Delicate Case*. New York, Bloomsbury, 2002, pp. 5, 25.

Perché Firenze è così affine alla Russia, dove sta il motivo di questa continua attrazione spirituale e fisica verso di lei? L'osservare fenomeni uguali o simili a questo per altri Paesi non può esserci d'aiuto. Forse, da nessun'altra parte i fiorentini hanno costruito così tanto come in Russia: le cattedrali e le mura del Cremlino, poi i palazzi di San Pietroburgo, e non poco in altre città.

Iosif Brodskij ha notato, che nel '700 e nel primo '800 Pietroburgo è diventata una "vera e propria Mecca" per i migliori architetti e decoratori italiani. Sempre lui scrisse che grazie alla penna italiana Pietroburgo è stata paragonata a una "finestra verso l'Europa"⁸. Pietro il Grande "si immaginava la città come il centro spirituale della nuova Russia, la fonte della ragione, delle scienze, dell'istruzione, della sapienza... Non c'è un altro posto in Russia dove l'immaginazione si staccasse con tale facilità dalla realtà: la letteratura russa è sorta con la nascita di Pietriburgo... Sorge una strana sensazione, che tutto questo non è la Russia che cerca di raggiungere la civiltà Europea, ma la proiezione di quest'ultima ingrandita da una lanterna magica, sull'enorme schermo dello spazio e dell'acqua... Non c'è da meravigliarsi, che talvolta questa città dia l'impressione di essere un egoista, che si occupa esclusivamente del proprio aspetto. Senz'altro, in questi posti si fa più attenzione alle facciate che all'aspetto dei tuoi simili... La nascita di San Pietroburgo era pari alla scoperta del Nuovo Mondo: le persone ragionate dell'epoca hanno avuto l'opportunità di osservarsi da fuori... L'architettura perfetta fino all'assurdo... Una città che cominciava come un salto dalla storia al futuro... Qualsiasi critica sull'esistenza umana presuppone che il criticante conosca il punto supremo di riferimento, l'ordine supremo.

Così si è creata la storia dell'estetica russa, e i complessi architettonici di San Pietroburgo si percepivano e si percepiscono ancora come la somma incarnazione possibile di quest'ordine (comprese le chiese). In ogni caso, una persona che ha vissuto in questa città per un tempo abbastanza lungo, è predisposto a collegare la virtù con la proporzionalità. È una vecchia idea greca..."⁹

Pietroburgo si costruiva subito come un'utopia realizzata, mentre Firenze diventava l'utopia realizzata durante il '200 - '400. Ma tutte e due le città (ognuna a tempo suo) sono diventate, come scriveva Belinskij su Pietroburgo, "una nuova speranza del vecchio paese", una speranza mai realizzata in piena misura, ma mai dimenticata per sempre.

Poi Brodskij scrive del "carattere utopico della città" di Pietroburgo, e nel paragonarla a Firenze, ritiene che qui la principale utopia è la speranza nel

⁸ Josif Brodskij, *Mense edinizy*, Mosca, 1999, p. 73

⁹ Ibid, p. 74, 77, 78, 79-80, 81, 82, 84.

contenuto spirituale, abilmente conservato dentro le mura, i capolavori architettonici, che pian piano danno alla modernità una parte dell'eternità... Una persona nata in questa città, da giovane si muove a piedi quanto e non meno di un beduino... perché percorrendo pensiero estetico fiorentino concentrato in essa mantiene almeno un livello minimo di cultura e di spiritualità. "Le case lungo il fiume fanno pensare sempre più a un treno fermo, la direzione nei lungofiumi in granito marrone... è di per se l'estensione della vita e la scuola della lungimiranza... Nella granulosità del lungofiume di granito c'è qualcosa che impregna le suole con il desiderio sensuale del cammino"¹⁰.

Le lunghe citazioni di Brodskij sono necessarie in quanto riferibili alla stessa Firenze e inoltre perché probabilmente sono la migliore spiegazione letteraria del legame tra Firenze e la Russia.

È sorprendente, che Brodskij scrivendo su San Pietroburgo usi il medesimo concetto della poesia "Dicembre a Firenze", nella quale "i lungofiumi fanno pensare a un treno immobilizzato". È ancora più interessante, che Brodskij (certo, involontariamente) ha ripetuto anche Osip Mandel'stam, il quale aveva scritto del "granito granuloso" forse di Pietriburgo, forse di Firenze:

*Dalle scale rafferme, dalle piazze
Con palazzi angolosi,
Il circolo della sua Firenze
Alighieri lo cantava più potentemente
Con le labbra stanche.*

*Così quel granito granuloso
Lo rode con gli occhi la mia ombra
Vede di notte una fila di ceppi
Che di giorno sembravano case.*

Un poeta dell'emigrazione russa Kirill Pomeran'čev, avendo scritto "Dietro la finestra c'è il cielo fiorentino e su di lui c'è l'alba di Pietroburgo", ha ripetuto anche lui in parte l'immagine di Mandel'stam:

*Perso nel cielo – che fare?
Quello, a chi lui è vicino, rispondi!
.....
Non si può separarmi dalla vita – lei sogna
Uccidere e subito dopo accarezzare
In modo che nelle orecchie e negli occhi
Sbatta l'angoscia fiorentina.*

¹⁰ Ibid, p. 89, 90

Per Mandel'stam il viaggio a Firenze era un movimento dell'anima basato sulla percezione ben sentita delle opere fiorentine, ma in primo luogo a Mosca, anziché a Pietroburgo.

Non tutti lo sanno, che il Cremlino e tante sue cattedrali famose sono stati costruiti con la partecipazione di architetti fiorentini.

*Non sarebbe uno stupendo miracolo,
che sogniamo una cittade,
Onde i piccioni veleggiano nel blu caldo,
Dove una monaca canta la musica
scritta con segni a gancio ortodossi,
La dolce Assunzione, Firenze a Mosca.*

*E le cattedrali di Mosca a cinque cupole
Con la loro anima italiana e russa,
Mi fanno pensare all'apparizione di Aurora,
Ma dal nome russo e con un pellicciotto.*

Qui bisogna fare attenzione al fatto che i fiorentini hanno avvicinato nelle loro ricerche architettoniche russe l'aspetto di una chiesa cattolica con quello di una ortodossa. Anche su questo ha scritto Brodskij: "Per quanto riguarda tutta questa storia con la controposizione dell'ortodossia a tutto il resto del Cristianesimo, non si è mai spinta troppo lontano, perché le cattedrali e le chiese erano progettate dagli stessi architetti che progettavano palazzi. Quindi, prima di mettere piede sotto le loro volte o prima di guardare attentamente la forma della croce sulla cupola non è possibile determinare, a quale chiesa appartiene questa casa di preghiera..."¹¹

Firenze, come città-repubblica del '400, influenzò molto Thomas More, che non essendo mai stato in Italia, ha una sua percezione su Firenze ancora più idealizzata. Prima di presentare alcune prove dell'influenza di Firenze sulla creazione del suo libro "Utopia", mi permetto di citare esempi storici nei quali si è realizzato quanto contenuto nel libro e successivi alla pubblicazione di esso.

Per tradizione, alle utopie di Stato e di diritto e a quelle costituzionali vengono attribuite descrizioni idealistiche del regime sociale perfetto (secondo l'idea dell'autore), che assicuri il sommo livello di felicità e di benessere ai suoi cittadini. Così sono, per esempio, la "Repubblica" di Platone, "La Città del Sole" di Campanella, "Utopia" di Thomas More (Tommaso Moro), ecc.

¹¹ Ibid, p. 83, 84.

Però, alla teoria spesso sfugge, che la storia dell'umanità conosce esempi di utopie realizzate, compresa la Firenze del '400, quando le idee utopistiche costituzionali portavano alla creazione e talvolta al buon funzionamento seppur per qualche tempo, dei sistemi statali reali, basati su tali idee.

Però, un particolare interesse verso Thomas More e la sua "Utopia" fu dimostrato in Italia, soprattutto a Firenze. Dopo la prima edizione del libro nel 1517, già nel 1519 fu ristampato a Firenze in lingua latina e divulgato in tutta l'Italia. In lingua italiana "Utopia" fu stampata a Venezia da un fiorentino A.Doni nel 1548. È interessante, che il titolo del libro in italiano era non "Utopia", ma "Eutopia", che vuol dire "paese felice", cioè rispecchia il senso diretto di questa parola nel Greco antico. Il primo libro su Thomas More invece apparì a Firenze nel 1556 in lingua italiana e fu scritto dal nipote di More, l'inglese A.Haywood, il quale lasciò l'Inghilterra per entrare nell'ordine dei gesuiti.

Il nesso casuale e la correlazione tra le idee utopistiche realizzate e quelle libresche è una delle questioni più importanti per la comprensione dell'utopismo come un importantissimo movimento del pensiero costituzionale e politico-sociale negli ultimi tre millenni. Delle due versioni ugualmente valide della traduzione del sostantivo "utopia" dall'antico Greco è preferibile solo quella di: "il paese benedetto". La seconda variante della traduzione, "un luogo che non c'è", contrasta con la storia dell'utopismo, che ha conosciuto una serie di utopie storiche realizzate.

Un fiorentino, F.Sansovino pubblicò nel 1561 un libro che intendeva divulgare le idee dell'"Utopia", e del quale si fecero 5 edizioni¹². Grazie alla fortunata iniziativa dei fiorentini summenzionati, nell'Italia del '500-'600 la presenza dell'"Utopia" nelle biblioteche diventò di moda. Ci siamo soffermati così dettagliatamente sullo sviluppo delle idee del libro "Utopia" affinché si possa tornare con più sicurezza alle sue radici fiorentine.

Thomas More era il più giovane membro del circolo dei neoplatonici di Londra, che imitavano l'Accademia di Platone a Firenze. Lui tradusse la biografia di Picco della Mirandola, che era un membro attivo dell'Accademia Platonica. Secondo il nipote di Thomas More, l'immagine di Picco della Mirandola colpì More e diventò un modello per lui. Lui scriveva saggi in difesa delle idee dello Stato ideale di Platone, poi concretizzatesi a Firenze. Una particolare influenza sullo sviluppo di More fu esercitata da John Kolett, che aveva fatto un viaggio a Firenze durante il quale incontrò i membri dell'Accademia Fiorentina. I suoi racconti di Firenze influenzarono decisamente la creazione dell'"Utopia". Anche se queste lodi sono spesso attribuite ad Erasmo da Rotterdam, non si può non essere d'accordo con il biografo di Thomas More, che

¹² V. L.S.Cicolini. L' "Utopia" di Thomas More in Italia. P. 206, 211-212, 221, 226.

crede che “Kolett si avvicinò molto di più al neoplatonismo fiorentino rispetto ad Erasmo”¹³. È in una lettera a Kolett, che il giovane More disse, come era difficile per lui vivere a Londra tra falsi amici e tra i nemici, tra case alte che coprono il cielo¹⁴. Non è un caso, che una grande parte dell’”Utopia” fu scritta da More mentre si trovava nella patria del primo Rinascimento fiammingo, la città di Bruges, che per la combinazione di tratti fiamminghi e italiani viene spesso chiamata “la Firenze del Nord”.

Non è frequente che opere sulla politica e sul diritto costituzionale vengano paragonate ad opere artistiche. Nonostante ciò un francese S.Sorbier nel 1643 scrisse sull’”Utopia”: “L’opera di More fa pensare ai capolavori di pittura...”¹⁵ Lo asseconda un nostro famoso studioso V.I.Rutenburg, quando scrive, che le opere di Machiavelli “sono affini al “Giudizio Universale” di Michelangelo”¹⁶.

IL NEOPLATONISMO FIORENTINO CONCILIO FIORENTINO (1439-1441)

Il poeta Iosif Brodskij nella sua Lezione per il conferimento del Premio Nobel nel 1987 parlava dell’”estetica dello Stato”. Il filosofo A.F.Losev scrisse che il Rinascimento è il periodo del “rinomare titanico dell’uomo nelle circostanze prevalenti dell’essere compreso esteticamente... Quindi, quando Leonardo afferma, che la filosofia e la saggezza sono solamente la pittura, in lui parla non solo la passione capricciosa del pittore, ma alza la voce una scienza abbastanza precisa”¹⁷.

Losev scrive fondatamente, che in quei tempi “accadde qualcosa di favoloso”. La principale idea estetica di qualsiasi regime costituzionale sta nell’assicurare una vita felice ai cittadini sullo sfondo della fioritura delle arti, il che praticamente si realizzò nel giro di alcuni decenni nella Repubblica di Firenze del ‘400. “Il neoplatonismo fiorentino non è solo una teoria... Il neoplatonismo fiorentino è innanzitutto la vita di un certo tipo, una particolare fratellanza tra gli uomini, che avevano tutto in comune, incluse le minuzie, incluse tutte le occupazioni e decisamente tutto l’ambiente della vita... Questo neoplatonismo, per quanto sia religioso, mitologico, simbolico e persino mistico,

¹³ Peter Ackroyd. The life of Thomas More. New York, 1999, p. 85.

¹⁴ Ibid, p. 110 –111.

¹⁵ S.G.Kucherenko. Mor i Francia. p. 249.

¹⁶ Rutenburg V.I. Zhizn i tvorchestvo Makkiavelli. – Nel libro: N.Makkiavelli, Istoria Florenzii, Leningrado, Nauka, 1987, p. 360.

¹⁷ A.F.Losev. Estetica vozrozhdenija. Moskva, Mysl, 1978, p. 45, 57.

era vissuto a Firenze abbastanza leggermente e con disinvoltura, e in maggior parte anche festosamente e solennemente. Il neoplatonismo fiorentino era straordinariamente umano, caratterizzato da cordialità e intimità, giustificando e motivando con se stesso proprio questi rapporti umani leggeri, maggior parte lirici, ma mai sdolcinati, di profonda amicizia e quasi, si può dire, romantici. Ecco perché è stato Rinascimento nel senso pieno della parola¹⁸.

E adesso è il turno di Marsilio Ficino, che visse nello stesso secolo: "Se parliamo di un'età d'oro, e decisamente quell'età che produce le menti d'oro. Ed è tale il nostro secolo, nessuno può avere dubbi, esaminando le sue meravigliose invenzioni: i nostri tempi, la nostra età d'oro, hanno portato alla fioritura le arti libere, le quali erano quasi perite: la grammatica, la poesia, la retorica, la pittura, l'architettura e l'antico canto della lira di Orfeo. E tutto questo ha Firenze"¹⁹.

Gli artigiani, i mercanti e i banchieri di Firenze sono riusciti a creare e a mantenere tale bilancio delle autorità, il quale, nonostante tutte le insufficienze di quei tempi, legate alle superstizioni, al possesso di armi da parte di tutti e alla così familiare per noi corruzione, ha assicurato il primato di questa piccola città in tutta la storia europea del nostro tempo. Uno storico e famoso pittore della metà del '500 Giorgio Vasari scrisse: "Le arti sono sempre fiorite a Firenze fino a tal punto, che, suppongo, e questo può essere detto senza offesa per altre città, proprio Firenze era l'effettivo e principale rifugio e il nido per l'arte, come prima è stata Atene per le scienze".

Bisogna prestare una particolare attenzione al ruolo e al significato della famiglia Medici per Firenze. Nel 2002 sono 600 anni da quando il banchiere Giovanni Medici, solo per due mesi, secondo la tradizione fiorentina, ricopriva per la prima volta una carica statale. Era il diretto antenato di quella famiglia, della quale faceva parte Cosimo Medici Maggiore e suo bisnipote Lorenzo Medici il Magnifico. Non va dimenticata l'ultima discendente senza figli, Maria Luisa Medici, che donò allo Stato Toscano tutto il patrimonio della famiglia, che includeva palazzi, ville e, la cosa più importante: numerosissime opere d'arte.

Durante il mio intervento davanti agli studenti di legge dell'Università Fiorentina, ho detto non per scherzo, che Firenze deve tanto ai suoi legali, quanto ai pittori, architetti e scultori. Se non fosse stato redatto così bene il testamento di Maria Luisa, la maggior parte dei capolavori sarebbe stata sparsa per tutto il mondo, e non si sarebbe potuto in base a quel testamento, far restituire quanto rubato da Napoleone e da Hitler. L'errore del testamento in riferimento alle miniature conferma quanto da me è detto, infatti queste, per

¹⁸ Ibid, p. 343.

¹⁹ Ibid, p. 327.

la maggior parte, non si trovano più a Firenze, e dimostra, che cosa sarebbe potuto succedere a tutto il resto del patrimonio, e sul piano giuridico è un ottimo esempio per gli studenti di legge.

La figura principale in questo processo, ancora sottovalutata, soprattutto in Russia, fu Cosimo Medici Maggiore (da non confondere con i successivi Cosimo Medici, i Duchi di Toscana tra i '500 - '700), questo per la prima volta nella storia affermò il dominio dei partiti, anziché dei tiranni. Il fatto è, che la famiglia Medici ancora sin dalla fine del '300 si mise al capo del partito popolare, appoggiando la famosa insurrezione dei "ciompi", cioè dei lavoratori non inclusi nelle corporazioni degli artigiani. Successivamente Giovanni Medici introdusse e Cosimo Medici approvò, per la prima volta nella storia il sistema della tassazione progressiva, estesa a tutti senza eccezioni. Il banchiere Cosimo Medici intraprese un titanico tentativo di raggiungere l'unione delle chiese cristiane e così salvare il Bisanzio.

Per due anni la Repubblica Fiorentina e personalmente Cosimo Medici finanziavano e in tutti i modi appoggiavano l'organizzazione (1439-41) del Concilio Fiorentino, che significava intense ed ampie trattative tra la chiesa cattolica e quella ortodossa in materia di unificazione, come la condizione del sostanziale aiuto militare al Bisanzio da parte dell'Occidente contro i turchi.

Come risultato di quelle trattative, poco dopo si verificò la sanguinosa fine del Bisanzio e Firenze si riempì di studiosi unici, filosofi e teologi, nonché di manoscritti di Platone conservati nel Bisanzio, con il suo sogno dell'ideale regime costituzionale repubblicano e con il nuovo sguardo sull'arte greca antica, conosciuta in Italia soprattutto tramite le copie romane. In qualche senso la Roma Antica e poi il Bisanzio furono in tanto i custodi passivi delle idee e tradizioni antiche greche, compresa la loro prima simbiosi con idee bibliche (per esempio, nell'Alessandria dell'inizio del primo millennio). Quindi Firenze diventò nel '400 un canale, attraverso il quale l'immensa ricchezza culturale delle idee antiche fluì nel mare cristiano, trasformandolo in un oceano, da noi adesso chiamato la "civiltà occidentale", in gran parte promossa dalle idee e dagli sforzi del cittadino fiorentino Cosimo Medici.

L'Oriente cristiano non si riunì con l'Occidente cristiano, ma la grandiosità di quel disegno utopico di Cosimo Medici è un esempio per i politici dell'Europa. Si vede, che una buona quota dell'utopismo è necessaria per ogni buon politico.

Al Concilio Fiorentino partecipò anche la delegazione russa, che esportò in Russia la ricetta della vodka, basata sulla ricetta della bibita scandinava "aquavit", che era offerta da fiorentini agli ospiti²⁰.

²⁰ Geoffery Hosking. *Russia and the Russians*. Massachusetts, Harvard University Press, 2001, p.11.

Un membro anonimo della delegazione russa lasciò la prima (1439) descrizione della città: “Quella gloriosa città di Firenze è molto grande e lì si trova ciò che non avevamo mai visto nelle città precedentemente descritte: i templi vi sono molto belli e grandi e gli edifici sono costruiti in pietra bianca, sono molto alti e decorati con arte”.

È interessante l'esempio di Massimo il Greco, che studiò e crebbe a Firenze e diventò un frate cattolico domenicano. Però sotto l'influenza delle idee dell'Accademia di Platone dei tempi di Lorenzo Medici il Magnifico, nipote di Cosimo, passò alla fede ortodossa e nel 1517 fu invitato da Vassilij il Terzo a Mosca per tradurre testi religiosi in lingua russa. Nel 1525, però, fu arrestato e torturato, ma per i seguenti 30 anni si trovava in una “mite reclusione” ed era considerato uno dei saggi più grandi della Russia, e venne più tardi consultato persino da Ivan il Terribile²¹.

Il Rinascimento italiano si trovava vicino alla Russia e la influenzava, anche se non passò i suoi confini. Lo scrittore Vassilij Aksionov ha notato giustamente, la parola “Rinascimento” da noi viene usata scorrettamente, come il rinascimento di qualcosa che era nato prima, e poi per qualche motivo è avvizzito per cinquecento o mille anni. “Da questo punto di vista, parlando del rinascimento della filosofia russa all'inizio del 20o secolo, si può pensare, che da noi in Russia operavano una volta Aristotele e Platone. Parlando del rinascimento, evidentemente si deve tenere in mente il sollievo creativo generale di una nazione, di un gruppo di nazioni o di tutta la civiltà”²².

IL BUSTO DI MACHIAVELLI A MOSCA

Nell'autunno del 1995, cercando di riposare e evitando le folle di turisti giapponesi che osservavano gli oggetti esposti al museo attraverso gli obiettivi delle fotocamere, abbagliandomi con i flash quasi simultanei di decine di macchine fotografiche, mi sono nascosto in una stanza vuota della Signoria Fiorentina (il Palazzo Vecchio), nella quale non entrava quasi nessuno. In questa stanza fu lo studio del Secondo Segretario della Repubblica Fiorentina Niccolò Machiavelli (1498-1512), si trova il suo ritratto e un busto di terracotta. Era difficile trovare un momento migliore per ragionare sui motivi

²¹ Ibid, pp.105-106; Jack Haney. *From Italy to Muskovy: The Life and Works of Maxim the Greek*. Munich, 1973, p.175.

²² V.Aksionov. *Novyj sladoznyj stil*. M., 2001, p. 13-14.

della vera e propria immortalità di questa persona. Machiavelli, che scrisse solo pochi libri, opere teatrali e poesie, è conosciuto praticamente da tutti. È lo studioso più famoso nel mondo dello Stato, ed è il fondatore delle scienze politiche moderne. Machiavelli è noto in primo luogo con le sue idee sulla natura dello Stato e sull'ordine giusto dell'organizzazione del regime costituzionale.

Il filosofo inglese Isaia Berlin ha attribuito a tali opere di Machiavelli la qualifica di enigmi del pensiero umano, al pari delle opere di Platone, Rousseau, Hegel e Marx. Poi il filosofo confronta il significato di "Il Principe" dal punto di vista dell'influenza sull'umanità con la descrizione biblica dei comandamenti del giudice e profeta Samuele al primo re biblico Saulo²³. E questi comandamenti di Samuele sono diventati la base della prima costituzione nota nella storia²⁴. I miei ragionamenti nello studio di Machiavelli già poche settimane dopo sono stati rinnovati da una richiesta inaspettata della Direttrice Generale di VGBIL²⁵ E.Ju.Ghenieva che chiedeva a titolo di consiglio, a quale illustre personaggio italiano si poteva erigere monumento nel cortile interno della Biblioteca Statale Panrussa delle Letterature Straniere a Mosca. Ho subito proposto Machiavelli e ho motivato adducendo, che per la Russia della metà degli anni 90 sono state molto importanti le idee di quel classico rinascimentale. Mi hanno creduto, e il busto di bronzo, opera dello scultore italiano Gianpietro Cudina, collocato l'11 giugno 1996, secondo me è anche migliore di quello fiorentino del Palazzo della Signoria. Mentre invece le idee di Machiavelli durante i pochi anni passati da allora sono diventate ancora più attuali per la Russia, che è entrata nel 21o secolo e nel 3o millennio.

Nel 1252 l'influenza fiorentina sull'economia europea (tenendo presente l'epoca, si può dire anche sull'economia mondiale) fu sottolineata dall'emissione della propria moneta, il fiorino fiorentino. Considerando la situazione del "mercato monetario", per decenni questa moneta fu la moneta usata con maggior frequenza nel commercio europeo, nonché in una serie dei paesi di Nord Africa. Non è un caso, che è stato proposto di chiamare la nuova valuta europea "fiorino", anziché "euro".

La base dello sviluppo del sistema statale autonomo a Firenze nel millecento fu l'amministrazione indipendente della giustizia separata dal potere dell'aristocrazia. Matilde, la Marchesa di Toscana esercitante il possesso sulla città di Firenze all'inizio del 1100, essendo spesso assente non provvedeva

²³ Berlin I. The Question of Machiavelli. Machiavelli N. The Prince: A Norton Critical Edition. New York, 1992, pp. 206, 207.

²⁴ Barenboim P.D. La prima costituzione del mondo. Le radici bibliche dell'indipendenza del tribunale. I., 1997, p. 35, 90-96.

²⁵ La Biblioteca Statale Panrussa delle Letterature Straniere a Mosca. (*nota del traduttore*).

personalmente all'amministrazione della giustizia. La giustizia indipendente fu la base del sistema statale fiorentino, divenuto noto successivamente.

I codici approvati successivamente, soprattutto il Codice Giuridico, sviluppato da Giano de la Bella nel 1293, introdussero il divieto per i feudatari (tra cui molti erano di origine tedesca) di candidarsi alle elezioni per ricoprire le cariche del sistema amministrativo statale.

“Il principio costituzionale della supremazia dei mercanti e dei banchieri fiorentini”, sul quale ha scritto uno storico moderno italiano Massimo Winspeare²⁶, consiste nel restringere il vertice della piramide governante da un lato e dall'altro nell'estensione della sua base, in cui erano inclusi praticamente tutti i liberi professionisti. Sette Grandi Corporazioni furono composte da giudici e notai; mercanti che lavoravano e tingevano le stoffe, che arrivavano dall'estero; i cambiavaluta, che poi divennero banchieri; i mercanti che vendevano lana; i mercanti che vendevano seta; medici e farmacisti; lavoratori e rivenditori di pellicce. Le quattordici Corporazioni Minori furono composte da fabbricanti di scarpe, fabbri, falegnami e muratori, venditori del lino e delle stracci; fabbricanti di chiavi e di ferri da stiro; venditori d'olio; venditori di formaggi e salumi; venditori di corde; venditori di vino; venditori e produttori d'armi; venditori di cuoio e produttori di sandali; proprietari di alberghi; venditori di tavole; fornai.

La compresenza di rappresentanti del lavoro intellettuale e del lavoro fisico dava al governo della città una particolare stabilità nella soluzione delle questioni politiche più insidiose. La mentalità corporativa e professionale cercava intensamente le migliori vie per lo sviluppo dell'economia della città, che era situata lontano dal mare, a differenza di Genova e Venezia, e non stava neanche al sicuro sui monti, come Siena. Le vie commerciali verso il mare potevano essere tagliate, e la città che stava nella valle sembrava facilmente accessibile per il nemico.

La scelta dei fiorentini a favore dell'esercito mercenario anticipò molto il concetto moderno della rinuncia alla leva forzata. In conseguenza, primo: per secoli la città che si trovava al centro d'Italia all'incrocio di tutte le possibili vie belliche non è mai stata conquistata da truppe nemiche, anche se due o tre volte le armate alleate entrarono in città per muto consenso. Secondo, i fiorentini salvarono la loro giovane generazione dallo spargimento di sangue. Ciò ha permesso di creare in città tali condizioni per cui qualsiasi talento professionale, soprattutto quello artistico, poteva essere sviluppato fino al massimo. Terzo, non avendo i militari tra i propri cittadini, e di conseguenza tra gli elettori, i fiorentini esclusero la possibilità sia di colpi di stato militari, sia di pretese da parte di capi militari di esercitare l'influenza politica eccessiva.

²⁶ Massimo Winspeare. *The Medici. Golden Age of Collecting*. Firenze, 2000, p. 10.

I fiorentini non sviluppavano i propri talenti militari, il che non impediva loro di essere una forza terrificante sia nei combattimenti, sia negli scontri sulle piazze e sulle vie. Quando durante il complotto di Pazzi i migliori soldati papali cercarono di prendere d'assalto il Palazzo della Signoria, gli impiegati praticamente disarmati presero in mano armi di fortuna al posto di penne d'oca e respinsero l'attacco.

L'invito del podestà, cioè del giudice cittadino dell'ambiente di legali autorevoli – ai cittadini di altre città ebbe in quei secoli un ruolo importante nella costituzione della giustizia indipendente. Per il podestà costruirono nel 1255 un palazzo imponente, il Palazzo del Podestà, ma per evitare l'influenza da fuori, gli proibirono persino di cenare fuori del palazzo, e gli incontri con i cittadini furono ridotti al minimo.

Va notato, che a Firenze l'istituto costituzionale e politico della Signoria acquisì tutto un altro significato rispetto le altre città-Stato italiane, in quali la Signoria significava il dominio del Signore e della sua famiglia. A Firenze invece la Signoria significava sempre una forma di gestione democratica collettiva, quando qualsiasi membro di una corporazione di età superiore ai 30 anni poteva diventare membro della Signoria per un periodo prima di due, poi di sei mesi. In situazioni straordinarie, in Piazza della Signoria veniva chiamata tutta la popolazione maschile (uomini di età superiore ai 14 anni) per eleggere la Bafia, che possedeva poteri straordinari, in primo luogo, in occasione di ostilità.

L'abbinamento del concetto di Stato moderno con l'ordinamento delle città-repubbliche antiche e rinascimentali non è privo del contenuto e significato politico e costituzionale per il nostro 21° secolo. A prima vista, le dimensioni degli Stati moderni con molti milioni di abitanti escludono l'applicazione dei principi di rappresentanza e di espressione delle intenzioni, possibili nelle condizioni di assemblee popolari di poche migliaia di persone della Atene antica o di antica Roma, oppure almeno a Firenze del '400. Mentre alla fine del '900 è nata la teoria delle "rivoluzioni costituzionali". Questa teoria prevede, che il contratto costituzionale viene concluso con tutti i cittadini, e le successive modifiche costituzionali possono essere apportate solo in base al consenso generale. Questa teoria non sembra assurda per una serie di motivi. Primo, perché all'autore di questa teoria, professore universitario James Bukenen (lo Stato di Virginia, Università George Mason) è stato conferito nel 1986 il Premio Nobel. Secondo: prestiamo attenzione a quei momenti, che confermano la somiglianza di nuovi fenomeni moderni alla prassi delle votazioni nelle piccole città-comuni del passato. Le ultime elezioni negli USA sono state decise dal secondo scrutinio dei voti in piccoli distretti elettorali di Floride, dove la differenza ammontava a centinaia o decine dei voti, come in Atene Antica o nell'antica Roma.

Le crescenti possibilità tecnologiche dell'Internet renderanno possibile nei prossimi decenni la votazione simultanea dei cittadini di un Paese di qualsiasi dimensione per qualsiasi questione di importanza statale con lo scrutinio istantaneo ed esito preciso dei voti. In tal modo, l'espressione immediata della volontà della popolazione di uno Stato (grande fantascienza del '900) tra poco può trasformarsi in realtà del 2000. Così è l'ora di imparare con ausilio dei "Ragionamenti" di Machiavelli la prassi politica delle democrazie immediate dell'antichità e del Rinascimento. Scrive giustamente Harvey Mansfeld nel suo libro "Le virtù di Machiavelli", che la saggezza di Machiavelli può essere trovata, in tutto quanto che ci circonda oggi²⁷. La nuova vita nella nuova traduzione del Capolavoro del grande fiorentino coincide con il periodo, quando la sua saggezza deve essere soprattutto richiesta in Russia.

LE ENIGME DELLA SAGRESTIA NUOVA DI SAN LORENZO

Una delle osservazioni sottili di David Leavitt è stata la nozione, che uno straniero va a Firenze "non solo per guardare, ma per diventare più significativo, rispetto a come era prima"²⁸. È uno dei tentativi di successo di avvicinarsi alla scoperta del mistero fiorentino.

Una delle componenti di questa aspirazione alla "pienezza personale", ovvero "il desiderio di diventare più significativo", è la volontà di partecipare direttamente alla scoperta del contenuto dei capolavori fiorentini, la quale nasce in tante persone che vedono gli Uffizi, Palazzo Pitti e la Cappella dei Medici, ma è difficile trovarla davanti ai quadri fiorentini nei musei di Londra, Parigi e New-York. Forse perché lì i quadri sono importati, staccati dal loro ambiente naturale, e qua invece i quadri sono locali, in armonia organica con le mura e con la veduta dalle finestre dei musei. Tra l'altro, nonostante i grandi sforzi di Vasari, le nozioni sulla vita dei pittori e scultori e sui loro sguardi sul contenuto delle proprie opere sono rimaste poche o quasi niente. Quindi nasce una possibilità di un'interpretazione personale, quando, secondo Erenburg, i quadri ci aprono gli occhi e poi si aprono loro stessi dal calore dei nostri occhi. Tanto più che i fiorentini dei '400 - '500 non conoscevano la critica artistica, ma ipotizzando che lo conoscessero, creerebbero lo stesso non per gli studiosi delle arti, ma per ognuno di noi.

²⁷ Harvey Mansfeld. *Machiavellis Virtue*. University of Chicago Press, 1998, p. 234.

²⁸ David Leavitt, *Op. Cit.*, p.31.

Nelle sue note Maxim Gorkij dice, che a Firenze negli Uffizi quasi ogni giorno faceva una scoperta, a quale pennello appartenesse in realtà un certo quadro, quale volto assomiglia a quale autoritratto. Nel giro di due giorni, avendo cambiato il suo parere sull'appartenenza a Botticelli dell' "Adorazione dei Magi" con un parere, ancora più inatteso, scrive: "Per voi sono ridicole le mie ricerche e tutto il mio turbamento? Ci rido sopra anch'io, ma, vedete, questa città pian piano mi fa impazzire: c'è tanta bellezza qui, tante cose toccano il cuore... Tutto questo – antico, meravigliosamente semplice e in qualche modo particolare, tutto fa tremare il cuore"²⁹.

Michelangelo fu educato nella casa di Lorenzo Medici il Magnifico e lo adorava. Lui conosceva anche la grande, mai passata nostalgia di Lorenzo per suo fratello Giuliano, ucciso a coltellate in chiesa durante l'esecuzione del complotto congiunto della famiglia fiorentina Pazzi e del Pontefice Sisto Quarto. Da quel giorno il carattere allegro di Lorenzo e il suo modo di governare aperto e democratico cambiarono. Lorenzo il Magnifico e suo fratello Giuliano erano i protagonisti per Michelangelo, il che non può essere detto dei Medici successivi. "Se Firenze per tre generazioni accettava il dominio dei Medici, il quale a causa di circostanze era divenuto di successione, era solo perché i Medici ispiravano rispetto per i propri talenti e meriti. Erano forti perché il loro dominio non era legato a nessun titolo particolare e quindi nessuno poteva né metterlo in dubbio, né abolirlo. Erano considerate le prime persone di Firenze, perché tutti li riconoscevano come tali e permettevano che fossero tali"³⁰.

Subito dopo la morte di Lorenzo, suo figlio, che non brillava per nessun talento, fu esiliato da Firenze, dopo di che i Medici più volte sono tornati al potere, soprattutto con l'aiuto di eserciti stranieri. Nel 1520, sull'ordine del Papa Clemente Secondo della famiglia Medici, Michelangelo comincia il lavoro sul sepolcro dei Medici nella cattedrale di San Lorenzo. Secondo l'idea di Clemente, vi dovevano essere le tombe di Lorenzo il Magnifico e di suo fratello Giuliano, poi di due discendenti più recenti della famiglia, anche loro dai nomi Lorenzo e Giuliano, nonché del Papa Clemente stesso. Michelangelo crea le sue migliori opere di scultura, i monumenti a Lorenzo e a Giuliano (ufficialmente ai discendenti recenti), la Madonna dei Medici, la soluzione architettonica del sepolcro, in cui non c'è più spazio per altri monumenti, e lascia per sempre il lavoro. Per di più, lui partecipa all'insurrezione contro i Medici e per due anni dirige a Firenze la costruzione della fortificazione contro le truppe dei Medici.

Uno dei migliori conoscitori delle opere di Michelangelo, il francese Marcel Brion dice: "Perché Michelangelo aveva cominciato dai monumenti sepolcrali ai due duchi, persone abbastanza insignificanti, anziché mettersi

²⁹ V.p. 11-112 del presente libro.

³⁰ Marcel Brion. Michelangelo. Mosca , 2002, p.41.

subito a fare Lorenzo il Magnifico, che era stato amico e tutore suo, e meritava sotto tutti gli aspetti di essere onorato dal genio di questo scultore? Ognuno lo spieghi a modo suo”³¹.

Secondo la mia convinzione, con il pensiero e con le mani del grande Michelangelo, nelle sculture sepolcrali è immortalata la memoria del Grande Lorenzo Medici il Magnifico e di suo fratello germano Giuliano. Michelangelo volutamente rinunciò alla somiglianza di un ritratto, siccome lavorava per immortalare la memoria di Lorenzo il Magnifico e di suo fratello, anziché dei loro deboli discendenti.

Ultima volta, trovandomi solo di mattina presto, il 24 ottobre del 2002, e guardando attentamente, attraverso i riflessi del marmo bianco, i volti delle sculture dell'Aurora e della Notte, mi son accertato della giustezza delle parole di Muratov, che “nella nuova sagrestia di San Lorenzo, dinnanzi alle tombe di Michelangelo, si può sentire il tocco più puro e più infuocato dell'arte, che sia possibile provare per “uomo”, nonché mi sono accertato di quello, che, quanto mi pare, nelle statue dell'Aurora e della Notte è raffigurata la stessa donna, ma una è di 20-25 anni e l'altra invece è di 35-40 anni. Sempre lì ho cominciato a scrivere, sul retro di un fax ricevuto da Mosca ,le righe che seguono:

*Due donne, belle come le fate
Desiderate, addormentate per sempre,
In voi, solo in voi si è incarnato il tempo –
Il limite di quello, che può fare un uomo.*

*Il languore dell'Aurora, il puro desiderio.
Svegliati e desidera tutto ciò che hai dintorno,
Prendi tutto ciò, che è bello nell'universo,
Apri il bel giro magico della giornata.
Ma il sonno è profondo. Ancora marciano i nazi,
E la bellezza non salverà l'umanità,
Hanno già affilato i pugnali i Pazzi,
E la campana chiama al mattutino.*

*Risuona il Duomo, impallidisce il cardinale
Il segnale per la preghiera è il segnale per la strage.
L'ultimo momento si agghiaccia:
È il confine della vita, dei tempi, degli inizi,*

³¹ Marcel Brion. Michelangelo. Mosca , 2002, p.41.

*I quali non potranno mai terminarsi...
E l'Aurora quasi si sveglia,
Con i presentimenti e con le passioni. Lei sogna ancora
E sente un vago: "perdona".*

*Nella folla camminano quatti quatti i legati del Papa.
È l'ultimo dolce istante di Firenze,
Il castigo per lo splendore e per la brillantezza.
Un colpo e un grido. Ancora un colpo e un grido.*

*Un colpo e un grido. È caduto Giuliano.
Il sangue nella Signoria, il sangue sull'altare.
E per svegliarsi è troppo tardi o troppo presto.
Dormi fino alla fine, adesso ama nel sonno.
Dall'Aurora tu diventerai in un istante Notte,
Non ti svegliare, non sei più come una volta,
Hai visto l'assassinio nel tempio con gli occhi tuoi,
L'ira di Lorenzo, la disperazione di Cristo.*

LOLITA TIMOFEEVA

La pittrice lettone Lolita Timofeeva ha studiato pittura a Mosca ancora nei tempi dell'URSS, poi si è trasferita in Italia diventando uno dei partner attivi della nostra Società Fiorentina. La sua mostra personale "Anatomia di Firenze" svoltasi con successo prima nel 2003 al Palagio di Parte Guelfa e poi un anno dopo anche a Mosca, a me personalmente ha fatto fare molte scoperte in una Firenze che sembrava ormai ben familiare.

Lolita ha rivelato sotto il marmo la vita umana delle famose statue fiorentine e ha dato loro una nuova interpretazione, una visione inattesa.

Dopo aver visto il suo quadro in cui la cupola rossiccia della cattedrale Santa Maria del Fiore è raffigurata come cuore umano, non riesco più a percepire nessun paesaggio di Firenze che presenta la cupola di questa cattedrale se non come il cuore della città che batte senza stancarsi ormai da più di 5 secoli.

Ecco cosa ha scritto di questa mostra Giovanni Faccenda:

"Scrivo in una sera diversa dalle altre, mentre il giorno si addormenta sui tetti di Firenze come un gatto invecchiato dopo aver fatto l'amore. Fra i vicoli, le strade, i muri ingrigiti dal tempo e offesi dall'alluvione, la città respira

gli aromi di una primavera che comincia a guadagnare le rive dell'Arno cavalcando il dolce anelito del tempo che scivola, come una gran dama lungo una scalinata ricoperta di velluto rosso, dal piazzale Michelangelo.

In questa Firenze che sfugge alla cartolina, al souvenir consueto di chi arriva e sciama lungo il Ponte Vecchio, piazza della Signoria, via Calzaiuoli e il Corso, Lolita Timofeeva ha incontrato gli umori più forti di un'umanità vera, il senso di chi è solito vivere come di nascosto alla stessa vita, nel silenzio ingombrante di un'esistenza che rifugge da sempre il palcoscenico, le illusorie, spesso ingannevoli, luci della solita ribalta.

Così sono nati, colmi di inquietudini e significati reconditi, questi dipinti che appartengono alla sua più recente stagione creativa, un tempo segnato da una ricerca più approfondita, diresti persino ansiosa, intorno ai segreti meccanismi che muovono il corso indecifrabile della vita interiore di ognuno.

Tant'è che, nella cruda scarnificazione degli elementi raffigurati, un che di ambiguo, vagamente surreale, feconda illusioni apparenti come, in verità, fossero trame di un racconto di Borges, il cieco che vide Firenze, in un suo soggiorno di una ventina d'anni fa, come nessuno era riuscito a vederla da cinquant'anni a questa parte.

Forse anche lui, come Timofeeva, ebbe a trovare nelle viscere di una città ammutolita dal tempo l'idea di qualcosa che era stato e non sarebbe potuto più succedere: il senso di un umanesimo alto, incapace di lottare con il fango per la salvaguardia delle proprie radici.

"Partorire nella bellezza, diceva Platone: ecco quello che importa. La bellezza è spirito. Bisogna cioè esser sommersi in un'aura, essere pieni, colmi di qualcosa, di non so che specie di sole: ma bisogna che anche l'artista soffra un concepimento e una gravidanza e una liberazione: un figlio strappato alle viscere. Soltanto un'opera di tale significato, che contenga un pensiero, un respiro suo personale, può fendere la resistenza massiccia dei secoli"³².

E un merito di Timofeeva averci provato. Il tempo, un giorno, ci dirà se c'è riuscita."³³

È interessante come ha caratterizzato l'opera di Lolita Tommaso Paloscia: "Forme rigorosamente compiute che i colori-luce mettono in evidenza e vi esaltano la fonte: una fantasia adolescenziale cioè, vivacissima e tuttavia prudentemente contenuta nelle conclusioni espressive. Come a dimostrare che i temi di quei dipinti fascinosi sono temi estremamente seri e che il divertimento afferrabile in superficie affonda le sue radici in una filosofia sostanziale. Ecco, in un pomeriggio dell'estate ancora incipiente ma già torrida,

³² Ottone Rosai. *Il Frontespizio*. Difesa, 1936.

³³ Catalogo Mostra Lolita Timofeeva. *Anatomia di Firenze*. Rudomino, Mosca, 2004



il prestigioso Palazzo Vecchio di Firenze ha visto affollare il suo bel Salone dei Ducento da noti personaggi della cultura fiorentina: vi erano convenuti, malgrado il disagio dell'afa, per assistere alla presentazione di un prezioso libretto del poeta Mario Luzi che, per iniziativa dello storico Caffè letterario Le Giubbe Rosse, ovvero del suo solerte direttore Fiorenzo Smalzi, vi ha ripubblicato diverse poesie tratte dal "Quaderno gotico" da "Parole pellegrine" da "Su fondamenti invisibili" con l'aggiunta di una lirica inedita "La via di terra per arrivare a te". Il libro (L'avventura della dualità) contiene testi critici di Sebastiano Grasso e di Raffaele Monti: emerito giornalista e scrittore il primo, noto critico e storico dell'arte il secondo. Comunque, il fatto più atteso era costituito dall'intervento di Lolita Timofeeva che ha illustrato il libro con una serie di disegni a china delicati e intriganti. La presentazione ("Testimone di un connubio") elegantemente scritta, è di Eugenio Giani il quale rileva che l'esperienza - il connubio fra i due artisti - "apparentemente così diversi ma che hanno rapidamente maturato un comune sentire di cui sono involontario quanto onorato testimone", è stata una esperienza davvero originale.

Operazione compiuta, esito meraviglioso, dunque; la Timofeeva già aveva guadagnando le simpatie del poeta ma anche dei fiorentini perché era stata lei a bussare alla porta di lui: una iniziativa che ha funzionato da grimaldello per far saltare la serratura del prezioso forziere che racchiude la simpatia di Luzi. E dei fiorentini, anche.

L'introduzione specifica dell'evento risale al novembre 2001 quando la pittura di Lolita apparve nel Salone Brunelleschi del Palagio di Parte Guelfa in una personale che doveva suggellare lo scambio di esperienze culturali nel contesto del gemellaggio fra Firenze e Riga, capitale della Lettonia. Era stato il primo sorprendente successo della pittrice a Firenze. L'inizio di un rapporto cordiale con la città e gli addetti ai lavori. Nasce da questo rapporto la stima di un personaggio internazionale quale è Mario Luzi che ha captato nei disegni dell'artista un'intensa "corrispondenza" con i suoi versi.

Conoscendo i fiorentini e la loro città sono del parere che la Timofeeva abbia mosso nel Salone dei Ducento il passo più importante della sua avventura italiana che pure è punteggiata di ottime mostre personali e di successi. Basta scorrere il testo scritto da Luzi nella breve introduzione all' "Avventura della dualità" in cui si esalta l'incontro con i disegni e i dipinti dell'artista di Riga: "... era come se la giovane artista applicasse alle circostanze che il mondo le offriva una certezza stilistica raggiunta in astratto per studio e suggestione ma con disponibilità, franchezza, libertà e una certa spavalderia inconsapevole. Proprio questo gioco malizioso era innocente e senza sospetto: davvero mi parve arrivare da altrove. La materia delle sue tele aveva, per-

che no, conosciuto le avventure e le provocazioni del secolo, ma lo spirito, pur avendo assorbito insieme alle offerte anche le riserve sornione dei luoghi della pittura europea, restava nella sua vena fresca e adolescenziale a suo modo pionieristico, ispirava simpatia...”.

Ad ogni modo, per meglio osservare e conoscere la qualità dell'arte di Lolita, intendo dire lontano dalle suggestioni letterarie e di quelle suggerite dalle manifestazioni celebrative, penso sia necessario rileggere i suoi ritratti che un buon catalogo delle edizioni “Iles Celebes” di Ginevra raccoglie e tramanda oltre le dispersioni che comunemente accompagnano una mostra personale, soprattutto se intensa e accattivante come quella curata nell'anno 2000 da Valerio Dehò: una raccolta preziosa per osservare tranquillamente il segno, la struttura stupenda e l'evoluzione compositiva, le forme e i colori espressi in quei ritratti eccellenti; soprattutto la fine e complessa capacità dell'artista di usare il disegno per tracciare prospetticamente le sue avventure pittoriche riassumendole fino all'essenziale.

E, per gli stessi motivi, non trascurerei i protagonisti ritratti nella serie “Maledetti Toscani” a proposito dei quali ritengo utile che uno di loro - il noto poeta visivo Lamberto Pignotti - ha scritto: “Conosco molti dei soggetti che la Timofeeva ha dipinto: sì, sono estremamente somiglianti ma non è questo il punto. Il punto è che questi quadri, questi ritratti intendono rappresentare e rappresentano con efficacia delle immagini atte a suggerire una storia; una storia a un tempo reale e surreale, privata e pubblica, preferenziale ed emblematica”.

Il linguaggio e lo stile di Lolita pittrice sono stati analizzati da noti intenditori che ne hanno lodato la creatività e la tecnica insieme; che vi hanno individuato soprattutto la semplicità fluida ed elementare con la quale l'artista realizza le espressioni prevalentemente fondate sull'ambiguità dei significati e della rappresentazione; rappresentazione “scenica” aggiungerei poiché ho la sensazione che la consuetudine illustrativa della Timofeeva sia maturata da una grande familiarità con un tipo di figure manovrate abilmente - sempre più abilmente - nelle rappresentazioni del suo teatro, personale e incisivo, nel quale il surrealismo è invocato a rendere più aderente alla fantasia il rapporto tra la vita reale e la finzione; che sarebbe poi il nucleo essenziale della scena sviluppata nella ripetitività di personaggi protagonisti e comparse, del suo ampio dramma surreale.

Credo che per questo motivo essa chieda alla pittura di Dalì e magari anche alle divagazioni di Max Ernst impegnato “oltre la pittura” un prestito assai valido per animare quella sorta di bestiario similumano. Consapevolmente impregnata a servirsi di fattori tradizionali attinti soprattutto dalla fantasia del grande artista madrileno, ma affondano anche le radici molto

più lontano. Persino nelle strutture fondamentali di Paolo Uccello (come suggerisce Raffaele Monti nell'“Avventura della dualità”) filtrandone i suggerimenti attraverso la rapida lettura di una vasta schiera di eccellenti autori del Novecento europeo.

La plasticità delle forme e l'aderenza dei colori vivaci contribuiscono a determinare lo spazio meticolosamente calcolato da Lolita così come accade nella serie delle immagini create per gli “Indoor game”, quasi una novella sfida all'indiano “Kamasutra”, in tono ironico e pertanto divertente; un'ironia che le conosceamo già per avere osservato i dipinti esposti nel padiglione lettone della Biennale Veneziana del 1997 e ulteriormente precisata e sintetizzata nelle immagini semplici e quasi simboliche in “Kama Lolita. L'eroticismo nella sua interezza” presentata da Giorgio Celli nel 1999. In queste cose si evidenzia l'atteggiamento deciso nella ricerca che mi pare abbia avuto il suo culmine nello “Zarathustrae Bestiarium” presentato al Parlamento europeo nel settembre-ottobre del 2002 e nel circolo degli artisti di Faenza appena quest'anno da Marcel Parquet, dallo stesso Celli e da Lino Cavallari: un ardito confronto con l'aforistico “Così parlò Zarathustra” di Nietzsche; tutte imprese impegnative, talvolta persino azzardate, che Lolita ha affrontato in una chiara progressione di esperienze secondo un vademecum rigoroso che nel suo complesso apre all'osservatore, anche a quello occasionale, l'ampia area investigata con serissime motivazioni.

Finanche nell'“Anatomia di Firenze”, una mostra esibita nel Salone Brunelleschi del Palagio di Parte Guelfa con dipinti dedicati a Firenze in onore della Società Fiorentina di Mosca che in quel giorno era radunata a convegno nella stessa sala espositiva; avevano parlato della mostra il Presidente del sodalizio moscovita e l'assessore Giani: un bell'incontro senza dubbio che costituiva un agile proemio a quanto sarebbe accaduto appena il mese successivo in Palazzo Vecchio. Si era trattato di una sintetica ricapitolazione pittorica della Firenze monumentale in cui al singolo capolavoro architettonico o scultoreo la pittrice accoppiava l'immagine di un cuore umano, vivo, per indicare la funzione che ciascuno di essi esercita nella città: una sottile argomentazione cioè che si insinuava in alcune sì quelle esibizioni paracartolinesche per mostrare come egualmente fosse possibile unire a una comune propaganda turistica l'introspezione artistica in favore di una Firenze sorniona e all'apparenza indifferente alle esaltazione delle sue preziosità. Ed anche questo è un merito da sottolineare.

“Trasvolata come una rondine in autunno dal Baltico”: è simpaticamente appropriata la rievocazione della frase che Savinio aveva riferito nel 1921 a Edita Walterowna, divenuta poi Edita Broglio per aver sposato il pittore editore della Rivista Valori Plastici. Raffaele Monti accenna ad un simpatico



traslato nel quale viene coinvolta Lolita Timofeeva anch'essa, tanti anni dopo, trasvolata dal Baltico nel nostro paese. E' un tocco di poesia nella critica che spesso avverte il bisogno di attingervi per dare aria al rigore della sua severità, per rendere totale l'immagine attraverso cui devono filtrare necessariamente la personalità e l'itinerario pittorico.

À giustificare, documentandolo, le affermazioni del poeta toscano, del professor Paolucci Sovrintendente ai Beni Culturali, di Janus, di Cavallari... tutti concordi nella valutazione positiva di un'arte che ammicca con una certa simpatia alle espressioni pittoriche con le quali ciascuno di noi ha convissuto. E che rappresentano le cose più ricordevoli di un'epoca non ancora tramontata insieme con le indicazioni pur perentorie fornitoci da quell'intramontabile e severo segnateempo che è il calendario.”

La sensualità sottile delle opere di Lolita Timofeeva sboccia in un risultato creativo inatteso. Il mito della statua femminile Galatea resa viva grazie all'amore dello scultore Pigmalione è stato completato nel quadro della nostra artista presentato alla mostra “Anatomia di Firenze” con il mito del milite di marmo dal “Ratto delle Sabine” di Giambologna, rianimato dalla propria passione. Non c'è dubbio che il marmo rianimato dell'uomo renderà vivo anche il marmo della donna che giace in braccio a lui. E dopo la visione che ci ha dato Lolita Timofeeva non vi è niente di sorprendente, perchè questa statua è rimasta per tanti secoli nella Loggia in Piazza della Signoria e ha assorbito per tanti anni le emozioni e le passioni della città più ammirata e più sensuale al mondo. È interessante che a percepirlo è stata una straniera di nascita, ma fiorentina nel cuore - Lolita Timofeeva.

Nel 2005 nell'ambito della Società Fiorentina è nata l'idea di organizzare a Firenze una mostra ispirata al libro di Michail Bulgakov “Il Maestro e Margherita” con la partecipazione dei pittori italiani e russi. Una degli artefici di questa idea è stata Lolita Timofeeva. Il suo primo quadro dipinto per questa mostra è impressionante. Considerando che il nome di Margherita è collocato nel titolo del romanzo, l'immagine della stessa proiettata da Bulgakov risulta vaga, schematica, incerta.

Lolita, a quanto pare, rimedia a questo difetto del romanzo, dipingendo Margherita nell'atto di spalmarsi l'unguento che la renderà invisibile per il volo al ballo di Satana-Woland. Una bellissima donna nuda rimasta a lungo senza amore, languente dal desiderio, dai capelli biondi che si trasformano nei serpenti di Medusa.

Si vede in mezzo un volto impaurito e confuso dell'uomo che osserva la metamorfosi che trasforma Margherita in una strega e l'emozioni di questa donna straordinaria che perde il controllo di sé e che prima era stata la Musa dello scrittore-Maestro, ispirando il libro su Cristo, il cui manoscritto il Maestro fu costretto a bruciare.



Questo personaggio nel quadro di Lolita Timofeeva assomiglia parecchio al ritratto da lei fatto al poeta Mario Luzi. Come spiega la pittrice stessa, è il personaggio di Korov'ev dal romanzo di Bulgakov, un ex cavaliere mandato all'Inferno per aver tentato di mischiare le tenebre con la luce.

Il famoso poeta toscano Mario Luzi, eletto nel 2004 al Senato italiano, ha pubblicato un volume di poesie illustrato da Lolita Timofeeva. Ha caratterizzato queste illustrazioni come «Nozione di esotismo» e così ha scritto dei disegni di Lolita: E difficile mantenere oggi all'interno della nostra cultura la nozione di esotismo. In un quadro così composito e fortunoso come è il nostro presente intellettuale tutto può pretendere à quella definizione e tutto ugualmente rifiutarla. Eppure la inaspettata proposizione di se che fece Lolita Timofeeva nel mio orizzonte circa due anni or sono ebbe l'effetto di richiamare quel vocabolo e di rinnovare quel concetto.

Nulla certo del mondo oggettivo e del suo riflesso formale lo avrebbe giustificato, ma c'era qualcosa di pristino e di fermo nel segno di lei che si presentò primamente come autrice di ritratti dotati ambigualmente di precisione e di improbabilità, perfino di ironia... Con sorpresa mi resi conto che proveniva da un paese fisico e mentale incorrotto e serio, ma colto e aggiornato e quella miscela dava frutti abbastanza strani e appunto esotici.

Era come se la giovane artista applicasse alle circostanze che il mondo le offriva una certezza stilistica raggiunta in astratto per studio o soggezione ma con disponibilità, franchezza, libertà e una certa spavalderia inconsapevole. Proprio questo gioco malizioso era innocente e senza sospetto: davvero mi parve arrivare da altrove.

La materia delle sue tele aveva, perché no, conosciuto le avventure e le provocazioni del secolo, ma lo spirito pur avendo assorbito insieme alle offerte anche le riserve sornione dei luoghi della pittura europea restava nella sua vena fresca e adolescenziale à suo modo pionieristico, ispirava simpatia. La bravura poi del suo disegno quando la lascia agire in piena libertà si accende virtuosamente e crea intorno al suo oggetto un clima mitico talora inquietante e sottilmente inquisitorio.

Mi chiese di avere un mio testo, e mi indicò lei stessa quale, per sviluppare un suo motivo, a quel momento, urgente. Ed ecco quali fantasie e archetipi del senso, che miraggi del desiderio e liberazioni da angustie nel sogno le hanno suggerito il mio "Quaderno Gotico" ed altri miei versi d'amore.

Il quadro di Lolita raffigurante la cupola della cattedrale Santa Maria del Fiore potrebbe essere visto come illustrazione della famosa poesia di Mario Luzi "Fiore della fede" dalla raccolta "Opus florentinum".

*E la mia voce ora che ascoltate,
sono Santa Maria del Fiore.
Mi volle la città fervente
alta sopra di se,
sopra qualsiasi altra
delle sue grandi basiliche
e le sue umili parrocchie
e Santa Reparata che custodisco in me.
Grande mi concepirono i mercanti
e il popolo minuto.
Ebbero di me una visione grande
Arnolfo, Giotto, ser Filippo,
assistettero alla mia nascita, essi,
propiziarono la mia crescita,
un popolo di artefici si adoperò per me nei secoli,
l'Opificio è ancora aperto;
non sarò mai compiuta.
Si tenevano fra le mie mura nascenti
i dialoghi che avete ora ascoltato,
non erano neanch'essi profani,
crescevo su me medesima,
mi alzavo sopra la città per opera della pietà comune
e di spicciola pazienza.*

*Chi sono gli operai, gli artefici
e gli artisti che mi hanno messa al mondo ed al suo onore?
Ne avete uditi alcuni, altri innumerevoli
hanno parlato e taciuto, un popolo mi ha spinto
con la sua fatica e la sua fede
talora anche blasfema così in alto.
Ma non voglio tacere l'abbandono
nel quale fui spesso lasciata
in talune delle mie lunghe epoche.
Ricordo anche lo spregio in cui mi hanno tenuto
mischiandomi a profani avvenimenti,
talora criminali e anche l'insulto
del rispetto esteriore delle parate.
O mia città che ho sollevato al cielo
e talora m'ha invece trascinato in basso!
Uomini, persone: generazioni ne ho vedute molte*

*succedersi o variare da quelle originarie
e via via dalle seguenti. Nondimeno
l'anima di Firenze si risveglia
e si riconosce in me, riprende
fierezza della mia presenza...*³⁴

Assessore alle Relazioni Internazionali del Comune di Firenze Eugenio Giani scrive della mostra: "L'iniziativa che Mosca ospita in nome del rapporto di profonda amicizia con Firenze costituisce un originale contributo alle relazioni culturali fra le due città.

La società fiorentina di Mosca è un'importante testimonianza di come persone dall'autorevole posizione nella realtà civile russa abbiano il comune senso di appartenenza nel desiderio di approfondimento della realtà storica e culturale di Firenze. Personalmente sono sempre stato orgoglioso della presenza di questa Associazione da quando due anni fa ebbi modo di conoscerne l'esistenza e apprezzare i suoi appassionati soci in visita a Firenze.

Il tema della mostra è legato ai monumenti e ad opere d'arte della città di Firenze, arricchito da un bel ritratto del Presidente Pietro Baraboin. Sette di questi dipinti e il ritratto sono già stati esposti nel prestigioso Palagio di Parte Guelfa a Firenze, per alcuni anni del secolo scorso sede del Comune di Firenze, divenuto oggi un centro espositivo di particolare significato istituzionale.

La mostra si svolse in concomitanza del convegno organizzato in collaborazione con la società fiorentina di Mosca per creare confronto e approfondimento fra autorevoli esponenti delle banche nazionali europee e della C.S.I. e l'artista Lolita Timofeeva stimolò con le sue opere eco positivo e interessato di critica e pubblico fino a far parlare di se come della pittrice "che riesce à stupire sempre".

La pittrice con la sua opera è diventata riferimento in Italia della nuova generazione di artisti lettoni. Ha rappresentato il suo paese nella Biennale di Venezia nel 1997. Entrando recentemente in contatto con il noto poeta Mario Luzi, ha creato i disegni che commentano la poesia del grande maestro, candidato al Premio Nobel, realizzando un prezioso libro "L'avventura della dualità", edito nel giugno 2003 dalla casa editrice "Giubbe Rosse".

Un'artista lettone, formatasi fra San Pietroburgo e Mosca, da più di dieci anni residente in Italia, ospite sempre gradita degli ambienti artistici e letterari del nostro paese, non poteva che essere protagonista involontaria del rapporto fra Firenze e Mosca, suggellato istituzionalmente da un patto di cooperazione siglato fra il Comune di Firenze e la Duma di Mosca il 6

³⁴ Mario Luzi. *Opus florentinum*, Passigli Editory. Firenze, 2000, p. 51-57



marzo 2003, data simbolica dell'anniversario della nascita di Michelangelo Buonarroti, e per questo sottoscritto nel cortile fiorentino del prestigioso Museo Pusckin.

Le opere hanno temi fondamentali per l'immagine di Firenze nel mondo e ripercorrono quello straordinario periodo che dal 1300 al 1500 caratterizzò l'umanesimo e il rinascimento fiorentino, rendendo la città riferimento culturale nel mondo.

L'immagine di Dante Alighieri, padre della lingua italiana, il genio di Michelangelo Buonarroti, esemplificato nel David, talenti come Giambologna e Baccio Bandinelli, autori del "Ratto delle sabine" e "Ercole e Caco", le straordinarie visioni del Palazzo Vecchio, centro della vita civile e amministrativa di Firenze da più di sette secoli, sono solo alcuni dei soggetti rivisitati dal pennello dell'artista che offrono uno spaccato originale della Firenze ancor oggi in grado di suscitare sensazioni uniche in visitatori, amanti dell'arte, appassionati della storia.

Vorrei ringraziare Presidente Barenboim e tutti i soci della società fiorentina per il lavoro continuo e di grande profilo che stanno sviluppando con la promozione e diffusione dell'immagine di Firenze in un mondo a noi caro, quanto ancora tutto da scoprire, quale quello della realtà russa in generale, e moscovita in particolare."³⁵

LA SOCIETÀ FIORENTINA A MOSCA

Il Rinascimento, che è riuscito così bene ai fiorentini del '400, non è un evento nettamente storico (cioè rimasto nella storia), ma più che altro è una guida del presente e della storia del futuro. I ricordi del Rinascimento sono sempre i "ricordi del futuro".

Quando il Rinascimento diventerà il passato, vincerà il terrore e finirà la civiltà moderna. Non è per caso l'informazione sulla costituzione della Società Fiorentina è pubblicata sul giornale "Vremia novostej" ("Il Tempo delle notizie") il 17 settembre del 2001 sotto il titolo "Il Terrore e il Rinascimento". Riportiamo il testo intero di quella comunicazione:

"Mattina presto il 27 maggio del 1993 la mafia siciliana ha fatto saltare a Firenze la galleria degli Uffizi, famosa in tutto il mondo, e le case adiacenti. Le persone e i quadri sono morti nel sonno.

³⁵ Catalogo Mostra Lolita Timofeeva. Anatomia di Firenze. Rudomino, Mosca, 2004

La galleria era un simbolo della cultura Europea. Il centro commerciale a New-York era simbolo dell'economia e dell'architettura americana. Questo paragone dimostra che il terrore non è una lotta tra i musulmani e i cristiani, tra i poveri e i ricchi, tra gli estranei e i connazionali. Il terrore, prima di tutto, è l'oppressione dello spirito e della civiltà come tale.

La Società Fiorentina, costituita pochi giorni fa in Russia, era ideata ancora prima della tragedia americana. Dopo quella tragedia il tema del Rinascimento come si risorgesse: ora il Rinascimento è un "ricordo del futuro", della possibilità della ripresa della civiltà dopo un tentativo di distruggerla...

La Società Fiorentina si pone come scopo di promuovere la rinascita delle idee e dei valori del Rinascimento in Russia". Forse, uno degli obiettivi della Società Fiorentina è quello di far partecipare almeno un po' alla grandezza e al mistero del Rinascimento fiorentino. Come se questo mistero possa essere scoperto adesso, alle soglie del nuovo millennio.

Più o meno di questo parlava nel suo libro "Il Diario Fiorentino" il grande poeta austriaco R. M. Rilke: "Siamo diventati più adulti non solo di anni, ma anche per i nostri scopi. Siamo arrivati ai pali di frontiera dell'epoca, e migliaia di persone hanno già tentato di scuoterli... Abbiamo bisogno dell'eternità, perché solo lei lascia spazio ai nostri movimenti... Diventate poco moderni almeno per un giorno, e vedrete, quanta eternità voi portate in se. Quelli che sentono l'eternità sono al di sopra di ogni paura.

Quando viene la notte, loro vedono sempre quel luogo, dove verrà il nuovo giorno, e non hanno paura... Le persone, nate nella paura, vengono nel mondo come in un paese estraneo, non riusciranno a trovare la strada verso casa... Quindi smettete di vivere solo nel presente, diventate una specie dell'avvenire per se stessi. Voi andrete avanti, superando se stessi, e allora non smarrirete la strada!³⁶"

L'appello a Firenze è un appello non al passato, ma più che altro al futuro, senza la speranza del quale la vita è impossibile. Firenze del '400 per noi è un "ricordo del futuro", la speranza del suo compimento. Non è per caso durante le discussioni della Società Fiorentina i loro partecipanti passano leggermente dal passato al presente e al futuro, da Firenze alla Russia, il che avviene sullo sfondo di un discorso su Firenze e di grande fiorentino Niccolò Machiavelli, che fondò la scienza politica e cercava di dimostrare, che la politica è un'arte ed è affrontabile solo per veri maestri. A quest'arte della politica possono essere attribuite le parole di Rilke dallo stesso "Diario Fiorentino": "Sappiate, che l'arte è una strada verso la libertà. Noi tutti siamo

³⁶ Rilke R.M. Florentijskij dnevnik. M., 2001, p. 59, 64, 65.

nati con le catene. Qualcuno lo dimentica: se le fa placcare d'argento o d'oro. Noi invece le vogliamo strappare. No, non con un unico movimento selvaggio e terribile, noi vogliamo semplicemente crescere, in modo che esse risultino troppo strette”³⁷

Nel nostro Paese si strappavano già le catene con un movimento “selvaggio e terribile”, per poi rimettersi addosso altre catene più pesanti. Direi, che è meglio imparare semplicemente a crescere, liberandosene.

Una volta, per rendere felice tutto il mondo, volevamo che su Marte fiorissero i meli. Sembra, che sia molto più importante, se a Mosca fiorisca il giglio fiorentino, come simbolo non del disgelo menzionato così spesso, ma della vera Primavera.

Nessun'altro meglio di Pavel Pavlovich Muratov ha detto di questa città: “Firenze è viva, e la sua anima non è ancora tutta nei quadri e nei palazzi. Lei parla con ognuno una lingua semplice e chiara, come la lingua della patria...”. In ogni modo, la Società Fiorentina è già accettata e riconosciuta dalla Signoria Fiorentina.

Il logo della Società Fiorentina, il giglio sul merlo del muro del Cremlino, che è stato ideato da un membro della Società Alexander Zakharov e realizzato dall'editore Andrei Sorokin, è profondamente simbolico. Come è noto, il Cremlino fu costruito con la partecipazione dei fiorentini. Così il legame tra la Russia e Firenze ha radici storiche profonde.

La Società Fiorentina vuole rammentare la grandezza e la possibilità dell'atto eroico spirituale, compiuto a Firenze nel '400. Forse, si può ripetere questo atto o almeno tentare di ripeterlo, ma, certamente, in un altro modo. Non si deve rinunciare completamente all'utopia. Ogni tanto l'utopia si realizza. Questo suggerisce Firenze, che ha ispirato Rilke 100 anni fa:

*I. Capisci, siamo veramente agli inizi,
Così, come se non ci fosse stato ancora niente,
Alle nostre spalle c'è mille
E un sogno,
E niente fatti.*

*II. Non c'è niente di più beato per me,
Che sapere questo, l'Unico:
Che bisogna diventare un Fondatore.
Un qualcuno, che scriverà la prima parola
Dopo un trattino, esteso
Per centinaia di anni.*

³⁷ Ibid, p. 30

Firenze è fiera, che Ciaikovskij compose qui la sua opera “La Dama di Picche”, e Dostojevskij scrisse il romanzo “Idiota”. Firenze aiutò loro. Forse, oggi lei può aiutare un russo a fare qualcosa di grande³⁸.

Illustrations:

P. 242: Lolita Timofeeva, Anatomia di Firenze 1, 2003

P. 269: Lolita Timofeeva, Anatomia di Firenze 3, 2003

P. 273: Lolita Timofeeva, Anatomia di Firenze 10, 2003

P. 275: Lolita Timofeeva, Bulgakoviade I, 2006

P. 279: Lolita Timofeeva, Anatomia di Firenze 6, 2003

³⁸ Nel testo sono usati brani dell'articolo “La dolce assunzione, Firenze a Mosca” dal “Vestnik Evropy”, Tom V, 2002, nonché dell'articolo “Le lezioni costituzionali di Firenze e di Machiavelli per la Russia del primo decennio del 2000” dall'antologia “La Massima di Machiavelli. Lezioni per la Russia del 2000”, M., Rudomino, 2001.

П. Баренбойм, А.Захаров
ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УТОПИЯ:
ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Ответственный редактор М. Миронова
Художественное оформление М. Миронова
Корректоры С. Поварова, В. Полякова
Верстка С. Сухоцкая
Подготовка макета в печать А. Багаев

Подписано в печать 11.05.2012
Формат 70х100/16
Бумага мелованная матовая G-Print 90 г/м²
Печать офсетная. Объем 18 п. л.
Тираж 500 экз.



Издательство ЛУМ/LOOM

ISBN 978-5-9903067-3-8

